

ЛУЧШИЕ БИОГРАФИИ

ПЕТР
Мультиатули

ИМПЕРАТОР
НИКОЛАЙ II

ЧЕЛОВЕК И МОНАРХ

Лучшие биографии

Петр Мультатули

**Император Николай
II. Человек и монарх**

«ВЕЧЕ»

2016

Мультатули П. В.

Император Николай II. Человек и монарх / П. В. Мультатули — «ВЕЧЕ», 2016 — (Лучшие биографии)

ISBN 978-5-4444-7678-9

Император Николай II и сегодня продолжает оставаться непонятым и как человек, и как государственный деятель. Между тем для понимания его личности, деятельности и мученического подвига необходимо рассматривать эти темы не отдельно, а исключительно в едином ключе. Это и пытается сделать в своем труде известный исследователь жизни и царствования Николая II кандидат исторических наук П. В. Мультатули. В настоящей книге автор рассматривает период царствования Императора до 1907 г. Подробно разбираются вступление монарха на престол, личные качества Николая II как политика и как семьянина, его отношение к реформам, события революции 1905 года и Русско-японской войны. Представляемая на суд читателей работа является на сегодняшний день наиболее полной биографией Святого Царя-Мученика. Кроме настоящего издания биографический проект П. В. Мультатули продолжает книга «Император Николай II. Мученик».

ISBN 978-5-4444-7678-9

© Мультатули П. В., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Предисловие	6
Часть I	16
Глава 1. Формирование личности	16
Глава 2. Жизнь Цесаревича	30
Глава 3. Образование Цесаревича Николая Александровича	37
Глава 4. Путешествие на Восток 1890–1891 гг.	47
Глава 5. Обручение с Принцессой Алисой Гессен-Дармштадтской	58
Конец ознакомительного фрагмента.	66
Комментарии	

Петр Мультатули

Император Николай II. Человек и монарх

© Мультатули П. В., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

* * *

*Моему возлюбленному сыну
Николаю Петровичу Мультатули.
Помни, в честь Кого назван.*

Автор

*Не смыть всем водам яростного моря
Святой елей с монаршего чела.
И не страшны тому людские козни,
Кого Господь наместником поставил.*

Вильям Шекспир. Ричард II. Акт III, сцена II

Предисловие

В русской истории нет государственного деятеля, который был бы столь оклеветан и не понят, как последний русский Император Николай II. В течение долгих десятилетий народ слышал в отношении своего убиенного Царя лишь глумление и ненависть. Партийные идеологи, историки, публицисты, писатели, художники, киносценаристы, режиссеры соревновались друг с другом в стремлении опорочить, очернить, принизить имя Государя. Причём речь идёт не о научных оценках Николая II, которые, конечно, могут быть разными, а именно о сознательной клевете и лживой мифологии. Парадоксально, но изверги XX столетия Ленин, Троцкий, Сталин, Гитлер, Мао Цзэдун, Пол Пот, пролившие моря человеческой крови, не вызывали такого отторжения, как убиенный со своей Семьей, добрый и милостивый Государь, кардинально улучшивший благосостояние своего народа и причисленный в конце XX в. к лику святых. Сравнивая все реальные и мнимые успехи коммунистического режима в экономике и социальной сфере с 1913 г., то есть пиком расцвета Империи, советские учебники спешили объявить Россию эпохи Николая II «слабой», «отсталой», «загнивающей». Все советское время имя убиенного Царя находилось под запретом. В ленинско-сталинское время за хранение его портрета можно было в лучшем случае отправиться в лагерь, а в худшем – быть расстрелянным. 21 января 1928 г. во время ареста отца Павла Флоренского при обыске среди его вещей была обнаружена фотография Государя. Это единственное, что было изъято сотрудниками ГПУ. На вопрос гепэушников, как он относится к Царю, Флоренский ответил: *«К Николаю II я отношусь хорошо, и мне жаль человека, который по своим намерениям был лучше других, но который имел трагическую судьбу царствования»*^[1]. Редкое мужество по тем временам! И. Л. Солоневич вспоминал, что один немецкий левый деятель признавался ему, что видел в 1920-х гг. в СССР портреты Государя, спрятанные в домах за иконы. Документы большевистского сыска 1922 г. подтверждают факт тайного хранения царских портретов: *«В Старобельске произведенным обыском в женском монастыре было обнаружено спрятанным большое количество драгоценностей и портрет Николая II-го»*^[2].

В хрущевско-брежневское за это же «деяние», хранение и тем более публичное вывешивание портрета Государя, расстрел уже не грозил, но уголовная ответственность за «антисоветскую агитацию и пропаганду» – вполне. Букинистическим и антикварным магазинам было запрещено принимать от населения открытки с Царской Семьей, книги и журналы с ее изображениями. Власти знали, что делали. Автору этих строк приходилось общаться не с одним человеком, который свидетельствовал, что пришел к почитанию Николая II и его Семьи, и даже к Православию, после того, как увидел их лица. Внедрение в народное сознание искаженного, оболганного образа Государя было призвано легитимировать захват и нахождение у власти советско-партийной клики, оправдание совершенного ею Екатеринбургского злодеяния. Клика понимала, что возвращение подлинного образа Николая II в народное сознание грозит крушением их господству. Слишком страшна и опасна была правда о Государе для этих узурпаторов. Слишком страшен и опасен был для них подлинный образ Царя, которого они называли «слабым» и «кровавым», но почитание которого продолжало жить в народе. Слишком разителен был контраст между царской эпохой, с её процветанием и подлинной свободой, и их революционной эпохой, эпохой геноцида, голода, Гражданской войны, тотального грабежа, тюрем и концлагерей.

Но кроме этого, Николай II был ненавидим коммунистической «элитой» ещё и потому, что он был олицетворением совершенно чуждого и враждебного ей мира. Ненависть, которую испытывала и испытывает до сих пор к Николаю II значительная часть духовных, а то и прямых наследников цареубийц и палачей, не имеет никаких рациональных объяснений. Эта ненависть древняя и всеохватывающая, и не Государь является её главным объектом. Ведь его жизнь и

кончина есть следствие верности Христу и подражание Его Вселенскому Подвигу. Император Николай II любил Христа Спасителя больше своей земной жизни.

Российский публицист А. Г. Жучковский пишет о причинах этого странного психологического феномена. *«Ненависть к Императору – феноменальное явление, которое уже впору изучать социологии. <...> В этой ненависти – чистой воды инфернальщина, корчи вампира на рассвете, демонический страх перед светом, святостью Государя»*. Согласно А. Жучковскому, наиболее опасным является сообщество, ненавидящее Николая II не по безграмотности, а вполне сознательно. Представители этого сообщества хорошо понимают, *«с чем и с кем имеют дело. Это они, сидя в петербургских салонах и заграничных кафетериях, вбрасывали лозунги “грабь награбленное” и “долой попов”, это их фараон лежит на Красной площади. Эти, как правило, из большевиков, <...> это международная секта, которая эволюционировала в новые формы, так что теперь многие ненавистники Императора – вполне “либералы”. Но сущность их та же, сущность безбожников и русофобов, свергнувших нашу страну и наш народ сто лет назад в ад и ныне делающих все, чтобы русские в этом аду оставались. Потому Император, символизирующий историческую Россию, – русскую Россию, Россию Закона – им столь ненавистен»*^[3].

Лживый миф о последнем Царе создавался в течение долгих десятилетий: от полупорнографических пасквилей Антона Горемыки (псевдоним С. А. Цион) «Николай II: Его личность, интимная жизнь и правление»^[4], изданного в Лондоне в разгар революции 1905 г., и масона В. П. Обнинского «Последний самодержец»^[5], изданного в Берлине, злобных клеветнических эссе всевозможных «февралистов», «профессиональных» фальсификаций академика-большевика М. Н. Покровского, всевозможных Любошей^[6] и Не-Букв^[7], фальшивых дневников Вырубовой до «Агонии» Элема Климова и «23 ступеней вниз» Марка Касвинова.

Со времён Сталина в Советском Союзе была взята на вооружение ещё и тактика полного умолчания о Государе. У людей должно было создаться впечатление, что такого Царя, как Николай II, вообще не было. Например, монографии по внешней политике Императорской России начала XX в., выходившие в СССР, умудрялись обходить стороной главного её руководителя – Николая II, заменяя его министрами иностранных дел, послами, военными атташе и т. д.

Однако сегодня, помимо сознательного неприятия последнего Царя, чаще встречается непонимание его действий, которые кажутся этим людям проявлением слабости или недалёковидности. Епископ Егорьевский Тихон (Шевкунов), называя последнего Государя одной из *«самых прекрасных фигур в истории России и в истории Русской Церкви»*, указывал, что *«именно поэтому он обречен на непонимание и даже на вражду, но на непонимание больше. Люди не всегда могут понять, что это был за подвиг, что это был за человек. Не всегда могут понять уровень его самоотвержения. Ведь он лишился всех венцов: и венца победителя в войне, и венца великого устроителя Русской Земли, и венца церковного деятеля, всех венцов, и Царского венца, у него оказался только один венец – венец мученика. Но для Господа это был главный итог его жизни»*^[8].

Однако многие не понимают, почему этот «венец мученика» выше, чем царский венец, и зачем Царь отказался от него. Как часто приходится слышать: «Вот если бы на месте Николая II был Александр III или Сталин, вот тогда бы...» Почти вековая идеологическая обработка воинствующего материализма не прошла даром, и понимание жертвы во Имя Божие, во Имя Христово, бывшее таким ясным и само собой разумеющимся для наших предков, в наши дни у значительной части людей является каким-то отдалённым и непонятным понятием. Даже среди многих православных, славящих Искупительный Подвиг Спасителя, добровольно давшего распять Себя на Кресте, нередко встречается непонимание хриstopодражательного подвига Его Помазанника.

Однако не только мученический подвиг Николая II остаётся сегодня непонятым. Непонятым остаётся Николай II и как государственный деятель, как великий устроитель Земли Русской. У нас до сих пор не осознают или не хотят осознавать и принимать его опыт модернизации России, проведенный при политике народосбережения, а не народоуничтожения. Тот невиданный темп, который придал Николай II своим реформам, модернизации русской экономики и промышленности, образования, здравоохранения, сельского хозяйства, был не только вполне сопоставим с Петровскими реформами, но и во многом опережал их. К тому же, в отличие от преобразований Петра Великого и даже Александра II, Николай II не предавал своим реформам характер «шоковой терапии», что делало их в глазах народа «незамеченными». У нас же до сих пор многие продолжают всячески принижать и искажать неоконченные итоги реформирования страны Государем и поднимать на щит ту чудовищную вивисекцию, которую осуществили над Россией большевики, начиная от Ленина, Троцкого и Сталина и заканчивая Хрущевым и Горбачевым.

Николай II вступил на престол исполненный самых благих намерений, убежденный в необходимости обновления общества при сохранении Самодержавия и «заветов родной старины». Во всех отраслях государственной жизни он был новатором, но новатором эволюционным, а не революционным. Говорят, что Пётр Великий мечтал увидеть результат реформ ещё при своей жизни. Отсюда он неимоверно спешил сделать как можно больше и наряду с действительно великими преобразованиями поднял «Россию на дыбы». Николай II «Россию на дыбы» поднимать не хотел и думал о грядущей жизни ее народа. Революция в любом ее виде была органически чужда ему. Между тем русское общество революцией жило и «дышало». Причем не обязательно революцией социальной, сопровождаемой свержением государственного строя. Сторонников таковой было в общем немного. Но революция социальная не сваливается на страну как снег на голову. Она вырастает из сотен, тысяч маленьких «революций», маленьких предательств вековых идеалов предков, их уклада жизни, их обычаев и, конечно, их Веры, мировоззрения и мироощущения. Казалось бы, что страшного? Здесь не говели в Великий пост, там повторили сплетню о Царствующем Доме, пропустили клевету на Государя, там увлеклись модными марксизмом, масонством, вульгарным дарвинизмом. Дальше – больше. Здесь посочувствовали террористам «Народной воли», Боевой организации эсеров, поаплодировали убийствам царских министров, а там уже два шага до финансовой и личной поддержки революции. Шаг за шагом русское общество отступало от Христа и Его заповедей, превращая Православие в красивую обрядность, традицию, теряя при этом живую веру. Член Царствующего Дома, Великий Князь Александр Михайлович называл Святое Православие «опасной сектой». В 1916 г. в издании Служебника карманного формата на обычной схеме расположения частиц на Дискосе изъяли особую частицу за Императора. По словам протоиерея Валентина Асмуса: *«Даже в недрах Святейшего Синода прокладывал себе путь антимонархизм, в данном случае на волне клерикальных настроений. Именно в этом нужно видеть причину позорной пассивности Синода в судьбоносном феврале перед тем, как он покорно самоликвидировался по указке новой, “демократической” власти»*^[9].

По мере того как православное самосознание уходило из русской правящей элиты, ему на смену приходили разного рода суррогаты, причудливые смеси из мистики, оккультизма, масонства, социализма, богоискательства. Это было модно, престижно, увлекательно. Газеты пестрели от рекламы всякого рода гадателей, предсказателей, ясновидящих. С увлечением занимались спиритизмом и столоверчением, сеансы которых проходили в различных салонах.

Чем больше люди отходили от Христа, тем они меньше понимали Николая II, в котором, как ни в ком другом, русское начало не нашло себя в такой полноте, с такой ясностью и с такой силой. В последнем Государе, как в зеркале, отразилась душа России, ее верность и любовь ко Христу, ее имперская мощь, ее голгофские муки и крестная смерть. Л. П. Решетников отмечает, что *«неприятие именно такого Царя создавало условия для распространения различных*

измышлений о профессиональных и человеческих качествах Государя. Всё это вполне объяснимо: Царь, говоря современным языком, оставался в православном “поле”, а его оппоненты из политической и интеллектуальной элит давно это поле покинули»^[10].

Именно в это время эти «оппоненты» окончательно перестали понимать суть и смысл Самодержавия. Поэт Д. С. Мережковский называл Самодержавие *«легендой прошлых веков»*, а граф Л. Н. Толстой отжившей *«формой правления, могущей соответствовать требованиям народа где-нибудь в Центральной Африке»*. Результатом этого состояния стал процесс десакрализации жизни русского народа в целом. Отсюда к началу XX в., по словам доктора исторических наук А. Н. Боханова, *«понятие “Царь” не воспринималось больше сакральным символом, в “обществе” никто и не вспоминал, что “Царь – устройство Божие”*. В Мировоззании видели только властителя, наделённого, как немалому числу людей казалось, слишком широкими властными полномочиями. И всё. Общественное сознание постепенно становилось не только просто нерелигиозным, но и активно антицерковным, а потому и антицарским»^[11]. Либеральный публицист и масон Д. В. Философов был вынужден признавать: *«Заключить из всего произошедшего, что Николай II должен нести ответственность за настоящий хаос, значило бы вынести ему несправедливый приговор. Он не виноват в смертельном кризисе своей Империи. Эта Империя была больна уже тогда, когда он ее унаследовал»^[12].*

Поэтому подавляющая часть коренных проблем и неудач Российской империи начала XX в., которые относят к «ошибкам» и «недостаткам» Николая II, является на самом деле проявлением этой смертельной болезни, поразившей русскую государственность. Непредвзятый взгляд на исторические события той эпохи отметит, что именно Николай II взялся не только врачевать эту болезнь, но и добился больших успехов в ее исцелении. Общество же не только не помогало Царю в этом, но, наоборот, мешало ему. Каждый раз, ставя Царя в тяжелейшие политические условия, из которых ему приходилось с большим трудом выпутываться, общество обвиняло его в «неправильности» и «неспособности» разрешить создаваемые им же, этим обществом, проблемы. Для большей части русской либеральной элиты Николай II был косным реакционером и консерваторм, упорно цепляющимся за власть. Подлинные же личные качества Императора Николая II как человека и государственного деятеля эту элиту мало интересовали, так как она изначально видела в нем главное препятствие для достижения своей основной цели: политико-социального переворота и отстранение от власти старой элиты. Как верно отмечает доктор исторических наук Б. Н. Миронов: *«Непосредственная причина революции заключалась в борьбе за власть между разными группами элит: контрэлиты в лице лидеров либерально-радикальной общественности хотела сама руководить модернизационным процессом, который почти непрерывно проходил в России в период Империи, и на революционной волне отнять власть у старой элиты – Романовской Династии и консервативной бюрократии»^[13].*

Поэтому чем успешнее Николай II решал те или иные проблемы, чем свободнее и богаче становилась при нем жизнь народа, тем больше контрэлиты твердила о его «слабости», «реакционности», «бездарности» и «религиозном фатализме». Россия воспринималась представителями этой контрэлиты страной «кнутой и виселицы», а Самодержавный строй – не поддающимся реформированию средневековым пережитком. В действительности Император Николай II никогда не опирался только на одну политическую силу, никогда не выражал пристрастие к одному только политическому полюсу. Из-за этого он подвергался неприятию как со стороны либералов, так и со стороны довольно значительной части крайне правых. Если Царь держался жестко и боролся с революцией – левые называли его «Николаем Кровавым», открывал Думу и разрешал свободы – правые называли его безвольным «Миколой Милушкой». При этом и те и другие не хотели понимать всю сложность положения, в каком оказалась русская государственность в начале XX в. В то время, когда ситуация требовала от русского общества отказа от политических и партийных амбиций, радикалы всех мастей и оттенков,

мыслители и поэты, государственные мужи и промышленники, издатели и публицисты, навязывали свои рецепты спасения Отечества и осуждали Правительство. Осуждение и отрицание постепенно становились смыслом и сутью их деятельности. Быть хоть немного, но «революционным» становилось модным. Как заклинания повторялись слабые вирши психически неуравновешенного К. Бальмонта: *«Наш Царь – Мукден, наш Царь – Цусима»*, и никому в голову не пришло ответить: *«Наш Царь – железные дороги, наш Царь – самые низкие в мире налоги, наш Царь – народное образование, наш Царь – самое демократичное рабочее законодательство, наш Царь – свобода и честь Родины»*.

Если мы проанализируем русское общество начала XX в., то увидим, что подавляющая его часть не любила своего Государя. Эта нелюбовь объясняется многими причинами, но которые, как это ни странно может прозвучать, объясняются не личными качествами Николая II, а личными качествами представителей русского общества. То есть оно не любило в Николае II то, что некогда было присуще ему самому и что оно во многом утратило к началу XX в. Наблюдая в последнем Царе такие личностные качества, как глубокая вера в Бога, самоотверженная любовь к Родине, благочестие, оно ощущало к ним самые отрицательные чувства, ибо само оно было безбожным, космополитным и нечестивым. Как хорошо сказал протоиерей Дмитрий Смирнов: *«Государь Николай II и его Семья своей благочестивой жизнью были немым укором тому высшему обществу, которое жило совсем не так»*^[14]. Говоря об этом, мы вовсе не утверждаем, что каждый в отдельности представитель русской элиты обладал этими отрицательными качествами. Среди нее было много достойных людей, в том числе и настроенных оппозиционно, которые были преданы Царю и России. Но общий тренд, общая направленность российского общества были именно такими, какими мы их называли выше. У Николая II и большей части общества были разные цели: Царь хотел отстоять самобытность России, пусть и сильно модернизируя ее, общество хотело из России «сделать» Францию или Швейцарию. Общество переставало любить Царя, а значит, и Россию. В. В. Розанов точно заметил, что *«мы умираем от единственной и основательной причины: неуважения себя. Мы, собственно, самоубиваемся»*^[15].

Небывалый рост народного благосостояния, которым была отмечена вторая половина царствования Императора Николая II, воспринимался либеральной элитой совершенно «недостаточным», а народом – как результат исключительно своего труда. Богатство, нажива, комфорт все больше становились целью не только буржуазии, но и крестьянства. Но Николай II не разделял политической, экономической модернизации без укрепления святого Православия. Все реформы последнего Государя шли на фоне православного расцвета, прославления святых, строительства храмов и монастырей. Но эта сторона деятельности Николая II не находила нужного понимания ни в обществе, ни в народе, потому что она вступала в противоречие со все более усиливающейся тягой их к физическому благосостоянию и наживе. Л. П. Решетников отмечает: *«Россия становилась богатым, сытым и процветающим государством. Но, как ни парадоксально, именно этот материальный рост стал одной из главных причин революционизации общества. Многие не выдерживали испытания богатством или достатком, им хотелось отбросить строгие моральные правила, жить “свободно”, пойти по пути, по которому уже двинулись Франция и другие европейские страны. Монархия, с её духовно-нравственным кодексом, накладывающим на весь народ, прежде всего моральные обязательства, первым из которых было беззаветно служить России, в начале XX века уже мешала. Личность Государя Николая II вызывала непонимание и раздражение»*^[16].

Б. Н. Миронов приходит к выводу, что жалобы на материальные затруднения со стороны рабочего класса и крестьянства в начале XX в. обуславливались *«не полуголодным их существованием, а тем, что их материальные и особенно духовные потребности обгоняли возможности. <...> Степень недовольства умелой пропагандой можно дозировать – то разжигать до крайней степени, то понижать. И здесь необходимо подчеркнуть важность фактора,*

который долгое время оставался в тени – мощные и удачные пиар-кампании со стороны оппозиции. <...> Причём в массе своей общественность была искренне убеждена, что положение народа ухудшалось, поскольку просто не допускала мысли, что при Самодержавии возможен какой-либо прогресс, а только ожидало от него, как говорил Миллюков в Государственной думе в 1916 году, либо глупости, либо измены»^[17].

Б. Н. Миронов подчеркивает, что эта убежденность, «граничащая с верой», в отношении Самодержавной власти в течение долгого времени, как дореволюционного, так особенно послереволюционного, являлась главным направлением разрушительного дискурса. При этом неправильно было бы считать, что новая «элита», главная выразительница этого дискурса, представляла интересы и чаяния народа. Наоборот, она навязывала народу свои оторванные от реальности политические проекты и фантазии, нимало не беспокоясь о том, к чему они приведут и какую цену за них придется платить тому самому народу, за чьи «интересы» они якобы выступали.

Лживый образ Императора Николая II, создаваемый «временщиками» Керенского и большевиками Ленина и Троцкого, а затем их последователями, находил и находит полную поддержку на «демократическом» Западе. Николай II в 1915–1916 гг. добился от западных союзников признания за Россией после всеобщей победы Черноморских проливов, Константинополя, Средиземноморского побережья Фракии, так называемой «турецкой» Армении, Силезии, Восточной Пруссии. Императорская Россия в ходе победы становилась ведущей мировой державой. Это не могло не вызывать у Запада острого желания не дать России выиграть Первую мировую войну и убрать Россию с политической карты мира, как опасного конкурента. Участие Запада, прежде всего английских политических и американских финансовых кругов, в Февральской революции очевидно. Также очевидно, что преступный арест, заключение и убийство Царской Семьи прошли при поддержке и попустительстве этих сил Запада. Точно так же эти силы были заинтересованы, чтобы и после убийства Императора Николая II его образ вызывал в мировом сознании чувства отвращения или жалостливого презрения. Ведь если Россия времён Николая II была страной «кнута и виселицы», «тюрьмой народов», то в глазах мирового сообщества оправдывалось всё, что было сотворено с Российской империей, её расчленение и оккупация отдельных территорий, на которых были образованы незаконные правительства и государства: Латвия, Эстония, Литва, Финляндия, Польша, Грузия, Украина и другие. Сегодня эти бывшие составные части Российской империи, обязанные своей независимостью большевистскому преступному режиму, предъявляют претензии России, ставшей первой жертвой этого режима. Дискредитация Государя – это дискредитация России, легализация всего того беззакония, которое было допущено в её отношении в XX в., часть пропагандистской войны, которая ведётся против России. Как верно пишет А. Н. Боханов: *«Борьба за Царя – есть борьба за Россию, борьба за исторические корни, за сохранение (спасение) обретенный минувшего. Это борьба за русскую культуру, так как культура, и русская в особенности, в своих высших взлетах – отражение связи человека с Богом. И ярчайший пример глубины, преданности и значимости подобной связи навсегда запечатлел Николай II»*^[18].

У представителей самых разных слоев нашего общества, вчерашних и сегодняшних, к Николаю II имеется много «вопросов». Либералы вопрошают, почему он «вовремя» не ввел конституцию и парламент, консерваторы, наоборот, задаются вопросом, зачем он ввел этот «парламент» и почему «вовремя» его не разогнал; красные обвиняют Государя в Ходынке и «Кровавом воскресеньи», черносотенцы – в том, что он мало казнил и сажал революционеров; православные «ревнители» ставят в вину Государю, что он построил в Петербурге мечеть и дацан и что он «недостаточно» притеснял иудеев, те в свою очередь обвиняют Николая II в том, что он «устроил» Кишиневский погром, покровительствовал Союзу русского народа и не отменил черту оседлости; церковные круги досадуют на Государя, что он не возродил патриаршества и приблизил к себе Распутина; «апологеты» Распутин, наоборот, упрекают Нико-

лая II в том, что он мало прислушивался к его советам; «русские националисты» не любят Николая II за то, что он отказался, по их мнению, от политики «русификации»; националисты бывших окраин, наоборот, обвиняют его в том, что эта «русификация» делала их культурную самобытность невозможной; «поборники» морали не могут простить Николаю II то, что при нем были публичные дома; сторонники «свободной любви» негодуют, что правительство боролось с проституцией; полуграмотные «любители» истории обвиняют Царя в том, что тот «не раздал» землю крестьянам и так далее. Все эти вопросы происходят по двум причинам: от незнания исторического материала, от непонимания личности Николая II и тех исторических условий, в которых он царствовал.

Вся советская и постсоветская историография была наполнена «ответами» на эти вопросы. Причем они давались с потрясающим по своей глупости самомнением и, по острому и меткому определению генерала П. Н. Краснова, *«покровительственно похлопывая Государя по плечу»*^[19]. Не будет преувеличением сказать, что вклад советской историографии в изучение личности Императора Николая II равен даже не нулю, а числу отрицательному^[20]. Прорыв в историографии Государя начался только после крушения СССР и диктатуры КПСС, когда, говоря словам Патриарха Кирилла, *«правда о жертвенном подвиге Государя Императора Николая II проросла через железобетонную плиту, которая была положена на его имени»*^[21]. Здесь, безусловно, в первую очередь надо назвать автора первой серьезной монографии об Императоре Николае II доктора исторических наук Александра Николаевича Боханова^[22]. Он первым, кто из советско-российских историков понял, что говорить о Николае II, не затрагивая Православия, значит, ничего не понимать в этом историческом деятеле, ничего не понимать в России. *«Николай II, – пишет А. Н. Боханов, – последний христианский Царь в мировой истории. Человек и христианин в Нем слились неразделимо. Это выдающийся пример нравственной гармонии, имеющей надвременное значение, пример простой, высокой и нераздельной любви к Богу и России»*^[23]. В другом своем труде А. Н. Боханов подчеркивает: *«Без Христа, не только ничего нельзя понять в Русской истории, но самое главное – нельзя постичь смысл, содержание (“онтологию”) самой истории. Без Христа нет ни России, ни Царства, ни Империи, ни русской культуры, ни русского подвига, ни русского самопожертвования, вообще ничего значимого нет»*^[24].

Поэтому для понимания личности, деятельности и мученического подвига Императора Николая II необходимо их рассматривать не в раздельности, а исключительно в едином ключе. Между тем, несмотря на то что сегодня наблюдается очевидный рост интереса к Императору Николаю II, по-прежнему крайне малочисленна его историография. До сих пор нет полной биографии Государя, которая включала бы как описание его государственной деятельности, так и его мученического подвига. Настоящий труд претендует как раз на такое исследование. Мы попытались дать портрет Николая II и как человека, и как государя, и как мученика. Эти три ипостаси нераздельны в его личности. Часто приходится слышать, на наш взгляд, неверное мнение, что Церковь канонизировала Императора Николая II за его мученическую смерть, не найдя при этом в его жизни достаточных оснований для канонизации. Но при изучении жизни Государя мы видим, что каждый год его жизни, начиная с детства, был приближением к святости и без стяжания ее в ходе всего своего земного пути Государь не смог бы быть удостоен Богом хриstopодражательной Екатеринбургской голгофы.

Раскрывая образ Николая II как человека, мы приходим к пониманию его как государя, а раскрывая образ государя, мы приходим к пониманию его мученического подвига. Часто приходится слышать и читать, что мы занимаемся апологетикой Императора Николая II. Что ж, мы готовы с этим согласиться, только раскрыв при этом сам термин. *«Православная энциклопедия»* следующим образом объясняет его: *«Защита, оправдание, заступничество; речь, сказанная или написанная в защиту кого-либо»*^[25]. Как святой, Император Николай II не нуждается, разумеется, ни в какой защите и заступничестве, ибо его прославил Сам Бог. Но как человек и

государственный деятель он в них нуждается по-прежнему, ибо его личность и дела остаются часто непонятыми и оклеветанными. Однако, говоря в этом смысле об апологетике, не будем забывать, что она имеет под собой рациональную основу, то есть предполагает существование рациональных аргументов. Кроме того, работа наша не является, разумеется, только апологетикой. Она ставит своей целью нарисовать исторический портрет Императора Николая II как человека и государственного деятеля, таким, каким он был. В результате создается совершенно иной образ, чем мы привыкли видеть, причем как в либеральной, так и правомонархической историографии. Выясняется, что подлинный Николай II в своей государственной деятельности вовсе не был ни мягким, ни всепрощающим, ни излишне доверчивым, ни слабовольным. Перед нами встает образ человека, обладающего цельным мировоззрением, убеждениями, соединенными с очень сильным, волевым характером, крайне замкнутым и скрытным, когда дело касалось государственных дел. Будучи убежденным сторонником Самодержавия как идеологии, как принципа государственной жизни, а не обязательно управления, Николай II при этом вовсе не был ни ретроградом, ни противником преобразований. Он не был упрям, но не любил никаких попыток на себя влиять.

Традиционный вопрос, который постоянно задают: «Совершал ли Николай II ошибки?», является, на наш взгляд, бессмысленным, ибо нет людей их не совершающих. Другой вопрос, насколько эти ошибки были судьбоносными для страны и являлись ли они причинами глобальной катастрофы 1917 года? Видный правый общественный деятель, один из авторов Аграрной реформы 1906 г. Н. А. Павлов отмечал: *«Не будем утверждать, что Государь обладал непреклонной волей. Были случаи, когда Он мог – и не проявлял её. В ущерб или на пользу стране были эти случаи уклонения от воли – подлежит обсуждению. Но не эти случаи были роковыми для страны. На них, как и на некоторых ошибках в цепи событий, останавливаться нельзя. Бесспорно одно: в главнейших вопросах судьбы страны – Государь во всё время, и до последнего часа, проявил громадное напряжение характера, выдержку и ... волю не уступающего Царских прав и не поступающегося Царской честью и достоинством своей Родины Государя. Большие того, лишь Он, Русский Царь, остался до последней минуты один непоколебимо верным присяге России и за Неё безропотно не склонил, а сложил голову»*^[26].

Кроме того, говоря об «ошибках» Николая II, реальных или мнимых, мы должны учитывать, что он был гораздо более, нежели мы, информирован о той или иной ситуации, по которой следовало принимать решение, в силу хотя бы того, что он был непосредственный участник событий. С другой стороны, мы владем гораздо большей информацией, так как у нас есть опыт целого столетия после крушения монархии. То есть мы «мудрее» Николая II на целый век. То, что мы сегодня считаем ошибкой, вовсе не считалось таковой для Николая II. Например, являлось ли назначение генерала М. В. Алексеева начальником штаба Ставки ошибкой Государя? Глядя из сегодняшнего дня: безусловно, являлось. Как известно, Алексеев предал Царя, встал на сторону заговорщиков и сыграл одну из ведущих ролей в свержении монархии. Однако в 1915 г., когда произошло это назначение, Алексеев был одним из самых способных военачальников русской армии, только что спасший войска Юго-Западного фронта от окружения и гибели. Назначение его начальником Штаба виделось Государем, да и большей частью генералитета, большим кадровым успехом.

Часто ставится в вину Государю его отказ распустить Государственную думу накануне февральских событий. Этот отказ почти всегда трактуется как неумение Николая II предвидеть события и потеря им контроля над ситуацией. Но если учесть, что, по оперативной информации Охранного отделения, сигналом для выступлений оппозиции будет именно роспуск Думы, то действия Царя совсем не выглядят ошибочными. И. Л. Солоневич считал, что Николай II *«наделал много ошибок. Сейчас, тридцать лет спустя, они кажутся нам довольно очевидными – тридцать лет тому назад они такими очевидными не казались. Но нужно сказать и другое: история возложила на Николая Второго задачу сверхчеловеческой трудности»*^[27].

Одну ошибку, причем глобальную, Государь допустил точно: он не смог до конца представить себе, до каких размеров предательство и равнодушие стали основой не только его ближайшего окружения, не только оппозиции и революционеров, но и широких слоев разных сословий. Слова Николая II, написанные им в дневнике 2 марта 1917 г. в Пскове: «Кругом измена, и трусость, и обман!» – были не метафорой, а точным определением существующего положения. Можно ли Государя винить в этой ошибке? Можно ли винить отца, до конца не верящего в то, что его родной сын может ограбить и убить его? Можно ли осудить хозяина дома из евангельской притчи, трижды посылавшего к злым виноградарям своих слуг и даже возлюбленного сына, до конца не веря, что они осмелятся его убить? Измена не просчитывается ни одним гением, тем более измена всеобщая. Тот же И. Л. Солоневич писал: *«Кинжал Брута не мог предусмотреть даже Цезарь. Святой Елены не предусмотрел Наполеон. А были – “великие люди”. Царя-Освободителя почему-то не называют “великим”, хотя абсолютно очевидно, что для России он сделал безмерно больше, чем Наполеон для Франции. У Царя-Освободителя тоже был свой план. Виновен ли Царь-Освободитель в “непредусмотрительности”, когда с манифестом о созыве Земского собора в кармане он был убит изуверской бомбой?»*^[28]

Нам представляется, что вместо того, чтобы выискивать ошибки Государя, следует сосредоточиться над теми задачами, которые перед ним ставила история, выяснить, как он эти задачи решал, что ему удалось, а что не удалось сделать. Вот почему главная цель настоящего труда – создать исторический портрет Императора Николая II, показать значение его личности для России. Настоящий труд призван также развеять множество мифов, которые по-прежнему окружают имя святого Государя. Опровержение некоторых из них, как говорится, лежит на поверхности, настолько подробно и часто их опровергали: Ходынка, 9 января, «Ленский расстрел» и так далее.

Но некоторые из них, причем наиболее абсурдные, по-прежнему остаются незыблемы. Например, одним из важных русофобских мифов является утверждение о якобы «преобладающем» проценте германской крови в жилах Императора Николая II. Это весьма распространенная ложь не только безумна с точки зрения христианства, но и противоречит историческим фактам^[29]. С тем же успехом можно утверждать, что, к примеру, в жилах Людовика XVI не было ни капли французской крови. Ибо основатель династии король Генрих IV был женат на флорентийке Марии Медичи, его сын король Людовик XIII – на полуиспанке-полунемке Анне Австрийской, его внук Людовик XIV – на испанке Марии-Терезии, его правнук дофин Людовик, так и не дождавшийся короны, – на немке Марии Анне Баварской, его праправнук тоже дофин Людовик и тоже нецарствовавший – на Марии-Аделаиде Савойской, его прапраправнук король Людовик XV – на польке Марии Лещинской, его прапраправнук нецарствовавший дофин Людовик Фердинанд – на Марии-Жозефе Саксонской, его прапрапраправнук король Людовик XVI – на австрийке Марии-Антуанетте. То есть если следовать логике «крови», то замученный якобинцами дофин Людовик XVII был не французом, а каким-то испано-германцем. Разумеется, мы понимаем абсурдность подобных «теорий». Таким же абсурдом являются рассуждения, что к началу XX в. на русском престоле была не Династия Романовых, а Гольштейн-Готторп-Романовская династия, к которой и относят Императора Николая II. Эти «мудрствования» основываются на том, что Император Петр III по отцу был Гольштейн-Готторп, а по матери – Романов. Однако эти «мудрецы» почему-то называют правящую сегодня английскую династию Виндзорской, хотя по логике она должна именоваться династией Глюксбургов, так как отцом детей королевы Елизаветы II является принц Филипп Глюксбург. Однако согласно прокламации 1952 г. потомство Елизаветы II по-прежнему относится к династии Виндзоров, и никому в голову не придет называть ее Глюксбург-Виндзорской.

Неоднократно приходилось слышать утверждение «в России цари были немцами», потому что, дескать, они женились на немецких принцессах и с каждым новым браком доля русской крови уменьшалась, а доля немецкой увеличивалась. Как и все прочие общие места

руссофобского дискурса, данное утверждение является ложью, поскольку подразумевает, что немецкие супруги русских царей были чистокровными немками. На самом же деле к XVIII–XIX вв. история династических браков между европейскими правящими домами насчитывала уже много столетий. Деятельными участниками этого процесса были княжеские дома Германии, поэтому ни о какой чистоте немецкой крови их представительниц речи идти не может^[30]. Так, в числе предков Августа Сильного (а также прусского короля Фридриха Великого), помимо немцев, были англосаксы, скандинавы, французы, итальянцы, испанцы, византийцы, кельты, баски, славяне, литовцы, венгры, монголы и армяне. Причем в процентном соотношении доля славянской крови следует за долей собственно немецкой^[31]. Среди дальних предков Императора Николая II числятся: князь Западного Поморья Вартислав II, князь Восточного Поморья Мстивой I, Великий Князь Сербии Стефан Зивидич Неманя, король Польши Болеслав Храбрый, другие славянские князья и короли. Ложное впечатление о «германском происхождении» русских царей создаётся за счёт ближайших поколений их предков по той причине, что к XVIII в. почти все славянские владетельные роды вымерли. Однако огромное количество славянской крови, влившееся в немецкие княжеские династии за предыдущие несколько столетий постоянных междинастических браков, никуда не делось. К моменту исчезновения славянских княжеских династий у немецких владетельных родов уже прочно закрепился запрет на морганатические браки, исключавший прилив в их жилы германской крови^[32].

Другой малоизвестный миф утверждает якобы изначально враждебное отношение Николая II к представительскому органу при Монархе или враждебность его к преобразованиям. Мы старались осветить наиболее подробно роль Николая II в некоторых из них, понимая, что полностью этот вопрос решить очень сложно. Мы хотим также предупредить читателя, что настоящий труд не является описанием царствования Императора Николая II. Это – описание его жизни, из которой мы взяли самые главные, по нашему мнению, эпизоды. Тем не менее мы постарались коснуться всех сторон жизни и царствования Николая II, обрисовать его характер, воспитание, образование, интересы, привычки, свойства личности, его отношение к истории, литературе, военному делу. Мы постарались дать представление о Государе как о руководителе внешней политики и как о реформаторе. Отдельные страницы посвящены Императору Николаю II как семьянину, любящему мужу и отцу. Читатель может быть несколько удивлен тем, что не найдет привычных подробных описаний отношений Николая II и Г. Е. Распутина. На наш взгляд, нет причин повторять уже много раз сказанное. Мы попытались посмотреть на эту проблему несколько под другим углом.

Особенно подробно мы остановились на страницах, посвященных мученическому подвигу Царской Семьи. Мы посчитали необходимым не только описать её жизнь в Ипатьевском доме, но и остановиться на характере самого убийства, его организаторов и исполнителей, так как, по нашему мнению, это помогает нам более полно понять всю степень подвига святых Царственных Мучеников.

Доктор исторических наук А. Н. Боханов пишет о Николае II и его эпохе: *«Среди цинизма, безверия, нигилизма, конформизма, социальной демагогии и непримиримости, характеризовавшей русскую политическую сцену в конце XIX – начале XX века, верующий в Бога, почитающий традицию, милосердный и доброжелательный политик не мог не проиграть свою историческую партию. И его проигрыш стал проигрышем всех и вся в России»*^[33]. Но именно в этом проигрыше политика заключалась великая духовная, обращенная в будущее победа Императора Николая II, оказавшегося выше, милосерднее, доброжелательнее своей эпохи, а значит, и мудрее ее.

Все события даются нами по юлианскому календарю, за исключением тех дат, которые отмечены нами по двум календарям: старого и нового стиля.

Часть I

Наследник русского престола

Духовному взору Моему ясно представляется спокойная, здоровая и сильная Россия, верная своим историческим заветам, счастливая любовью своих благородных сынов и гордая беззаветной преданностью Престолу.

Император Николай II

Государь Николай Александрович воплотил в себе лучшие черты царей, которых знал, любил и почитал русский народ.

Святитель Иоанн Шанхайский

Глава 1. Формирование личности

Рождение и крестины

Император Николай II родился 6 мая 1868 г. в 3 часа $\frac{1}{2}$ пополудни в Александровском дворце Царского Села. Его отцом был Наследник русского престола Великий Князь Александр Александрович, матерью – Великая Княгиня Мария Феодоровна (до замужества принцесса Датская Мария София Фредерика Дагмара). Из дневниковой записи отца Новорождённого мы можем довольно подробно восстановить день его появления на свет: «6 мая/18 мая. Понедельник. Рождение нашего сына Николая. Мини¹ разбудила меня в начале 5 часа, говоря, что у неё начались сильные боли и не дают ей спать, однако по временам она засыпала и потом опять просыпалась до 8 ч. утра. <...> боли делались чаще, чаще и сильнее. Я скорее написал Мама² записку об этом, и Мама² и Папа³ приехали около 10 часов. <...> Боли были всё сильнее и сильнее, и Мини очень страдала. Папа³ помогал мне держать мою душку всё время⁴. Наконец, в 3½ пришла последняя минута и все страдания прекратились разом. Бог послал нам сына, которого мы нарекли Николаем. Что за радость была, это нельзя себе представить, я бросился обнимать мою душку жену, которая разом повеселела и была счастлива ужасно. Я плакал как дитя, и так было легко на душе и приятно. Обнялись с Папа³ и Мама² от души. <...> А потом пришёл В. Б. Бажанов⁵ читать молитвы, и я держал нашего маленького Николая на руках. <...> Мы с ней были так счастливы и так довольны, что нельзя себе представить. Мы благодарим Господа от всего сердца и за эту милость и благодать, которую Он нам послал»^[34]. Радость родителей была тем более сильной, что Цесаревна долго не могла забеременеть. В июле 1867 г. будущий Александр III записал в своём дневнике: «Моя единственная забота и молитва, чтобы Господь даровал нам детей, как я бы был счастлив»^[35].

¹ Великая Княжна (с 1881 г. Императрица) Мария Феодоровна (1847–1928) – Супруга Императора Александра III.

² Императрица Мария Александровна.

³ Император Александр II.

⁴ Это не единственный случай, когда Император Александр II помогал принимать роды. Через 4 года Царь ассистировал акушерке, когда появлялся на свет его сын от княжны Е. М. Долгоруковой (Никольский Е. А. Записки о прошлом. Сост. и подгот. текста Д. Г. Браунса. М.: Русский путь, 2007. С. 80–81).

⁵ Протоиерей Василий Борисович Бажанов – духовник семьи Императора Александра II.

6 мая Русская Православная Церковь отмечает день памяти святого Иова Многострадального. Но своё имя Новорождённый получил в честь Преподобного Николая Мирликийского. Имя Николай с греческого означает – «Победитель народов».

Новорождённый был назван в память своего дяди и полного тезки: старшего сына Императора Александра II Цесаревича Николая Александровича, скончавшегося от менингита в 1865 г. Он был любимым братом Великого Князя Александра Александровича, тяжело пережившего его преждевременную кончину. Если бы не она, то Великий Князь Николай Александрович стал бы императором Николаем II, а императрицей стала бы Принцесса Дагмара, которая была его невестой. Общее горе объединило её с его братом Александром, а затем сблизило, зародив взаимное чувство симпатии. Вскоре эта симпатия переросла в любовь, которую оба супруга пронесли через всю жизнь, свято храня дорогую им память Великого Князя Николая Александровича. Поэтому, когда у великокняжеской четы родился сын, вопрос, как его назвать, не стоял.

К. П. Победоносцев, поздравляя Цесаревича с рождением сына, писал: *«Бог благословил Ваш союз, дал Вам сына и всем нам дал будущего Цесаревича Николая Александровича. В новорождённом Великом Князе повторилось и новою жизнью ожило для нас, милое, незабвенное имя покойного Цесаревича, которое мы у себя в сердце носим, и пусть новорождённый Ваш будет на него похож и нравом, и умом, и тою родною любовью к России, которая всегда в нем сказывалась, всякого привлекала к нему, у всякого поднимало в душе радостную надежду»*^[36].

6 мая 1868 г. Россия узнала о рождении первого внука царствующего Императора из 101 залпа артиллерийского салюта со стен Петропавловской крепости и Высочайшего манифеста, в котором повелевалось *«писать и именовать во всех делах, где приличествует, Сего Любезного Нам Внука, Новорождённого Великого Князя, Его Императорским Высочеством»*^[37].

8 мая 1868 г. Император Александр II повелел: *«Рождение Любезнейшего Внука Нашего Великого Князя Николая Александровича повелеваем праздновать в 6-й день мая, а Тезоименитство в 6-й день декабря»*^[38]. Теперь имя «Благоверного Государя, Великого Князя Николая Александровича» провозглашалось на Великой Ектенье в списке главных лиц Династии и государства вслед за Императором, Императрицей, Цесаревичем и Цесаревной. С. С. Ольденбург отмечал, что Великий Князь Николай Александрович *«как старший сын Наследника с первых своих дней находился на прямом пути к престолу»*. Со времён Александра I это было впервые: ни Николай I, ни Александр II, ни Александр III не родились Наследниками, не готовились с детства занять престол. *«Перед Великим Князем Николаем Александровичем был начертанный в законе ясный путь к Престолу. Прямой путь и дальний: и дед его, и отец были не стары, в расцвете своей силы. Великий Князь был, как бы обручён с Россией с первого своего дня. Это налагало особый отпечаток на воспитание, на отношение окружающих, на всю духовную его жизнь»*^[39].

Великий Князь Николай Александрович появился на свет через три недели после того, как Россия торжественно отметила 50-летие царствующего Императора Александра II. Царь-Освободитель находился в зените своих великих преобразований. Уже была отменена крепостная зависимость, начались земская и судебная реформы, готовилась реформа военная. На внешнеполитической арене Россия уверенно восстанавливала свой престиж, сильно поколебленный неудачной Крымской кампанией. За четыре года до рождения Великого Князя Правительство сумело подавить кровавый мятеж польской шляхты, стоивший жизней многим тысячам русских и поляков. Однако с середины 60-х гг. в стране стали проявляться опасные тенденции. 4 апреля 1866 г. произошло доселе неслыханное в России событие: студент-недоучка Дмитрий Каракозов неудачно стрелял в Царя у Летнего сада. Государя спас крестьянин Костромской губернии О. И. Комиссаров, толкнувший злодейскую руку. Сначала все решили, что выстрел Каракозова – единичный случай психопата-одиночки. Однако вскоре после покушения полицией были ликвидированы две террористические организации «Организация» и

«Ад», ставившие своей целью крестьянскую революцию путём массовых терактов, которая должна была начаться с убийства Царя. Филиалы этих организаций находились в нескольких российских городах. Полиция постоянно получала сообщения о готовящихся новых покушениях на Государя. Так что рождение внука было для Александра II, помимо семейной радости, событием большой государственной важности – укреплением и продолжением царствующего Дома Романовых, ведь на свет появился будущий Император.

Поэтому рождению Великого Князя Александр II придал характер особого торжества: была объявлена широкая амнистия и были прощены государственные недоимки, все лица, приговорённые к каторжным работам, освобождались от них и выселялись на поселения^[40].

Царственный младенец, конечно, не знал обо всех этих государственных и политических событиях, причиной которым стало появление его на свет. Няньки и кормилицы поражались спокойному нраву младенца, а отец несколько раз отмечал в дневнике, что «ангел» на редкость улыбчив и почти всегда «*в духе*»^[41]. Княгиня В. Ф. Вяземская, посетив маленького Николая вскоре после его рождения, нашла, что «*носик у Новорождённого*» копия отцовского^[42].

В обычаях русского Царского, а затем и Императорского домов было грудное вскармливание царственных младенцев кормилицами. Их тщательно отбирали из числа русских крестьянок, в XIX в. чаще всего из Петербургской губернии. Между Августейшими особами и кормилицами устанавливались особые отношения. Кормилицы получали большую пожизненную пенсию, а государи иногда становились крестниками их детей. Так, Император Николай II крестил сына второй кормилицы⁶ Великой Княжны Ольги Николаевны крестьянки К. А. Воронцовой. Примечательно, что роды у неё принимали в Петергофском дворцовом госпитале^[43]. Что касается кормилиц самого Николая II, то до нас дошли сведения о крестьянке г. Тосно М. А. Устиновой-Смолиной. После окончания кормления на полученное жалованье она смогла построить себе в Тосно богатый дом, в котором сегодня находится краеведческий музей. Сама М. А. Смолина, её муж и дети были замучены большевиками в 1918 г.^[44]

На следующий день после рождения младенца в Большом Царскосельском дворце в присутствии всей Императорской Фамилии был отслужен благодарственный молебен. Через две недели, в понедельник 20 мая 1868 г., в церкви Воскресения Христова Большого дворца над Новорождённым Великим Князем Николаем Александровичем было совершено таинство святого Крещения. Длинный поезд из золоченых карет двинулся от Александровского дворца в Большой Екатерининский. Несмотря на то что расстояние между ними небольшое, процессия двигалась очень медленно. Это объяснялось как вопросами безопасности Новорождённого, так и огромным скоплением на улицах народу и экипажей. Великий Князь Александр Александрович писал в дневнике, что «*проезду решительно не было*»^[45]. Сам виновник торжества следовал в золотой карете, в сопровождении конвоя линейных казаков.

Следуя православной традиции, отец и мать Крещаемого не присутствовали в церкви во время Таинства. Великая Княгиня Мария Фёдоровна, над которой не были ещё прочитаны очистительные молитвы, позволяющие женщине вновь посещать храм после родов, оставалась дома. Цесаревич Александр вошел в церковь вслед за своим отцом-Императором и с началом Таинства покинул храм^[46]. Крестил протоиерей Василий Бажанов. Восприемником были: Император Александр II, королева Дании Луиза, Великая Княгиня Елена Павловна⁷, датский наследный принц Фредерик⁸^[47]. Присутствовала также Императрица Мария Александровна, Великие Князья Владимир и Алексей Александровичи. Во время церемониального шествия в церковь чрез залы дворца младенца несла гофмейстрина княгиня Ю. Ф. Куракина, которую с

⁶ Первой и основной кормилицей своих детей была сама Императрица Александра Фёдоровна.

⁷ Вдова Великого Князя Михаила Павловича, дяди Императора Александра II.

⁸ Будущий датский король Фредерик VIII (1843–1912).

обеих сторон поддерживали канцлер князь А. М. Горчаков и фельдмаршал князь А. И. Барятинский^[48].

После окончания таинства началась обедня, на которой присутствовал и отец Новокрещённого. Во время литургии Николай Александрович впервые удостоился принятия Святых Христовых Таин: во время обедни Императрица Мария Александровна поднесла его к Святой Чаше, а Александр II и Александр Александрович её поддерживали^[49].

В соответствии со ст. 157 Основных законов после совершения таинства на младенца были возложены высшие ордена Российской империи: Святого Апостола Андрея Первозванного, Святого благоверного Великого Князя Александра Невского, Белого Орла, Святой Анны 1-й степени и Святого Станислава 1-й степени.

Родители

Как известно, мировоззрение человека начинает формироваться в детстве. То начало, которое закладывается родителями в ребёнка с первых лет, как правило, определяет его духовный уклад на всю оставшуюся жизнь. Николай II с первых дней своей жизни рос в условиях дружной и крепкой семьи, в которой царили любовь, верность, взаимопонимание и взаимоуважение. Позже эти принципы Николай II перенесёт в свою собственную семью. Пример родителей всегда был у него перед глазами. Без представления о характере семьи последнего Государя, тех нравственных основ, которые были заложены в нем его Родителями, нельзя понять его личности.

Брак Александра III и Марии Феодоровны был удивительно счастливым. Доктор ист. наук А. Н. Боханов пишет: «Александр III был искренне счастлив в браке. Счастлив со дня свадьбы и до последнего земного мига»^[50]. Это при том, что характеры супругов были далеко не одинаковыми. Император Александр III был человеком замкнутым, любящим уединение и общество близких ему людей. Глубокая, благородная и прямая натура, он тяготился всяких церемоний, балов и спектаклей. Александра III никогда не пугали неудобства быта, ему с детства была чужда тяга к роскоши, которую проявляло немалое число его ровесников, принадлежащих к аристократическим кругам. Летом 1864 г. он впервые был послан отцом в составе Конногвардейского полка на военные сборы в военный лагерь в Красном Селе. Там Великому Князю приходилось жить в палатке, подниматься в 5, а то и в 4 часа утра, делать многокилометровые марши. Но такая жизнь совсем не тяготила его. Его расположенность к бытовой простоте отражалась на многом, в том числе и на отношении к пище. Александр III всю жизнь предпочитал различным деликатесам щи, уху, жареную рыбу, котлеты, кашу, жаркое, квашеную капусту, моченые яблоки, соленые огурцы, простоквашу. Самым вкусным и изысканным блюдом он считал гурьевскую кашу (манная каша с яйцами, запеченная в духовке и подаваемая с орехами, фруктами, сметаной или сладким сиропом). Никогда не злоупотреблял спиртным и ни разу в жизни не был пьян^[51].

С. Ю. Витте утверждал, что «у Императора Александра III было совершенно выдающееся благородство и чистота сердца, чистота нравов и помышлений. Как семьянин – это был образцовый семьянин; как начальник и хозяин – это был образцовый начальник, образцовый хозяин»^[52]. Умиротворение Александр III находил в церковной молитве и в кругу своей семьи. Когда у него появлялось свободное время, он любил читать. Чтобы понять уровень его интеллекта, достаточно сказать, что любимым его писателем был Ф. М. Достоевский, которого он знал и высоко ценил. Историк И. Е. Забелин уверял, что Александр III был знаком с сочинениями Достоевского отлично^[53]. Когда писатель скончался, Великий Князь писал: «Очень и очень сожалею о смерти бедного Достоевского. Это большая потеря, и положительно никто его не заменит»^[54].

Александр III любил и хорошо знал русскую историю. В. О. Ключевский писал: *«Государь умел находить досуг для скромной учёной работы, особенно по изучению отечественной истории и древностей и был глубоким знатоком в некоторых отделах русской археологии, например, в иконографии. <...> Его державная рука щедрой помощью поддерживала и поощряла труды по изучению и восстановлению памятников отечественной старины. Многим ли, например, известна великодушная и просвещённая помощь, оказанная им при реставрации дворца царевича Димитрия в Угличе?»*^[55] Генерал Н. А. Епанчин отмечал, что Александр III своё «свободное время с любовью посвящал изучению русской истории, а ведь она в нашем обществе далеко не в авантаже обреталась»^[56].

Александр III не принимал духа «Истории государства Российского» Карамзина, в частности его уничижительного отношения к Иоанну Грозному, и высказывал особенное сочувствие стихотворению А. Н. Майкова «У гроба Грозного Царя»^[57]. По инициативе Александра III в Москве был создан Исторический музей. Русский историк В. В. Назаревский отмечал: *«Никто из царственных предшественников Александра III не занимался столько изучением русской истории, как он: в этом отношении он превзошёл и Петра I и Екатерину II. Очевидно, что из своих исторических занятий он черпал идеи, которыми он руководствовался для своего правления»*^[58]. 13 мая 1895 г. Император Николай II повелел присвоить Историческому музею имя Императора Александра III^[59]. По предложению коллектива музея в вестибюле здания был установлен бюст Царя-Миротворца^[60].

Хорошо знавший Александра III граф С. Д. Шереметев вспоминал: *«Пристрастие его склонялось в особенности к древностям русским, к памятникам зодчества, орнаментации, иконописи, фресок и мозаики. Он любил говорить об этом и вызывал на разговоры»*^[61].

Царь поражал старика песенника К. И. Романова знанием старинных русских песен, которых никто «окромя него» и в народе-то не знал^[62]. Александр III очень любил русскую духовную музыку: Д. С. Бортнянского, особенно А. Ф. Львова и его Херувимскую песнь. Из светской музыки особенно любил М. И. Глинку, Р. Вагнера, особенно П. И. Чайковского. На годы царствования Александра III пришлось главные балетные премьеры композитора. Примечательно, что члены семьи Александра III посещали даже репетиции и генеральные прогоны новых балетных постановок на музыку Чайковского. Граф С. Д. Шереметев вспоминал, что однажды, в 1893 г., Александр III *«потребовал, чтобы сыграли одну из пьес Чайковского. Хор играл в этот день особенно хорошо, и впечатление было сильное. Государь пожелал повторения и слушал с видимым наслаждением, да и нельзя было иначе. Все разошлись несколько позднее обыкновенного и под чудным настроением, а на другой день узнали, что в это самое время, когда всё происходило в Гатчине, умирал Чайковский. Казалось, мы слышали его лебединою песню. И тот, кто слушал её так внимательно и так наслаждался ею, ненадолго пережил его. Мог ли кто из нас тогда это предчувствовать?»*^[63].

Н. А. Епанчин свидетельствовал: *«Император Александр III был чисто русский человек, и это проявлялось не только во внешней его политике, но и в делах, казалось бы, не очень важных. Так, например, он установил, чтобы лица свиты, им пожалованные, имели на эполетах и погонах вензель его имени, исполненный славянской вязью; он восстановил древний русский обычай иметь на знамёнах Лик Спасителя, а на верху древка восьмиконечный крест»*^[64]. Александр III *«чрезвычайно любил русскую баню. Во дворцах, где он жил, баня была необходимо принадлежностью»*^[65].

Лейб-медик Александра III Н. А. Вельяминов вспоминал, что Царь никаких иностранных языков в своем обиходе не допускал и говорил по-французски только с Императрицей, но *«плохо, как часто говорят именно русские»*^[66]. На сербском послании, присланном ему по-французски, Государь написал: *«Отчего же по-французски, а не на русском языке? Как будто пишут для иностранцев, а мы с вами по-русски не понимаем»*^[67].

Великая Княгиня Ольга Александровна рассказывала: *«Моего отца называли мужицким Царём. Потому что он действительно понимал крестьян. Подобно Петру Великому, он не переносил помпезности и роскоши, у него были простые вкусы и, по его словам, он чувствовал себя особенно свободно, когда мог облачиться в простое крестьянское платье»*^[68].

Характерна резолюция Императора Александра III на ходатайстве жены действительного статского советника католички Е. Фрибис продать бывшее подуховное имение либо лицу католического вероисповедания, либо местным крестьянам: *«Согласен, но непременно, чтобы земля была продана крестьянам, а не лицам католического вероисповедания»*^[69].

Императрица Мария Феодоровна обладала совсем другим характером. Общительная, временами могущая казаться легкомысленной, обожающая зрелища, балы, театры, увеселения, одевающаяся по последнему «писку» моды, она внешне была полной противоположностью своему Августейшему супругу.

Тем не менее они как нельзя лучше подходили друг к другу: могучий Царь-Миротворец удивительно гармонировал со своей миниатюрной женой. Когда они расставались, что случалось нечасто, то писали друг другу письма, полные самой нежной заботы и любви. Александр III признавался жене, что ему без неё *«становится очень грустно»*, *«душа пребывает в тоске»*^[70]. Императрица испытывала к мужу те же чувства: *«Весь день я думала о Тебе с грустью и настоящей тоской. Мне Тебя страшно не хватает. А мысль о том, что Ты сейчас так одинок и печален в Гатчине, буквально всю меня переворачивает»*^[71]. Тяжёлая болезнь сына Георгия, к которой в 1894 г. присоединилась болезнь Супруга, заставляли Марию Феодоровну разрываться между ними. 10 мая 1894 г. Императрица писала Александру III: *«Мой дорогой и любимый дитяшка Саша! Это ужасно, что мы опять с Тобой расстались. Я так расстроена и не понимаю почему Ты не захотел поехать со мною! Это настоящий грех, потому что для меня покидать Тебя просто нестерпимо. <...> Разлука с Тобой мучительная для меня, мой любимый Саша. Я смотрела на Тебя, стоящего у коляски в тот момент, когда поезд трогался. Нужно было еще приветствовать массу людей, стоять и улыбаться. А на сердце у меня было так тяжело, так тяжело»*^[72].

Но, будучи в самых сердечных отношениях с Императрицей Марией Феодоровной, Император Александр III никогда не допускал ее вмешательства в государственные и служебные дела, решительно пресекая с её стороны хотя бы самые лёгкие в этом посягательства^[73]. Александра III и Марию Феодоровну, при всей разности их характеров, объединяли духовно-нравственные основы: вера в Бога, верность долгу, самоотверженность, благородство характера, чистота помыслов и жизни. Эти качества они не «изобрели», не «выдумали», а получили от своих родителей. Александр III нежно и глубоко любил свою мать – Императрицу Марию Александровну. После её кончины он писал жене 22 мая 1884 г.: *«Если есть, что доброе, хорошее и честное во мне, то этим я обязан естественно нашей дорогой милой Мама!»*^[74] Глубокое чувство испытывал Александр Александрович к своему Державному Родителю – Императору Александру II, которого *«очень любил и уважал»*^[75]. Тем не менее в последние годы их отношения были омрачены женитьбой Александра II на княжне Е. М. Долгоруковой, с которой он сошёлся ещё до смерти Императрицы Марии Александровны. Граф С. Д. Шереметев вспоминал, что, когда Александр II посещал Аничков дворец, в котором жил с семьёй Наследник, все ощущали некую отчужденность между отцом и сыном. *«Цесаревич отличался спокойным темпераментом, и его семейная жизнь была образцовой; не то было у Императора Александра II. Супруга его много страдала нравственно, вследствие измены мужа, и это не мог не принимать к сердцу сын ее, Цесаревич. Вследствие этих условий между отцом и сыном не было тесных, дружеских, родственных отношений»*^[76]. Несмотря на это, Цесаревич Александр Александрович никогда не позволял ни словом, ни делом осудить своего отца. Память об убиенном Императоре всегда свято чтилась в Царской Семье, а о его второй семье Алек-

сандр III и Мария Феодоровна проявляли неизменную заботу. В дневнике Николая Александровича можно найти сведения, что «за завтраком были Княгиня Юрьевская⁹ и Гого¹⁰»^[77].

У маленького Николая было двое дедушек и две бабушки, правда, одну из них, мать отца, Императрицу Марию Александровну, он не помнил: она скончалась 22 мая 1880 г., когда юному Великому Князю было 2 года. С Императором Александром II, королём Христианом и королевой Луизой он сохранял добрые, любящие отношения. Дедушек он называл «Анпапа́», а бабушку «Анмама́». Особые отношения сложились у маленького Великого Князя с Александром II. Баронесса С. К. Буксгевден свидетельствовала: «*Николай II рассказывал с глубоким чувством о своем деде Александре II. <...> Его маленький внук Николай был самым дорогим его сердцу – “солнышко”, как называл его Александр II, и часы, которые он проводил с ребёнком, укрепляли его на время забот и беспокойства*»^[78]. Николай II позже вспоминал: «*Когда я был маленький, меня ежедневно посылали навещать моего Деда. Мы с моим братом Георгием обычно играли в его кабинете, пока он работал. У него была такая добрая улыбка, хотя лицо его всегда было неподвижным и невозмутимым*»^[79]. Участник детских игр Николая Александровича В. Оллонгрэн вспоминал: «*Однажды приехал в Аничков дворец навеситить своих внуков дедушка, Император Александр Второй. Боже! Какой это был дедушка и какое счастье было иметь такого дедушку! <...> И как он умел играть, этот милый дедушка, и какой мастер был на самые забавные выдумки! Он играл в прятки и залезал под кровать. Он становился на четвереньки и был конем, а Жоржик^[80] – ездоком. Потом садился на стул, как-то отодвигал в сторону лампу, начинал по-особенному двигать пальцами, и по стенке начинал бегать то заяц, то горбатый монах. <...> Он был счастлив с детьми, этот дедушка, как-то по-особенному и по-смешному умел щекотать нас за ушами и подкидывал маленькую Ксению чуть не под потолок, и она, падая ему в руки, как-то вкусно всхлипывала, смеялась и кричала: – Ещё, ещё!*»^[81]

Особую роль в жизни Николая Александровича всегда играл его Державный отец. Глубокое чувство любви к нему сочеталось с не менее глубоким почитанием, можно сказать преклонением. Уже будучи Императором, Николай II при принятии решений по тем или иным вопросам государственного управления постоянно мысленно обращался к своему покойному отцу, как бы испрашивая у него совета. 3 ноября 1897 г. Государь писал матери: «*Его (Александра III. – П. М.) святой пример, во всех Его деяниях постоянно в моих мыслях и в моем сердце – он укрепляет меня и дает мне силы и надежды, и этот пример не дает мне падать духом, когда приходят иногда минуты отчаяния, я чувствую, что я не один, что за меня молится Кто-то, который очень близок к Господу Богу – и тогда настает душевной спокойствие и новое желание продолжать то, что начал делать дорогой Папа́*»^[82].

При этом авторитет отца для Николая II никогда не имел ничего общего с диктатом. В его основе лежали любовь, доверие и безграничное уважение. Причём эту любовь к Александру III разделяли все его дети. «*Отец был для меня всем, – вспоминала Великая Княгиня Ольга Александровна. – Как бы ни был он занят своей работой, он ежедневно уделял мне эти полчаса*»^[83].

Александр III любил всех своих детей и, конечно, своего первенца Николая. Граф Д. С. Шереметев свидетельствовал, что для Александра III «*не было лучше удовольствия, как возиться с детьми. Можно сказать, что дети вообще были его друзья. Чего только не выкидывал он с ними и сам играл с ними, как ребёнок. Детские воспоминания должны сохранить не одну черту его неисчерпаемого добродушия, его неизменной ласки, его сердечного приветия*»^[84]. В одном из писем к Императрице Марии Феодоровне Александр III замечал: «*То, что ты мне пишешь про Ники, когда он получил мое письмо, меня, правда, очень тронуло, и даже слёзы*

⁹ Морганатическая вдова Александра II.

¹⁰ Светлейший князь Георгий Александрович Юрьевский – старший сын Александра II от морганатического брака.

показались у меня на глазах, это так мило с его стороны и, конечно, уже совершенно натурально и ещё раз показывает, какое у него хорошее и доброе сердце»^[85].

В 1877–1878 гг. Александр III, тогда Наследник престола, был участником Русско-турецкой войны и командовал Рушукским отрядом. Девятилетний сын Николай, или, как называли его близкие, Ники, постоянно писал отцу в Действующую армию. Маленький Ники сообщал отцу о своих детских делах и заботах: «Милый Папа. Теперь очень холодно, был лёд на пруде. Мы ездили верхом. Джорджи упал с лошади. Сегодня очень сильный ветер. Володя сказал, что мы все выросли. Именно Ксения. Апрак.[сина] всё продолжает свою скверную привычку пить квас прежде супа. Целую Тебя. Твой Ники»^[86]. В другом письме: «Скучно быть без Тебя. Приезжай скорее к нам. У меня опять был нарыв. В Гапсале мы провели время очень весело. Во время завтрака и обеда играл Кронштадтский хор. У нас на острове есть ручные кролики, которые едят из рук. Целую Тебя и Анпапа¹¹. И кланяюсь Вам. Твой Ники»^[87].

Ответы отца отличались той же трогательной любовью: «Благодарю вас мои душики Ники и Жоржи за ваши письма. Мне очень скучно и грустно без вас, и я часто думаю о вас и душе Ксении. Как давно мы не виделись, и я думаю, вы меня совершенно уже забыли. <...> Как мне хочется скорее приехать к вам, назад домой. Целуйте от меня крепко Мама и не забывайте вашего Папа, молитесь за него и за наших молодых солдат»^[88].

По воспоминаниям современников, Императрица Мария Фёдоровна была с детьми строже, чем Супруг. По свидетельству Ольги Александровны: «Именно Император, а не Императрица был ближе к детям. По признанию Великой Княгини их с матерью разделяла пропасть. Императрица Мария Фёдоровна великолепно выполняла свои обязанности Царицы, но она всегда оставалась ею, даже входя в детскую. Ольга и Михаил боялись мать. Всем своим поведением она давала понять, что их крохотный мирок с их мелкими проблемами не очень-то интересует её. Маленькой Ольге никогда не приходило в голову искать у родительницы утешения и совета»^[89].

Конечно, следует учитывать, что воспоминания Великой Княгини были записаны Яном Ворресом, который, мягко говоря, любил украшать эти воспоминания своими домыслами. Не вызывает сомнения, что моральное влияние матери на Цесаревича, а потом и молодого Государя было не меньшим, чем влияние отца. Николай II позднее вспоминал: «Когда я был маленьким, я был любимцем моей матери. Только появление маленького Миши отставило меня, но я помню, как я следовал за ней повсюду в мои ранние годы»^[90].

Императрица Мария Фёдоровна говорила о своём старшем сыне: «Он такой чистый, что не допускает мысли, что есть люди совершенно иного нрава»^[91]. Мать с детства внушала Ники, что вежливость, деликатность, дружелюбие, внимание к людям суть основа человеческих взаимоотношений. «Никогда не забывай, – писала она во время прохождения им военной службы в Лейб-гвардии Преображенском полку, – что все глаза обращены на тебя, ожидая, каковы будут твои первые самостоятельные шаги в жизни. Всегда будь воспитанным и вежливым с каждым, так, чтобы у тебя были хорошие отношения со всеми товарищами без исключения и в то же время без налета фамильярности или интимности, и никогда не слушай сплетников»^[92].

Цесаревич отвечал матери: «Всегда буду стараться следовать твоим советам, моя душака Мама»^[93]. Их сердечная и доверительная переписка продолжалась всю жизнь. 14 ноября 1877 г. девятилетний Ники поздравлял свою Матушку с днём её рождения: «Милая Мама. Тебя поздравить я пришёл. Дай Бог тебе в нас видеть счастье, утешение»^[94]. Через 10 лет в письмах 19-летнего Наследника мы встречаем те же чувства любви и заботы. «Моя милая дорогая Мама, – писал он 21 июля 1887 г., после отъезда Марии Фёдоровны и Александра III в Данию. – Сегодня уже второй день, что я здесь страшно скучаю без Вас всех милых и катаюсь

¹¹ Император Александр II.

по Александрии как какая-нибудь тень без своего господина»^[95]. 9 января 1891 г.: «Моя милая дорогая душка Мама! От всего сердца благодарю Тебя и дорогого Папа за ваши прелестные письма, которые для меня драгоценнее всех подарков на свете»^[96].

Во время своего кругосветного путешествия Цесаревич почти еженедельно писал Родителям письма, исполненные теми же чувствами любви и заботы, как и его детские письма: «Мой милый, дорогой Папа! Не знаю, как мне тебя благодарить за Твои четыре последних письма, за Твою ангельскую доброту писать ко мне с каждым фельдъегерем, когда я знаю, что у Тебя и без того совсем свободной минуты нет. Они меня укрепляют духом»^[97]. В другом письме 1891 г.: «Когда думаешь о своём доме и о том, что вы в эту минуту делаете, то сердце невольно сжимается при мысли о том громадном пространстве, которое разделяет нас ещё. Несколько раз я впадал в безотчетную тоску и проклинал себя за то, что задумал идти в плавание и на такой долгий срок расстаться с вами»^[98].

Великий Князь Николай Александрович рос крепким и здоровым. Совсем маленьким он любил играть со старинной погремушкой, осыпанной бриллиантами, которую по приказу Екатерины Великой изготовили для её внука Александра, будущего Императора Александра I. С тех пор эта погремушка передавалась «по наследству» наследникам престола. В 1869 г. бабушка «милого Ники» Императрица Мария Александровна подарила ему погремушку^[99]. Все игрушки предыдущих монархов не просто бережно хранились. Ими в детстве играли и другие будущие государи. Так создавалась преемственность поколений великой Династии, складывалось представление о ней как о единой семье, представители которой и после смерти незримо присутствуют в жизни своих потомков. После революции и убийства Царской Семьи большевистские мародёры и гробокопатели, среди которых был и певец одесской уголовной «братвы» Исаак Бабель, занимались расхищением личных царских вещей. Бабель с каким-то сладострастием вспоминал, как он и его подельники, затягиваясь царскими сигарами, «остаток ночи провели, разбирая игрушки Николая II, его барабаны и паровозы, крестильные его рубашки и тетрадки с ребячьей мазней»^[100].

Когда Ники повзрослел, он любил совершать с родителями длинные пешие прогулки и, по словам его отца, «никогда не уставал». Родители Николая II имели чёткое представление, какими должны быть их дети. Александр III говорил воспитательнице своих сыновей: «Имейте в виду, что ни я, ни Великая Княгиня не желаем делать из них оранжерейных цветов. Они должны шалить в меру, играть, учиться, хорошо молиться Богу. Учите хорошенько мальчуганов, повадки не давайте, спрашивайте по всей строгости законов, не поощряйте лени в особенности. Мне фарфора не нужно. Мне нужны нормальные, здоровые русские дети. Поддерутся – пожалуйста. Но доказчику – первый кнут»^[101].

Дети Александра III воспитывались в скромности и трудолюбии. Великая Княгиня Ольга Александровна вспоминала: «Все мы питались очень просто. К чаю нам подавали варенье, хлеб с маслом и английское печенье. Пирожные мы видели очень редко. Нам нравилось, как готовят нам кашу. На обед чаще всего подавали бараньи котлеты с зеленым горошком и запеченным картофелем, иногда ростбиф»^[102]. Карманных денег у царских детей не было. То, что они выбирали в качестве подарков для друзей и знакомых, оплачивалось из казны.

Императрица Мария Феодоровна принимала живейшее участие в образовании Наследника престола. Можно сказать, что её роль в этом деле была ведущей. Император Александр III, загруженный тяжкой ношей ежедневного царского труда, конечно, не мог уделять образованию своих детей полное внимание. Эту роль взяла на себя Императрица. В этой связи неизвестно кем пущенный слух о том, что якобы Мария Феодоровна считала своего старшего сына непригодным к царствованию и хотела «заменить его» младшим сыном Михаилом, – является ложью, сродни которой неоднократно опровергаемая клевета о «пьянстве» Александра III.

Формирование личности и характера

У Александра III и Марии Феодоровны было пятеро детей: Николай (6 мая 1868), Александр (7 июня 1869), Георгий (27 апреля 1870), Ксения (25 марта 1875), Михаил (22 ноября 1878) и Ольга (1 июня 1882). Великий Князь Александр Александрович прожил меньше года: он скончался от менингита 2 мая 1870 г. Это была первая смерть в жизни Николая II. Двухлетний Великий Князь принял известие о кончине брата спокойно и, когда его подвели к смертному одру, не боялся, поцеловал усопшего в лоб и положил в кровать розу, как ему сказали^[103].

Николай Александрович был особенно дружен со своим средним братом, Великим Князем Георгием Александровичем, который был младше его на три года и который был любимым товарищем детских игр. Великая Княгиня Ольга Александровна вспоминала: «У Георгия было особое чувство юмора. Всякий раз, как он выдавал особенно удачную шутку, Ники записывал ее на клочке бумаги и прятал в “шкатулку курьезов” вместе с другими памятками своего отрочества. Шкатулку эту он хранил у себя в кабинете, когда стал Царём. Зачастую оттуда слышался его веселый смех: Ники перечитывал извлеченные из тайника шутки брата»^[104].

До семилетнего возраста маленького Великого Князя обслуживал штат из 24 человек. Среди них были учительница грамматики А. П. Оллонгрен, няня-англичанка, две камер-юнгферы, две камер-медхен, гладильщик и два камердинера. Помимо этого, в штат входили лакеи, истопники, два повара^[105]. Была и русская няня М. С. Воробьёва. Она до конца своих дней питала к своему воспитаннику самые добрые чувства. После неудачного покушения на Цесаревича Николая Александровича в японском городе Отцу М. С. Воробьёва написала ему письмо: «Господь Всемилосердный сжалился над нами и сохранил жизнь дорогого Наследника Цесаревича, особенно эту радость и благодарность чувствую я, которая пользуюсь Его благоденствиями и по милости Наследника Цесаревича имею приют и убежище в болезни и старости. Припадаю к стопам Его Императорского Величества с беспредельным чувством благодарности и молитвы за всю Царскую Семью. Об одном теперь только буду возносить свои молитвы ко престолу Всевышнего, да возвратится поскорее здоров и невредим в Свое доброе Отечество мой благодетель, наш обожаемый Наследник Цесаревич. Бывшая русская няня Его Высочества Наследника Цесаревича Мария Степанова Воробьёва»^[106].

Николай Александрович с детства любил катание на коньках, греблю, атлетическую гимнастику. Его детский дневник наполнен сообщениями об активных физических упражнениях. Он хорошо плавал, фехтовал, был прекрасным наездником. Любовь к активным видам спорта Император Николай II сохранил на всю жизнь. Конечно, Ники, как и все дети, любил играть и шалить. Его натура была живой и активной. Однако наряду с обыкновенным детскими шалостями и поведением, в молодом Царевиче всегда чувствовалось нечто необычное для его возраста. По словам его первого воспитателя англичанина К. И. Хиса, мальчик в детстве был очень застенчив, и трудно было понять, о чём он задумался.

Будущий Царь с детства никогда не терял самообладания и не горячился. Хис вспоминал: «Бывало во время крупной ссоры с братьями или товарищами детских игр, Николай Александрович, чтобы удержаться от резкого слова или движения, молча уходил в другую комнату, брался за книгу, и только успокоившись, возвращался к обидчикам и снова принимался за игру, как будто ничего не было»^[107].

Будущий флигель-адъютант Николая II С. С. Фабрицкий, имевший возможность наблюдать семью Александра III в Гатчине, вспоминал, что «молодой Наследник Престола Цесаревич Николай пользовался всеобщей любовью и всюду говорили о Его простоте, ласковости и чарующем взоре, который невольно проникал прямо в душу человека, на котором случайно или нарочно останавливался»^[108].

Любимым занятием юного Великого Князя было чтение. Преподаватель английского вспоминал: *«Он был очень любознателен и прилежен, вызывая даже добродушные насмешки других, и чрезвычайно увлекался чтением, проводя большую часть свободного времени за книгой. Любил также, чтобы ему читали и сам отлично читал вслух»*^[109]. Особенно Цесаревич любил исторические книги. Хис вспоминал, что однажды он читал маленькому Николаю Александровичу книгу по английской истории, где описывался въезд в Лондон короля Иоанна Безземельного, любившего простонародье. Толпа его встречала криками: «Да здравствует король народа!» При этих словах глаза Великого Князя заблестели, он покраснел от волнения и воскликнул: «Ах, вот я хотел быть таким». Хис ему заметил: *«Вы не должны быть государем одного лишь простого народа, для Вас все классы населения должны быть равны, одинаково дороги и любимы»*^[110].

В юности Государь внешне мало отличался от большинства сверстников своего круга. После окончания курса образования и военной практики у него появилось больше свободного времени, когда можно было позволить себе время от времени *«хлыщить»*¹² по набережной^[111]. Он был молод, любил веселые невинные развлечения, игру в бильярд, активные физические упражнения. Карты не любил, играл в них редко, но, когда играл, часто выигрывал. Иногда Цесаревич засиживался допоздна в офицерских собраниях, в которых много курили, пили лёгкие вина, иногда, как это свойственно юности, слегка увлекаясь, но никогда не переходя рамки дозволенного. Впрочем, современному человеку, у которого свои «рамки дозволенного», излишества той эпохи показались бы совершеннейшей нормой.

Другим увлечением молодости Николая II был театр, в основном опера и балет. Из детского и юношеского дневника мы можем узнать, какие спектакли он посещал и что ему нравилось. 6 февраля 1884 г. Цесаревич записал в дневнике: *«В половине восьмого поехали в Большой театр»*¹³, где давалась в первый раз опера Чайковского «Мазепа». Она мне страшно понравилась. В ней три акта, все одинаково хороши. Актёры и актрисы пели превосходно»^[112]. Через две недели, 15 февраля, в дневнике появилась новая запись: *«После завтрака, в половине второго, мы поехали с Папá и Мама́ в четырёхместных санях в Большой театр. Давали «Дон-Кихот». Было чрезвычайно смешно. Стуколкин»*¹⁴ играл роль Дон-Кихота. Танцы были очень красивы»^[113]. 1 января 1888 г.: *«Видели Мефистофеля с Фигнером»*¹⁵ и *«Медеей Мей»*¹⁶... Чудно!»^[114] 25 февраля 1888 г.: *«Поехали в театр и видели «Евгения Онегина» с Мравиной»*¹⁷. Было отлично!» Позже Император Николай II скажет о «Евгении Онегине», которого смотрел множество раз: *«Великолепно! Ничего не знаю лучше этой музыки»*^[115]. «Лебединое озеро» любил меньше, считая этот балет *«красивым, но скучным»*^[116].

В 1890 г. Николай Александрович сам попробовал себя на любительской сцене. Вместе с Великой Княгиней Елизаветой Феодоровной они поставили и сыграли во дворце Великого Князя Сергея Александровича несколько сцен из «Евгения Онегина». Представление было своеобразным подарком Императору Александру III, которому 26 февраля исполнилось 45 лет. Спектакль прошёл в присутствии Государя и Государыни и имел большой успех. Как писал в своём дневнике Цесаревич: *«Публика – одно семейство»*^[117].

Жизнь Цесаревича полностью и безвозвратно переменялась 20 октября 1894 г. В один миг она, беззаботная и лёгкая, превратилась в невыносимо тяжёлый труд царского служения. Исчез «милый Ники» и на его место пришёл Император Николай II, для которого этот долг

¹² Хлыщить – свободно, бездумно проводить время.

¹³ Имеется в виду Большой театр в Петербурге, в 1886 г. частично разобранный и переделанный в консерваторию.

¹⁴ Тимофей Алексеевич Стуколкин (1829–1894) – выдающийся русский танцовщик.

¹⁵ Николай Иванович Фигнер (1857–1918) – знаменитый русский бас.

¹⁶ Медя Ивановна Мей-Фигнер (1859–1952) – известная певица (меццо-сопрано).

¹⁷ Мравина Евгения – сценический псевдоним Евгении Константиновны Мравинской (1864–1914), известной русской оперной певицы.

стал превыше всего. Как и почему это преобразование смогло осуществиться? Откуда у этого доброго, мягкого молодого человека появился характер, решительность и государственный ум, позволившие ему в течение неполных 23 лет вести корабль России через бушующее море начала XX в.? Какая сила позволила ему смириться с насильственным отстранением от власти, пленом, глумлением, позволила пронести свой крест до конца и принять мученическую кончину в полутёмном подвале Ипатьевского дома? Безусловно, этой силой была вера в Господа Иисуса Христа, полное доверие Ему.

Любовь к Богу, как и любовь к семейным ценностям, не была у Николая Александровича случайной. Ею отличались многие представители царствующего Дома Романовых, но особенно прапрадед последнего Государя Император Павел I, его дед Император Николай I и его отец Император Александр III. Царь-Миротворец всем сердцем принял Православие благодаря своей глубоко верующей матери – Императрице Марии Александровне. После её кончины Александр Александрович вспоминал: *«Мама́ постоянно нами занималась, готовила исповеди и говению; своим примером и глубокою христианскою верою приучила нас любить и понимать Христианскую веру. Благодаря Мама́, мы все сделали и остались истинными христианами и полюбили Веру и Церковь»*^[118]. С глубокой верой в Бога отошёл в мир иной любимец Марии Александровны, её старший сын Цесаревич Николай. Перед самой кончиной *«вошел в спальню священник и начал его исповедовать. Больной был в полной памяти, усердно молился и с великой верой радостно принял тело и кровь Христовы. Выходя от него, отец Прилежаев был весь в слезах и говорил всем, что никогда не встречал в юноше такой глубоко прочувствованной веры»*^[119].

Поразительно, что Императрица Мария Александровна, протестантка по рождению, почувствовала и приняла Православие сильнее и глубже, чем многие русские. Такой же будет супруга её внука – Императрица Александра Феодоровна.

В своих письмах Матушке Александр Александрович делился своим духовным опытом: *«Да, много в жизни человека бывает непонятного, смутного, невероятного и человек неверующий попадает в омут жизни земной и пропадает навсегда, если не опомнится. Когда что-то меня смущает, и я чувствую, что человеческими силами не выйти из тяжелого состояния души, стоит вспомнить слова Евангелия: “Да не смущается сердце Ваше, веруйте в Бога и в Мя веруйте”. И этого довольно, чтобы прийти в себя»*^[120].

Александр III выражал непоколебимую уверенность, что *«во всём, что делается на земле, есть Воля Божия. Господь, без сомнения, ведёт судьбы народов к лучшему, а не к худшему, если они, конечно, не заслуживают полного Его гнева. Поэтому да будет Воля Господня над Россией, и что ей следует исполнить, и что ей делать, будет указано Самим Господом. Аминь»*^[121]. Спустя почти 20 лет это же убеждение выразит его сын – Император Николай II: *«Во всём волен Бог один, Он делает всё для нашего блага и нужно с молитвами покориться Его святой воле!»*^[122]

Императрица Мария Феодоровна также была глубоко религиозной. 15 мая 1894 г. она писала Супругу: *«Да озарит тебя Господь Своим благословением и будет помогать тебе всегда и во всём. Пусть Он даст тебе силы и здоровье, чтобы ты смог ещё много лет осуществлять то большое дело, к которому Он тебя призвал, во имя процветания и славы нашей дорогой России и счастья нас всех и прежде всего моего. Такова моя усердная молитва, с которой я каждый день обращаюсь к Милосердному Богу»*^[123].

В семье Александра III придавали первостепенное значение церковным службам, постам и молитве. В церкви Александр III стоял сосредоточенно, никогда ни с кем не разговаривал, становился на колени, когда пели «Отче наш» и диакон возглашал: «Со страхом Божиим!» Крестился всегда большим крестом^[124]. Вскоре после появления на свет первенца Николая его отец записал в дневнике: *«Да будет Воля Твоя Господи! Не оставь нас в будущем как Ты не оставлял нас троих в прошлом. Аминь»*^[125]. В мае 1877 г., находясь на Русско-турецкой войне,

Цесаревич Александр писал Марии Феодоровне из Румынии: «Скажи от меня Ники и Георгию, чтобы они молились за меня, молитва детей всегда приносит счастье родителям, и Господь услышит, и пример ее, как Христос никогда не отталкивал от себя детей, а напротив того, ласкал их и говорил с ними и запретил прогонять от себя»^[126].

Отношение Николая II к Священному Писанию, и особенно к Спасителю, с самого детства отличались чувством особенной глубокой любви. Для Государя Христос был не отвлечённым понятием, не красивым мифом, не морально-нравственной доктриной, а Божественной Личностью, существующей здесь сейчас и во веки веков. Слова, чудеса и страдания Христа царственный ребёнок воспринимал так, как если бы он был их свидетелем. Участник детских игр Государя В. К. Оллонгрена вспоминал: «В пятницу был вынос Плащаницы, на котором мы обязательно присутствовали. Чин выноса, торжественный и скорбный, поражал воображение Ники, он на весь день делался скорбным и подавленным и все просил маму рассказывать, как злые первосвященники замучили доброго Спасителя. Глазки его наливались слезами, и он часто говаривал, сжимая кулаки: “Эх, не было меня тогда там, я бы им показал!” И ночью, оставшись одни в опочивальне, мы втроем разрабатывали план спасения Христа. Особенно Ники ненавидел Пилата, который мог спасти Его и не спас. Помню, я уже задремал, когда к моей постельке подошел Ники и, плача, скорбно сказал: – Мне жалко, жалко Боженьку. За что они Его так больно? И до сих пор я не могу забыть его больших возбужденных глаз»^[127]. Уже в юности будущий Император записал в своём дневнике: «Все в Воле Божьей. Уповаю на Его милосердие и спокойно, покорно смотрю в будущее»^[128].

Будучи подростком, Николай Александрович любил бывать на богослужениях, зажигать лампадки, подходить к кресту. Эта любовь к церковной службе, к молитве затем стала его нравственным стержнем и сохранилась до конца жизни. Он с детства всегда отмечал церковные праздники в своём дневнике. В 1884 г. юный Цесаревич писал: 20 февраля «Великий Пост. Начали говеть. Утром одни пошли в церковь, а Папа́ пришёл туда позже»^[129]. 24 февраля: «Вечером исповедовался в церкви»^[130]; 25 февраля: «В 9 часов утра пошли в церковь. Приобщился Св. Тайн. Вечером были в церкви»^[131].

Во время большого путешествия 1890–1891 гг. Наследник Николай встречал праздник Пасхи на корабле и писал матери: «Мы начали говеть со вторника, <...> а причащались в страстную субботу. Вынос Плащаницы и крестный ход по всему фрегату перед заутренней были очень торжественные. Услышать Христос Воскресе на судне произвело на меня сильное впечатление»^[132].

При посещении любого места, где находилась какая-либо христианская святыня, Николай II всегда поклонялся ей. При этом он всегда проявлял к святыне чисто русское православное отношение. Так, посещая крипту с мощами своего Небесного Покровителя Святителя Николая Мирликийского, которые, как известно, находятся в католической базилике итальянского города Бари, Цесаревич Николай Александрович писал отцу: «В Бари я ездил в базилику и поклонился мощам моего Угодника со всеми офицерами. Приложиться не удалось, так как мощи покоятся под серебряной ракой на глубине 2-х аришин приблизительно, и видеть можно одни кости сквозь узкую дыру в земле. Для меня это было разочарованием, потому что у нас привыкли к цельным мощам, выставленным удобно для поклонения. А в Бари влезая на четвереньках под престол и при свете одной лампы с трудом разбираешь, что представляется глазам»^[133].

Конечно, неправильно было бы представлять, что Православие Цесаревича Николая было тождественно Православию Императора Николая II. Молодости всегда свойственна недостаточность любого опыта, в том числе и духовного. 3 октября 1894 г., еще до своего перехода в Православие, Принцесса Гессенская писала Наследнику, что ее наставник по Закону Божьему православный священник «очень смеялся вчера, так как я активно выступала против монашества. А как ты считаешь, разве правильно, что люди заточают себя там, вместо того,

чтобы делать в мире добрые дела?». В своём ответе Цесаревич сообщил, что *«мы единодушны в этом вопросе»*. Правда, тут же рассказал Принцессе, что на Руси монастыри делали очень много полезного и она это узнает, когда будет читать русскую историю. *«Мне особенно нравятся три монастыря, – пишет далее он, – которые делают исключительно много хорошего для населения, живущего рядом с ними. Это Лавра Преподобного Сергия, рядом с Москвой, другой на далёком севере, Соловецкий монастырь, а третий здесь на берегу Чёрного моря (на Кавказе), Новый Афон»*^[134]. Из этих писем видно, что это мысли очень молодых людей, только начинающих свою духовную жизнь, юная Принцесса ещё даже не была православной. К тому же Цесаревич был глубоко влюблён в свою невесту, тяготился разлукой с ней. Их юные высказывания так не похожи на любовь Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны к монастырским службам, к беседам с монахами, на то поистине невиданное строительство монастырей, которое было осуществлено в последнее царствование. Вся духовная жизнь Государя и Государыни была постоянным духовным взрослением, которое достигло к концу ее высшей степени – святости.

Великая Княгиня Ольга Александровна вспоминала о странном случае, какой произошел с ней и её братом Николаем: *«Мне тогда было лет десять или одиннадцать. Помню один жаркий летний день, когда брат попросил меня сходить вместе с ним в дворцовую церковь в Большом дворце в Петергофе. Зачем он хочет пойти туда, он мне не сказал, а расспрашивать его я не стала. Мне кажется, служба уже шла, потому что, как мне вспоминается, в храме ходили священники. Неожиданно началась страшная гроза. Вдруг появился огненный шар. Скользя от одной иконы к другой, расположенной на огромном иконостасе, он как бы повис над головой Ники. Он крепко схватил меня за руку; что-то мне подсказало, что для него наступило время тяжких испытаний, и что я, хотя и совсем маленькая девочка, смогу облегчить его страдания. Я почувствовала гордость и одновременно робость»*^[135].

Поразительно, что подобный же случай произошел с Императором Александром II незадолго до его трагической гибели. Об этом позже вспоминал свидетель происшедшего – Николай II: *«Когда я был маленький, меня ежедневно посылали навещать моего Деда. Мои родители отсутствовали, а я был на всенощной с моим Дедом в маленькой церкви в Александрии. Во время службы разразилась сильная гроза, молнии блистали одна за другой, раскаты грома, казалось, потрясали всю церковь и весь мир до основания. Вдруг стало совсем темно, порыв ветра из открытой двери задул пламя свечей, зажжённых перед иконостасом, раздался продолжительный раскат грома, более громкий, чем раньше, и вдруг я увидел огненный шар, летевший из окна прямо по направлению к голове Императора. Шар (это была молния) закружился по полу, потом обогнул паникадило и вылетел через дверь в парк. Моё сердце замерло, я взглянул на моего деда – его лицо было совершенно спокойно. Он перекрестился так же спокойно, как и тогда, когда огненный шар пролетал около нас, и я почувствовал, что нужно просто смотреть на то, что произойдёт, и верить в Господню милость так, как он, мой дед, это сделал. После того, как шар обогнул всю церковь и вдруг вышел в дверь, я опять посмотрел на деда. Лёгкая улыбка была на его лице, и он кивнул мне головой. Мой испуг прошёл, и с тех пор я больше никогда не боялся грозы»*^[136].

Глава 2. Жизнь Цесаревича

В декабре 1876 г. восьмилетний Великий Князь Николай Александрович сопровождал Императора Александра II в Академию наук на празднование её 150-летнего юбилея. Это произошло по воле самого Императора, который захотел, *«чтобы Ники присутствовал»* на этой годовщине, так же как он сам присутствовал полвека назад на столетнем юбилее Академии. При этом Александр II во всеуслышание заявил, *«что надеется, что через 50 лет Ники будет также присутствовать и что Саша будет с ним»*^[137]. Самому Императору Александру II оставалось жить меньше пяти лет.

1 марта 1881 г. Цесаревна Мария Феодоровна решила ехать со старшим сыном кататься на ледяной каток. Около 15 час. присутствовавшие в Аничковом дворце слышали два мощных взрыва, раздавшиеся со стороны Екатерининского канала. Вслед за ними пришло страшное известие: Государь тяжело ранен какими-то злодеями. Как позже было установлено, ими были члены террористической организации *«Народной Воли»* Николай Рысаков и Игнатий Гриневецкий. Первую бомбу бросил Рысаков. От её взрыва Александр II не пострадал, но были тяжело ранены кучер, казак и смертельно случайный мальчик-прохожий. Царь, выйдя из кареты, обеспокоился оказанием помощи раненым, а затем хотел видеть задержанного. Подойдя к схваченному Рысакову, который назвал себя вымышленным именем, Царь сказал ему: *«Хорош!»* – и пошёл к ограде Екатерининского канала, туда, где стоял террорист Гриневецкий. Тот бросил под ноги Государю вторую бомбу. Вечером было оглашено сообщение министра внутренних дел графа М. Т. Лорис-Меликова: *«Сегодня, 1 марта, в 1 ч. 45 м. при возвращении Государя Императора с развода, на набережной Екатерининского канала, у сада Михайловского дворца, совершено было покушение на священную жизнь Его Величества, посредством брошенных двух разрывных снарядов: первый из них повредил экипаж Его Величества, разрыв второго нанёс тяжёлые раны Государю»*^[138].

Император Александр II, истекающий кровью, произнёс: *«Во дворец, там умереть...»* Израненного Государя доставили в Зимний, внесли на ковре в его кабинет и уложили на кровать, возле письменного стола, за которым он обычно работал. К умирающему отцу немедленно прибыли Цесаревич Александр Александрович, Цесаревна Мария Феодоровна и их старший сын Великий Князь Николай. Двоюродный дядя Николая II, друг его юношеских игр, Великий Князь Александр Михайлович вспоминал: *«Император Александр II лежал на диване у стола. Он был в бессознательном состоянии. Три доктора были около него, но было очевидно, что Государя нельзя было спасти. Ему оставалось несколько минут жизни. Вид его был ужасен: его правая нога была оторвана, левая разбита, бесчисленные раны покрывали лицо и голову. Один глаз был закрыт, другой – смотрел перед собой без всякого выражения»*^[139].

Впоследствии сам Николай II вспоминал, как он, 13-летний подросток, стал свидетелем мучительной смерти Деда: *«Когда мы поднимались по лестнице, я видел, что у всех встречаемых бледные лица. На коврах были большие пятна крови. Мой Дед истекал кровью от страшных ран, полученных от взрыва, когда его несли по лестнице. В кабинете уже были мои родители. Около окна стояли мои дяди и тётки. Никто не говорил. Мой Дед лежал на узкой походной постели, на которой он всегда спал. Он был покрыт военной шинелью, служившей ему халатом. Его лицо было смертельно бледным. Оно было покрыто маленькими ранками. Его глаза были закрыты. Мой отец подвел меня к постели: “Папá, – сказал он, повышая голос, – “Ваш луч солнца здесь”. Я увидел дрожание ресниц, голубые глаза моего деда открылись, он старался улыбнуться. Он двинул пальцем, но он не мог поднять рук, ни сказать то, что он хотел, но он, несомненно, узнал меня. Протопресвитер Бажанов подошел и причастил Его в последний раз. Мы все опустились на колени, и Император тихо скончался. Так Господу угодно было»*^[140].

Последние минуты жизни Царя-Освободителя запечатлел и Великий Князь Александр Михайлович: *«Лейб-хирург, слушавший пульс Царя, кивнул головой и опустил окровавленную руку. – Государь Император скончался! – громко промолвил он. Княгиня Юрьевская¹⁸ вскрикнула и упала, как подкошенная, на пол. Ее розовый с белым рисунком пенюар был весь пропитан кровью. Мы все опустились на колени. Влево от меня стоял новый Император. Странная перемена произошла в нем в этот миг. Это не был тот самый Цесаревич Александр Александрович, который любил забавлять маленьких друзей своего сына Никки тем, что разрывал руками колоду карт или же завязывал узлом железный прут. В пять минут он совершенно преобразился. Что-то несоизмеримо большее, чем простое сознание обязанностей Монарха, осветило его тяжёлую фигуру. Какой-то огонь святого мужества загорелся в его спокойных глазах. Он встал. – Ваше Величество, имеете какие-нибудь приказания? – спросил смущенно градоначальник. – Приказания? – переспросил Александр III. – Конечно! Но, по-видимому, полиция совсем потеряла голову! В таком случае армия возьмет в свои руки охрану порядка в столице! Совет министров будет собран сейчас же в Аничковом дворце»*^[141].

В 15 час. 35 мин. 1 марта 1881 г. Императорский штандарт над Зимним дворцом медленно пополз вниз. Огромная толпа, молча стоявшая на Дворцовой площади, в основном простонародье, сняла шапки и опустилась на колени: Царя-Освободителя не стало. Началось царствование Императора Александра III. Его старший сын Великий Князь Николай Александрович стал Наследником русского престола. В своём первом Высочайшем манифесте Император Александр III повелел *«учинить присягу верности Нам и Наследнику Нашему, Его Императорскому Высочеству Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу»*^[142]. Впервые в истории Александр III повелел, чтобы присягу ему и Цесаревичу приносили *«и крестьяне наравне со всеми Нашими верными подданными»*^[143].

Доктор ист. наук С. Л. Фирсов в своей работе замечает: *«Трудно сказать, что испытывал в те минуты двенадцатилетний подросток (тогда он еще не вел дневник), но то, что произошедшее произвело на него неизгладимое впечатление – несомненно»*^[144]. Родители не хотели, чтобы их старший сын оставался в Зимнем, и сказали графу С. Д. Шереметеву отвезти его обратно в Аничков дворец. Когда Шереметев с Наследником вышли к подъезду, их ждал казачий конвой. Николай Александрович внезапно приказал не сопровождать его. Шереметев вспоминал, что его *«озадачило такое решение, но делать было нечего. Казак вскочил на козлы, мы сели в карету и благополучно прибыли в Аничков. Оттуда я поспешил обратно, чтобы доложить Государю, что Цесаревич в целости доставлен домой»*^[145].

С. Л. Фирсов делает вывод: *«Мальчик не был трусом и в страшной ситуации неразберихи и суеты, явившейся следствием произошедшего в тот день убийства венценосного деда, не потерял присутствия духа. Детство закончилось, настала пора юности, время постепенной подготовки к будущей роли Самодержца»*^[146].

6–15 марта состоялись похороны Императора Александра II. Царь шёл пешком за гробом отца, без пальто, в одном генерал-адъютантском мундире, с Андреевской лентой через плечо. Цесаревич Николай следовал в Петропавловский собор в траурной карете вместе с Императрицей Марией Феодоровной. В Петропавловском соборе Цесаревич стоял рядом с гробом убитого Деда и всё время церемонии похорон безутешно рыдал^[147]. Тогда никому не приходила в голову мысль, что Внуку придётся также принять мученическую кончину.

14 марта 1881 г. Александр III своим Манифестом определил, что *«приняв в уважение малолетство Наследника Нашего Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича»* до его совершеннолетия *«на случай кончины Нашей»* назначить Правителем Государства *«любезнейшего Брата Нашего Великого Князя Владимира Александровича»*^[148].

¹⁸ Морганатическая жена Императора Александра II Е. М. Долгорукова.

После убийства отца Император Александр III и его семья переехали из петербургского Аничкова дворца в Гатчинский. В Аничковом прошла большая часть детства Николая II, в Гатчине – его юность. Решение Александра III переехать в Гатчину вызвало у большей части свиты и общества большое удивление. Со времён Императора Павла там постоянно никто не жил. Император Николай Павлович прибывал сюда лишь для проведения осенних манёвров, иногда навещал дворец летом вместе с семьёй. По приказу Николая I на плацу перед дворцом был установлен памятник его убиенному отцу, работы скульптора И. П. Витали. При открытии памятника 1 августа 1851 г. в почётном карауле стоял шестилетний Великий Князь Александр Александрович. Наверное, с детства Александр III относился к памяти Императора Павла Петровича с особым чувством. По-видимому, и Гатчину для своей резиденции он выбрал не случайно. В Гатчинском дворце сохранялся архив Императора Павла I, который пользовался неизменным вниманием Александра III. Кабинет Павла I в Гатчинском дворце сохранялся в неприкосновенности. На отдельном столике, на куске штофа лежало принадлежавшее Павлу Петровичу Священное Писание. Как рассказывали впоследствии дворцовые слуги, Александр III приходил сюда молиться. Думается, к концу своего царствования Александр III больше, чем кто-либо, знал о своём убиенном Прадеде^[149].

Семья Императора Александра III заняла в Гатчинском дворце помещения в Арсенальном каре. Для личных апартаментов были выбраны комнаты антресольного этажа, маленькие и невысокие, похожие на каюты. Высокий и могучий Царь казался в этих комнатах Гулливером в царстве лилипутов. Он же прекрасно чувствовал себя именно в маленьких помещениях с невысокими потолками. Примечательно, что Император Пётр Великий, отличавшийся, как известно, двухметровым ростом, также любил маленькие помещения с низкими потолками.

В Гатчине и ее окрестностях охотились на самых разных зверей: медведей, волков, оленей, ланей, лисиц, зайцев. Из птиц чаще били тетеревов, фазанов, глухарей, реже – уток. Царские дети с ранних лет учились меткой стрельбе и позже стали участниками охот близ Гатчины; особенно хорошим охотником был Наследник Цесаревич Николай Александрович^[150].

Александр III страстно любил рыбалку, и это увлечение передалось жене и детям. Различным способам рыбной ловли он предпочитал лужение рыбы ночью. Неудачным для него считался улов в несколько десятков рыб (щуки шли отдельным счетом); в среднем он ловил до двух сотен, отправляясь на рыбалку после десяти часов вечера, а по возвращении работал до утра.

Помимо рыбалки и охоты, в Гатчинском парке были и другие многочисленные развлечения. Зимой устраивали прогулки в санях с приглашенными из Петербурга гостями, заезжали на Ферму – пить кофе и чай. Террасы парка приспособивали под горы для катания на салазках. В снежных баталиях с большим удовольствием принимал участие и сам Государь. Перед дворцом «катали болвана» (снежную бабу), такого большого, что лепили его несколько дней. Всей семьёй работали в парке – счищали снег, рубили деревья, жгли костры, запекали яблоки и картошку. На озерах заливали каток – самой большой любительницей коньков была Императрица Мария Феодоровна^[151].

Летом катались по парку в колясках, на велосипедах, верхом. Весной, ближе к Вербному воскресенью, сажали вербы на островах. На озера выходили на лодках, байдарках и в шлюпках с матросами, часто гребли сами. А еще в распоряжении детей был «аквапед» – прообраз современного водного велосипеда. В 1882 г., в начале «электрического» бума, в Гатчине даже появилась лодка с электрическим двигателем. В Егерской слободе Царская Семья держала прирученных зверей. Здесь можно было покормить медведей и покататься на осликах.

По словам одного из личных царских врачей Н. А. Вельяминова: «Государь Александр III жил в Гатчине жизнью богатого помещика и очень любил заниматься местными хозяйственными вопросами и много делал для благоустройства Гатчинской вотчины. Петербург с его бюрократией он очень не любил и не раз говорил мне, что смотрит на поездки в Петербург и

пребывание там, как на исполнение тяжелой и неприятной обязанности. Он очень не любил торжественности, помпы и парадов в широком смысле этого слова, но исполнял все, что полагалось по этикету, никогда не показывая, что ему скучно и противно»^[152].

В июле 1881 г. Цесаревич Николай Александрович сопровождал своего отца в Москву. Император Александр III очень любил Первопрестольную столицу и эту любовь передал своему старшему сыну. Восторженный приём, оказанный Царю в Москве, наглядно увиденное единение Царя с народом произвело сильное впечатление на юного Цесаревича, особенно на фоне того ужаса, каким жила Царская Семья последние годы в Петербурге.

Железнодорожная катастрофа 1888 г.

17 октября 1888 г. Император Александр III со всей семьёй возвращался из Ливадии в Петербург. В 14 час. 14 мин., когда Собственный Его Императорского Величества поезд, состоявший из 10 вагонов, следовал мимо станции Борки Харьковской губернии, произошло сходжение его с рельс. Вот как описывал это происшествие «Правительственный вестник» от 20 октября 1888 г.: «Императорский поезд, вышедший из ст. Тарановка в полдень 17-го октября, потерпел крушение на 277-й версте, между ст. Тарановка и Борки, на насыпи, пролегающей через довольно глубокую балку. Во время крушения Их Величества Государь Император и Государыня Императрица, со всем Августейшим Семейством, и лица Свиты находились за завтраком, в вагоне-столовой. При сходе с рельсов первого вагона произошла страшная качка; следующие вагоны слетали на обе стороны; вагон-столовая, хотя и остался на полотне, но в неузнаваемом виде: все основание с колесами выбросило, стенки сплюснулись и только крыша, свернувшись на одну сторону, прикрыла находившихся в вагоне. Невозможно было представить, чтобы кто-либо мог уцелеть при таком разрушении. Но Господь Бог сохранил Царя и Его Семью: из обломков вагона вышли невредимыми Их Величества и Их августейшие Дети. Спаслись и все находившиеся в этом вагоне лица, получив лишь легкие ушибы и царапины, кроме флигель-адъютанта Шереметева, который пострадал более других, но не тяжело. К прискорбию гибель прочих из разбитых частей поезда сопровождалась несчастиями. Убиты 19 <...> раненых 18. <...> Государь Император изволил лично распоряжаться организацией помощи раненым. Несмотря на крайне дурную погоду, при пронизывающем дожде и сильной грязи, Его Величество несколько раз спускался под откос к убитым и раненым и поместился в вытребованный к месту крушения свитский поезд только тогда, когда последний раненый был перенесен в санитарный поезд, прибывший по требованию из Харькова»^[153].

В момент крушения поезда Александр III с женой и детьми, за исключением маленькой Великой Княжны Ольги Александровны, находился в вагоне-столовой. Этот вагон, большой, тяжелый и длинный, был укреплен на колесных тележках. При ударе тележки отвалились. Тем же ударом были сломаны поперечные стенки вагона, а боковые треснули, и крыша стала падать на пассажиров. Стоявшие в дверях камер-лакеи погибли, остальных пассажиров спасло только то, что крыша при падении одним концом уперлась в пирамиду из тележек. Образовалось треугольное пространство, в котором и оказалась Царская Семья. Следующие за ним вагоны, которые могли окончательно сплюснуть салон-вагон, развернуло поперек пути, что спасло столовый вагон от полного разрушения.

Об этом страшном моменте своей жизни Цесаревич оставил следующую запись в дневнике: «Роковой для всех день, все мы могли быть убиты, но по Воле Божьей, этого не случилось. Во время завтрака наш поезд сошёл с рельсов, столовая и 6 вагонов разбиты, и мы вышли из всего невредимыми. Однако убитых было 20 чел. и раненных 16. Пересели в Курский поезд и поехали назад. На станции Лозовой был молебен и панихида. Ужинали там же. Все мы отделались лёгкими ранениями и разрезами!!!»^[154]

Императрица Мария Феодоровна писала в своей памятной книжке: *«Завтракать пошли в 11.15, были веселы и довольны, как вдруг – сильный толчок, затем другой, еще хуже, и нас всех отбросило назад, а нашей столовой больше не существовало. Но Господь наш сотворил чудо и спас нас всех вместе, так что никто из нас не пострадал. Вечная Слава Его Милости за то, что сохранил всех моих любимых, но сколько горя! 22 погибло и ранено 35 человек. Страшно! Мы пробыли там пять с половиной часов, спасая раненых...»*^[155]

Государственный секретарь А. А. Половцов вспоминал, что после крушения Императрица Мария Феодоровна рассказывала ему о его обстоятельствах: *«Она сидела за столом против Государя. Мгновенно все исчезло, сокрушилось, и она оказалась под грудой обломков, из которых выбралась и увидела перед собою одну кучу щепок без единого живого существа. Разумеется, первая мысль была, что и муж ее, и дети более не существуют. Чрез несколько времени появилась таким же манером на свет дочь ее Ксения. “Она явилась мне как ангел, – говорила Императрица, – явилась с сияющим лицом. Мы бросились друг другу в объятия и заплакали. Тогда с крыши разбитого вагона послышался мне голос сына моего Георгия, который кричал мне, что он цел и невредим, точно так же, как и его брат Михаил. После них удалось, наконец, Государю и Цесаревичу выкарабкаться. Все мы были покрыты грязью и облиты кровью людей, убитых и раненных около нас. Во всем этом была осязательно видна рука Провидения, нас спасшего»*^[156].

Великая Княгиня Ольга Александровна спустя много лет после крушения вспоминала, что в момент катастрофы *«старый дворецкий, которого звали Лев, вносил пудинг. Неожиданно поезд резко покачнулся, затем еще раз. Все упали на пол. Секунду или две спустя столовый вагон разорвался как консервная банка. Тяжелая железная крыша провалилась вниз, не достав каких-то нескольких дюймов до голов пассажиров. Все они лежали на толстом ковре, находившемся на полотне: взрывом отрезало колеса и пол вагона. Первым выполз из-под рухнувшей крыши Император. После этого он приподнял ее, дав возможность жене, детям и остальным пассажирам выбраться из изувеченного вагона»*^[157].

С. Ю. Витте, который не был свидетелем происшествия, писал, что *«во время крушения Государь со своей семьёй находился в столовом вагоне; вся крыша столового вагона упала на Императора, и он только благодаря своей гигантской силе удержал эту крышу на своей спине, и она никого не задавила»*^[158].

Руководитель расследования причин железнодорожной катастрофы А. Ф. Кони считал это утверждение неправдоподобным, поскольку сама крыша многотонная и удержать ее над собой никакому человеку не по силам, объяснив, что крышу заклинило с двух сторон рухнувшими вагонами, сложив ее домиком над Царской Семьей.

Однако профессор хирургии Харьковского университета В. Ф. Грубе был убеждён в прямой связи последствий крушения с причинами смерти Царя. Он вспоминал о своём разговоре с Императором Александром III в январе 1889 г. Тогда Царь сказал, что *«со дня крушения ощущает боль в правом бедре, против которого приходилась папиросница в кармане брюк, а также в пояснице и выше, причём подробно и точно показал мне все места, где ощущались боли»*^[159]. *«Я глубоко убеждён, – заключал Грубе, – что его недуг, приведший к роковому исходу, ведёт начало со времени крушения поезда. Страшное сотрясение всего тела при падении коснулось особенно области почек. Указания на определённые точки, сделанные Государем во время беседы со мной 11-го января 1889 года, служат главной основой такого моего мнения»*^[160].

Весть о крушении Императорского поезда быстро разнеслась по линии, и помощь спешила со всех сторон. Александр III, несмотря на крайне плохую погоду (лил дождь с изморозью) и слякоть, сам распоряжался извлечением раненых из-под обломков разбитых вагонов. Профессор В. Ф. Грубе, которого вызвали на место крушения телеграммой, вспоминал: *«Их Величества изволили обходить всех раненых и словами утешения одобряли ослабевших и упавших духом. Погода с каждой минутой становилась всё ненастнее и ненастнее: шёл проливной*

дождь, холодный пронзительный ветер леденил эту печальную группу изувеченных, временно приотивившихся на мокром глинистом дне балки. По приказанию Государя Императора были разведены костры, раненные прикрыты запасными шинелями солдат. Его Величество стоически перенося и ливень, и холод, изъявил непоколебимое решение оставаться возле раненных, до тех пор, пока они все не будут убраны в вагоны»^[161].

Императрица обходила с медицинским персоналом пострадавших, подавала им помощь, всячески стараясь облегчить больным их страдания, несмотря на то что у нее самой повреждена была рука выше локтя. Мария Феодоровна употребила на бинты все подходящее из своего личного багажа и даже нижнее белье, оставшись в одном платье. На плечи Царицы накинули офицерское пальто, в котором она и помогала раненым. Вскоре из Харькова прибыл вспомогательный состав. Но ни Император, ни Императрица, хотя и были очень усталыми, не захотели в него сесть. С. Д. Шереметев, очевидец катастрофы, писал: *«Помню, как все были поражены и восхищены тем, что Государь, когда подали обед на большой железнодорожной станции, после совершенного молебствования, позвал всех присутствующих и пострадавших, и всех и все сели за один стол»^[162].*

Сам Александр III позже оценил это происшествие так: *«Через что Господу угодно было нас провести, через какие испытания, моральные муки, страх, тоску, страшную грусть и наконец, радость и благодарение Создателю за спасение всех дорогих сердцу, за спасение всего моего семейства от мала до велика! Этот день никогда не изгладится из нашей памяти. Он был слишком страшен и слишком чудесен, потому что Христос желал доказать всей России, что Он и до ныне творит еще чудеса и спасает от явной гибели верующих в Него и в Его великую милость».*

По распоряжению и на средства Царской Семьи на месте крушения был поставлен храм и часовня, а сама станция Борки получила второе название Спасов Скит.

В Харькове Царская Семья посетила раненых в больнице, перед которой толпы народа с великим одушевлением приветствовали её. В. Ф. Грубе писал: *«Энтузиазм был настолько велик, что Их Величества не имели в течение нескольких минут возможности пройти в ворота, так как неимоверное количество рук протягивалось к Ним: люди стремились поцеловать полы Их платьев. Наконец Их Величества соизволили взойти в палаты при криках несмолкаемого “ура” со стороны собравшихся студентов и врачей»^[163].*

По поводу причин катастрофы имеются разные мнения. С. Ю. Витте в своих воспоминаниях убеждал, что он задолго до несчастного случая в Борках предупреждал генерал-адъютанта П. А. Черевина и самого Александра III, что императорские поезда развивают на Юго-Западных железных дорогах слишком большую скорость, а состояние железнодорожного полотна на этих дорогах не вызывает надёжности, так как оно сильно повреждено товарными составами, идущими также с большой скоростью. По словам Витте, он сказал Черевину, что такая езда *«кончится тем, что Вы таким образом Государю голову ломаете»^[164].* Александр III эти слова Витте слышал и остался крайне недоволен *«этой дерзостью»^[165].* Причины катастрофы в Борках, по признанию комиссии, объяснялись грубыми нарушениями правил безопасности, которым должны были соответствовать императорские поезда. Правила о поездах Высочайших особ ограничивали размер состава в зимнее время 14 шестиколесными вагонами. На самом деле перед крушением Императорский поезд состоял из 14 восьмиколесных и одного шестиколесного вагона. Поезд весил до 30 тысяч пудов, растягивался на 300 с лишним метров и более чем вдвое превосходил длину и тяжесть обычного пассажирского поезда, приближаясь по весу к товарному составу из 28 груженных вагонов. Но товарным поездам тогда не разрешалось ехать быстрее 20 верст в час, а Императорский поезд по расписанию должен был делать 37 верст в час. На деле перед крушением он шел со скоростью под семьдесят^[166]. Происшедшее Витте объяснял так: *«Императорский поезд ехал из Ялты в Москву, причём дали такую большую скорость, которую требовали и на Юго-Западных железных дорогах. Ни у кого из*

управляющих дорог не доставало твёрдости сказать, что это невозможно. <...> Поезд шёл с несоответствующей скоростью, двумя товарными паровозами, да ещё с не вполне исправным вагоном министра путей сообщения. Произошло то, что я предсказывал: поезд вследствие качания товарного паровоза от большой скорости, не свойственной для товарного паровоза, выбил рельс. Весь поезд упал под насыпь, и несколько человек было искалечено»^[167].

Катастрофа под Борками обозначила всё более заметную трещину, разделявшую Александра III и его старших братьев. Во время катастрофы двое из них, Великие Князья Владимир и Алексей Александровичи, находились за границей. По словам Половцова, «они тотчас после Боркского несчастья не возвратились немедленно в Петербург, а продолжали жить в Париже, причем тамошние охоты, в коих я принимал деятельное участие, были описаны в неслыханных французских газетах как ряд каких-то необычайных праздников». Александр III особенно гневался на Владимира Александровича: «Ведь если бы мы все были там убиты, то Владимир Александрович вступил бы на престол и для этого тотчас приехал бы в Петербург. Следовательно, если он не приехал, то потому только, что мы не были убиты»^[168].

Глава 3. Образование Цесаревича Николая Александровича

Программа и организация образования

Образование Наследника Цесаревича Николая Александровича было рассчитано на 13 лет. Первые 8 лет – гимназическая программа, следующие пять – по программе Генерального штаба^[169]. Руководителем образования Наследника и его воспитателем был назначен военный педагог генерал от инфантерии Григорий Григорьевич Данилович. Густав Лансон, видный французский литературовед, который преподавал детям Александра III французский язык, писал о нем: *«Генерал Данилович, воспитатель царственных детей, обладал не только военными познаниями, но был вообще высоко и разносторонне образованным человеком»*^[170]. Между генералом и его воспитанником установились тёплые неформальные отношения. В своих многочисленных письмах генерал неизменно обращался к Цесаревичу без титула – «дорогой Николай Александрович», а подписывался: *«искренно любящий Вас, генерал Данилович»*.

Г. Г. Данилович разработал целую программу воспитания Великого Князя, которую представил на благоусмотрение его родителей. По воле Александра III большое внимание было уделено практическим дисциплинам. Специальная программа включала в себя восьмилетний общеобразовательный курс и пятилетний курс высших наук. Общеобразовательный курс был составлен по программе учебных занятий для классических гимназий с некоторыми изменениями: вместо преподавания древних языков (латинского и древнегреческого) было введено преподавание минералогии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии. Изучение русской истории, русской литературы и иностранных языков было значительно расширено^[171].

Регулярные занятия у Великого Князя Николая Александровича начались в восьмилетнем возрасте. В десятилетнем возрасте Наследник уже еженедельно имел 24 урока, а в 15 лет – 30 уроков. Весь день Цесаревича был расписан по минутам. Даже летом этот распорядок практически не менялся. На начальном этапе образования Александр III иногда присутствовал на уроках сына. Он писал супруге, что гувернёр *«очарован Ники, его прекрасной натурой и добрым характером, что он весьма и весьма развит. Можешь поверить, мне было весьма приятно слышать это, и теперь я возлагаю большие надежды на то, что все, даст Бог, будет хорошо. Я присутствовал на первых уроках Ники с учителями – по русскому языку, по арифметике, по чистописанию и по рисованию. Как видишь, мальчик начал серьёзно заниматься, и говорю с печалью в сердце, что самое прекрасное время осталось в прошлом; сам он весьма доволен и, к моей радости, любит учиться и учится с огромным желанием»*^[172].

По определению И. Зимина, будущему Государю *«давали широкое образование управленца высшего звена. Поэтому в сетке учебных часов мы видим политэкономию и законоведение»*^[173]. Среди преподавателей Наследника были лучшие специалисты России. Законоведение преподавал крупнейший правовед, профессор Московского университета К. П. Победоносцев, международное право – профессор Санкт-Петербургского университета М. Н. Капустин, политическую экономию и финансы – выдающийся профессор-экономист Н. Х. Бунге, европейские международные отношения – выдающийся дипломат, министр иностранных дел Н. К. Гирс, курс общей химии – знаменитый академик Н. Н. Бекетов, Закон Божий – известный русский богослов, писатель, проповедник и церковно-общественный деятель, доктор богословия протоиерей И. Л. Янышев. Помимо этого, Наследнику преподавалось рисование, преподаватель – известный художник К. В. Лемох, и танец, преподаватель – известный танцор Мариинского

театра Т. А. Стуколкин. По поводу назначения Лемоха художник Я. Д. Минченков писал: *«Когда ко Двору понадобился учитель, то в силу своего немецкого происхождения, своей аккуратности и деликатности, и направления в искусстве он, как никто из художников, ближе подошел к этой роли. При Дворе его переименовали из Карла в Кирилла и приставили учить детей Царя Александра III. Лемох застал ещё Александра II, который приходил на уроки внука Николая, будущего Царя Николая II и удостаивал учителя своими разговорами»*^[174].

По хранящемуся в ГА РФ «Расписанию занятий Государя Наследника Цесаревича» за 18 марта 1883 г. можно сделать вывод о характере преподаваемых предметов и занятости Цесаревича во время учебного дня^[175].

Часы	8 ч. 15 м. — 9 ч. 15 м.	9 ч. 15 м. — 10 ч. 15 м.	10 ч. 15 м. — 11 ч. 15 м.	12 ч. — 13 ч.	14 ч. — 15 ч.	16 ч. — 17 ч.
Поне-дельник	Нем. яз.	История	География	Музыка	Матем.	Рисунок
Вторник	Матем.	Закон Божий	Верховая езда	Англ. яз.	Нем. яз.	Матем.
Среда	Матем.	Физика	Гимнастика	История	История	Фр. яз.
Четверг	Физика	Закон Божий	Верховая езда	Нем. яз.	Русс.яз.	Рисунок
Пятница	Матем.	География	География	История	Русс.яз.	Фр. яз.
Суббота	Русс.яз.	Физика	Гимнастика	История	Матем.	Англ. яз.

Как видим, образование Наследника было всесторонним, и учебный день продолжался до вечера. Заметим, что это расписание относится к тому времени, когда Николаю Александровичу было 15 лет. В последующие годы образование Наследника престола приобрело серьёзный научный характер. К пятнадцати годам он имел более 30 уроков в неделю, не считая ежедневных часов самоподготовки. Николай Александрович отличался усидчивостью и врожденной аккуратностью. Он всегда внимательно слушал и был очень исполнительен. Г. Лансон так описывал своего Августейшего ученика: *«Наследник роста скорее небольшого, коренастый, широкоплечий, произвёл впечатление серьёзной солидности. Овал лица скорее круглый, немного вздёрнутый нос и прекрасные голубые глаза, ясный и открытый взгляд которых так хорошо и прямо смотрит в душу»*^[176].

В воспоминаниях Г. Лансона мы находим описание учебного дня царских детей: *«Таблица с расписанием очень тщательно составленным, указывает час за часом распределение времени занятий в течение всего дня. Несколько послеобеденных часов уделены на прогулку во дворце, или на воздухе. Остальное время занятий занято почти всё уроками: русский, французский, немецкий и английские языки, история, математика. География, физика, химия, естественная история, закон Божий и прочее чередуется один за другим. Наследнику Цесаревичу кроме того преподаётся топография и военные науки. Вечера и послеобеденное время заполнено рисованием, музыкой, гимнастикой»*^[177].

Русский и иностранные языки

Особое внимание уделялось русскому языку. Генерал Данилович 17 августа 1877 г. писал будущему Александру III: *«Отечественный язык — орудие всей умственной жизни человека на всех ступенях его развития, это не только средство образа мыслей между людьми, но в большей части случаев, и средство первого знакомства с внешним миром и его явления. Мы узнаём его чаще не путём непосредственного наблюдения, а путём чтения или словесного объяснения. Пока учащийся не владеет отечественным языком довольно свободно круг его познаний останется ограниченным, а процесс мышления осуществляется медленно, вяло»*^[178].

Император Николай II был большим и тонким ценителем родного языка, не терпел в нём иностранных заимствований, считая, что каждому из них можно найти русский эквивалент. Государь говорил А. А. Мосолову: *«Русский язык так богат, что позволяет во всех случаях*

заменить иностранные выражения русскими. Ни одно слово неславянского происхождения не должно было бы уродовать нашего языка. Я подчёркиваю красным карандашом все иностранные слова в докладах. Только министерство иностранных дел совершенно не поддается воздействию и продолжает быть неисправимым»^[179].

Что касается иностранных языков, то как свидетельствовал Лансон: «Наследник Цесаревич говорит на английском как на своём родном языке, также прекрасно владеет французским языком. <...> Относительно немецкого языка я не могу высказать своё отдельное мнение, так как сам не говорю на этом языке, но мне кажется, что и его Великий Князь Николай Александрович знает также хорошо»^[180].

Приоритет давался живым языкам, «мёртвые» же не изучались вовсе. Английский язык преподавал англичанин Чарльз Хис, большой любитель спорта, сильный боксёр. Его воспитанники, Великие Князья Николай и Георгий, любили англичанина и по-доброму шутили по поводу его смешного английского акцента, от которого он не мог до конца избавиться. Однако преподавателем Хис был отличным, и Николай II с детства владел английским в совершенстве^[181]. По свидетельству Великого Князя Александра Михайловича: «Накануне окончания образования, перед выходом в Лейб-гусарский полк, будущий Император Николай II мог ввести в заблуждение любого оксфордского профессора, который принял бы его, по знанию английского языка, за настоящего англичанина. Точно так же знал Николай Александрович французский и немецкий языки»^[182].

Преподавателем французского языка сначала был Дюперре, а после того, как он по состоянию здоровья вернулся во Францию, преподавателем был назначен Лансон^[183]. Французский преподавался Наследнику три раза в неделю. Лансон широко знакомил Ученика с произведениями Ламартина и В. Гюго, множество стихов которых Цесаревич знал наизусть. Лансон был поражён простотой и естественностью сыновей Александра III: «Послушание, кротость и дисциплинированная выдержанность Августейших детей меня просто поражает. Я никогда ещё не видел учеников, которые так облегчали бы работу своим наставникам. Никогда не вызывали они ни одного замечания, никогда не потребовалось малейшего принуждения, или напоминания об их обязанностях, никогда ни тени упрямства или противоречия вообще. Одинаково исправно и точно, всегда оживлённые, весёлые и приветливые охотно являются они на занятия, и на прогулки. Образ жизни великих князей крайне прост. Спят они оба в одной комнате на небольших простых железных кроватях без сеника или волосяного тюфяка снизу, а только на одном матраце. Такая же простота и умеренность наблюдается и в пище. В них много ещё детского, юношеского, они очень просты сердцем так же и в привычках своих; нет ни тени пресыщенности, избалованности»^[184].

История

С детских лет Николай II глубоко и всесторонне знал русскую историю и литературу. Генерал Данилович писал Цесаревичу в 1879 г.: «Прошу Николай Александрович посвящать ежедневно, во время путешествия в Данию, час времени на чтение летописца Нестора и составление извлечения»^[185]. Конспекты Наследника Цесаревича по истории представляют собой множество толстых, полностью исписанных тетрадей. Великая Княгиня Ольга Александровна вспоминала: «Русская история представлялась как бы частью нашей жизни, чем-то родным и близким, и мы погружались в неё без малейших усилий»^[186]. Курс истории Наследнику читал профессор Императорского Санкт-Петербургского университета, член-корреспондент Петербургской академии наук Е. Е. Замысловский. Впоследствии Государь Николай II удивлял всех глубоким знанием русской истории^[187]. В 20 лет он глубоко интересовался творчеством историка и писателя Г. П. Данилевского, автора многих исторических романов. 24 января

Цесаревич Николай отметил в дневнике, что принимал Данилевского, *«который к большому моему удовольствию поднёс мне три тома своих интересных сочинений»*^[188].

В 1866 г. по инициативе Цесаревича Александра Александровича было создано Русское историческое общество, которое возглавил он сам. Граф С. Д. Шереметев писал, что, по мысли Александра III, *«печатание исторических документов должно было идти параллельно с живым обменом мыслей членов общества, собираемых вокруг своего Почетного председателя»*^[189].

Став Царём, Александр III продолжал оставаться Почётным председателем Общества, которое в связи с этим получило именование «Императорское». Александр III всегда брал с собой на заседания своего сына Николая. Секретарь Общества А. А. Половцов вспоминал о заседании 18 февраля 1885 г.: *«Всего с Императором, Цесаревичем и Великим Князем Владимиром Александровичем присутствуют 26 лиц. Государь, посадив возле себя Великого Князя Владимира Александровича, приказывает Цесаревичу сесть между мной и Штендманом*¹⁹. *Я открываю заседание чтением своего отчёта. Потом А. Ф. Бычков*²⁰ *читает отрывки из неизданных и частью известных писем Петра Великого. <...> Грот*²¹ *читает весьма скучную статью о переговорах во время шведской войны 1788 г. Дубровин*²² *прочитывает премиальное сообщение об исторических трудах Императрицы Екатерины и попытки ей при участии графа А. Шувалова создать под своим председательством Историческое общество. Мартенс*²³ *душит нас рассказом <...> об отношениях России с Пруссией во время Отечественной войны. <...> После каждого чтения Государь очень любезно говорит несколько слов читателю, Цесаревич восхищается совершенно новым для него препровождением времени и сообщает мне, что уже четыре года ведёт дневник, куда внесёт и всё слышанное сегодня»*^[190].

Литература

Цесаревич любил Пушкина, Лермонтова, Толстого, Тургенева, Чехова и Достоевского. Но любимым его писателем был Гоголь. 1 марта 1884 г. в дневнике Цесаревича можем читать: *«Я всё время читал вслух “Ревизор”»*^[191]. Данилович писал Наследнику: *«Очень радуюсь тому, что Вы по-прежнему любите Гоголя и охотно его читаете. Это, бесспорно, один из лучших сатириков нашей литературы»*^[192]. Сам большой знаток русской литературы, генерал старался не просто ознакомить своего Воспитанника с её вершинами, но показать благотворное нравственное значение её на душу человека. Говоря о сатире Гоголя, Данилович подчёркивал, что его *«всегда поражало при чтении Гоголя и то тёплое чувство, которое сопровождает его насмешку во всех тех случаях, когда он выводит на сцену не пороки, а смешные, но простительные ошибки и заблуждения людей. Этот оттенок горячего участия к людям составляет вообще великое достоинство сатирического писателя, потому, что насмешка безучастная и холодная только отталкивает и оскорбляет людей»*^[193].

В другом письме Г. Г. Данилович излагал Николаю Александровичу свои мысли о значении для русской словесности Ивана Сергеевича Тургенева: *«Все опечалены смертью Тургенева. Много сделал этот замечательный писатель для русских того поколения, к которому принадлежу я. В лучшую свою пору, в пятидесятых и шестидесятых годах, он действительно представлял собою талантливого и умного писателя, глубоко понимавшего жизнь современного*

¹⁹ Георгий Федорович Штендман (1836–1903) – историк и государственный служащий, секретарь Русского исторического общества.

²⁰ Афанасий Фёдорович Бычков (1818–1899) – академик Петербургской Императорской академии наук, историк, палеограф, член Государственного Совета.

²¹ Яков Карлович Грот (1812–1893) – академик, вице-президент Петербургской Императорской академии наук.

²² Николай Фёдорович Дубровин (1837–1904) – генерал-лейтенант, академик, историк.

²³ Фёдор Фёдорович Мартенс (1845–1909) – юрист-международник, дипломат.

русского общества, с его мечтаниями, заблуждениями и горестями. Вас пока поражала другая сторона таланта Тургенева – его умение описывать происшествия живо, занимательно и бойким языком. В этом отношении Тургенев был, я думаю, выше всех русских писателей, за исключением разве одного Гоголя»^[194].

Русскую литературу Николай II любил и читал всю жизнь. За время Тобольской ссылки Государь познакомился с произведениями М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Н. Апухтина, П. И. Мельникова-Печерского, произведениями Д. С. Мережковского, В. С. Соловьева. В Тобольске он особенно оценил и полюбил Н. С. Лескова.

Экономика и финансы

Образование Наследника по этим дисциплинам проходило с осени 1886 г. под руководством бывшего министра финансов Н. Х. Бунге, который основательно переработал и дополнил предполагаемый курс лекций, разделив их на три части, каждая для одного семестра: 1) история политической экономии (1886–1887); 2) экономическая политика (1887–1888); 3) чтения о финансах (1888–1889). По поручению Н. Х. Бунге вице-директор Департамента окладных сборов В. И. Ковалевский составил для занятий краткие очерки, карты, графики и таблицы, отражающие состояние сельского хозяйства и положение крестьянства^[195]. Между Цесаревичем и Н. Х. Бунге установились особые тёплые и доверительные отношения. Бунге говорил Государственному секретарю А. А. Половцову, что Цесаревич *«положительно очень умен и в высшей степени сдержан в проявлении своих мыслей»*^[196].

Уровень общего образования Николая II

Государственный секретарь А. А. Половцов в своём дневнике приводил свой разговор с К. П. Победоносцевым, касающийся образования Наследника. Знакомясь со строками Половцова, следует учесть, что этот чрезвычайно честолобивый человек, член нескольких масонских лож, был крайне самовлюблённым, отчего его отношение к другим людям отличалось высокомерной снисходительностью. Тем не менее Половцов писал: *«Говоря о Цесаревиче, Наследнике престола, Победоносцев сообщает, что, хотя Данилович по старости лет, слабости здоровья и вообще некоторой мертвенности нравственного существа и не представляется идеальным воспитателем, тем не менее, его план обучения и строгость исполнения этого плана ставят ход образования Наследника удовлетворительнее, чем других юношей царствующего семейства. Ввиду однообразности и замкнутости жизни государевых сыновей, необходимо было бы доставить Наследнику возможность видеть более людей. На днях Победоносцев говорил об этом с Государем. <...> На всё это, Государь отвечал, что “его сыновья видают тех людей, коих у него бывают”, но, к сожалению, у него бывают люди одной узкой клики»*^[197]. В другом месте Половцов сообщает, что Победоносцев, *«говоря о занятиях своих с Цесаревичем, хвалит способности молодого человека и сетует на то, что его держат на положении ребёнка, а в особенности на то, что ему не позволяют путешествовать»*^[198].

Половцов также утверждал, что преподаватель Наследника по тактике генерал Гудим-Левкович жаловался ему на *«Даниловича, который из своего Питомца делает умеренного, аккуратного старичка, а не бойкого юношу»*^[199]. Как показало будущее, именно те качества, которые заложил в Государя генерал Данилович, позволили Царю в течение долгих лет царствования сохранять спокойствие и хладнокровие в сочетании со спокойным анализом ситуации. Вряд ли бы в критических ситуациях Николаю II помогли бы качества «бойкого юноши».

Протопресвитер Георгий Шавельский, который не любил Государя, тем не менее признавал: *«Когда вопросы касались истории, археологии и литературы, Государь обнаруживал очень солидные познания в этих областях. Нельзя было назвать его профаном и в религиозной*

области. В истории церковной он был достаточно силен, как и в отношении разных установлений и обрядов Церкви»^[200].

Следует сказать, что образование детей Александра III было очень гармоничным и разнообразным. 11 сентября 1882 г. Цесаревич Николай посетил Третьяковскую галерею, где осматривал её картины^[201], а через месяц, 11 октября, был слушателем «*маленькой лекции Миклухо-Маклая. Он рассказывал о своём 12-летнем проживании в Новой Гвинее и показывал свои рисунки*»^[202].

При изучении блока естественных наук Цесаревичу преподавалась анатомия человека, поэтому в его учебной комнате в Гатчинском дворце появился в качестве учебного пособия человеческий скелет. Об этом стало немедленно известно в свете, и эта новость вызывала раздражение у прежних царских воспитателей. Бывший преподаватель Александра III генерал Н. В. Зиновьев буквально выходил из себя, когда речь заходила о воспитательских новациях Даниловича: «*Что он его [Наследника] готовит в повивальные бабки, что ли?*»^[203]

Общее образование Наследника закончилось в 1890 г. В мае в его дневнике появилась запись: «*Сегодня окончательно и навсегда прекратил свои занятия*». Нельзя не согласиться с выводом И. Зимина о том, что Государь «*получил добротное и достаточно гармоничное образование, включавшее в себя не только основы юридического, экономического и гуманитарного образования, но и основательное знание военного дела. Он был образованным и эрудированным человеком, о чем единодушно пишут мемуаристы, хорошо знавшие его “по работе”*»^[204].

Поэтому уничижительные высказывания недоброжелателей Николая II по поводу его образования следует отнести к их предвзятости и недобросовестности. Так, А. П. Извольский в своих воспоминаниях писал: «*Когда Император Николай II вззошел на престол... его природный ум был ограничен отсутствием достаточного образования. До сих пор я не могу понять, как Наследник, предназначенный самой судьбой для управления одной из величайших империй мира, мог оказаться до такой степени неподготовленным к выполнению обязанностей величайшей трудности*»^[205].

И. Л. Солоневич дал наиболее точное определение уровню и значению образования Императора Николая II: «*Государю Императору преподавали лучшие русские научные силы – и историю, и право, и стратегию, и экономику. За Ним стояла традиция веков и практика десятилетий. Государь Император стоял на самой верхушке уровня современности*»^[206].

Военное образование

Любовь к военному делу, как у большинства членов Дома Романовых, была у Императора Николая II, что говорится, «в крови». В детстве, как и у его пращура Петра Великого, у будущего Государя уже были свои «потешные» солдаты, с которыми он участвовал в «учениях и боях» в саду Аничкова сада^[207].

Император Николай II получил хорошее военное образование, которым руководили такие известные военные теоретики, как генерал от инфантерии М. И. Драгомиров (по боевой подготовке войск), Генерального штаба генерал от инфантерии Г. А. Леер (по стратегии и военной истории), генерал от артиллерии Н. А. Демьяненков (по артиллерии), П. Л. Лобко (по военной администрации), Генерального штаба генерал от инфантерии Н. Н. Обручев (военная статистика), Генерального штаба генерал от инфантерии О. Э. Штубендорф (геодезия и топография), Генерального штаба генерал от инфантерии П. К. Гудима-Левкович (тактика), Генерального штаба генерал-майор Ц. А. Кюи (фортификация), генерал-лейтенант А. К. Пузыревский (история военного искусства), вице-адмирал В. Г. Басаргин и генерал-адмирал Н. Н. Ломен (военно-морское дело).

Генерал Обручев впоследствии с *«восторгом отзывался об уме и прекрасных душевных качествах своего Ученика и неоднократно рассказывал о способностях Наследника Цесаревича быстро схватывать суть излагаемого предмета и о его феноменальной памяти»*^[208].

В ГА РФ в фонде Николая II имеются документы, посвященные военным занятиям Наследника Цесаревича Николая Александровича, позволяющие дать представление о полученном им военном образовании. 1. Вычисления Императора Николая II по морским навигационным приборам с 23 августа 1884 по 3 января 1885 г.^[209] 2. Ученические тетради Императора Николая II по фортификации с 10 октября 1885 по 2 февраля 1887 г.^[210] 3. Конспект курса артиллерии, написанный для Великого Князя Николая Александровича. 4. Записи Великого Князя Николая Александровича по курсу военной администрации с 21 ноября 1887 по 11 марта 1889 (8 тетрадей). 5. Учебные записи Великого Князя Николая Александровича по военному делу 1887 г. 6. Конспект курса «военно-уголовного права». 7. Учебные пособия по изучению военного дела.

Тем не менее некоторые современники Николая II считали это военное образование недостаточным. Так, генерал от инфантерии Н. А. Епанчин писал, *«что касается до военнo-научного образования Цесаревича, то в нём были немалые пробелы»*^[211]. Адмирал А. Д. Бубнов, никогда, впрочем, не руководивший крупными военными соединениями, считал, что уровень военных знаний Николая II *«соответствовал образованию гвардейского офицера, что само собой, разумеется, было недостаточно для оперативного руководства всей вооруженной силой на войне»*^[212]. Николай II не получил академического военного образования, не имел опыта боевых действий. Полученное им военное теоретическое образование вполне соответствовало уровню обер-офицера. Окончание военных манёвров он всегда переживал с горечью и сразу начинал *«думать о лагере и о службе в войсках!»*^[213].

6 мая 1884 г. Цесаревичу Николаю Александровичу исполнилось 16 лет. По этому поводу Император Александр III издал манифест, извещающий о совершеннолети Наследника Цесаревича Великого Князя Николая Александровича и о принесении им Присяги^[214]. Это событие считалось чрезвычайно важным в жизни русских Престолонаследников. В отличие от всех других подданных они присягали в 16, а не в 21 год. В торжественной обстановке Цесаревичи приносили две присяги: гражданскую и воинскую. Гражданская присяга приносилась в Большой церкви Зимнего дворца. Оттуда шествие направлялось в Георгиевский зал, где Цесаревич у трона, под знаменем Атаманского «своего имени полка» произносил воинскую присягу *«на верность службы Государю и Отечеству»*^[215].

Николай Александрович об этом событии в дневнике записал следующее: *«В десять часов пошли в церковь. В половине первого поехали в Зимний. Я, конечно, был в атаманском мундире. По окончании молебна я прочёл Присягу. Пошли в Георгиевскую залу и тут я прочёл военную присягу. Затем мне были от всех поздравления. <...> Я так доволен, что всё прошло благополучно»*^[216].

Великий Князь Константин Константинович писал в дневнике: *«Нашему Цесаревичу сегодня 16 лет, он достиг совершеннолетия и принес присягу на верность Престолу и Отечеству. Торжество было в высшей степени умилительное и трогательное. Наследник – с виду ещё совсем ребенок и очень невелик ростом. Прочитал он присягу, в особенности первую, в церкви детским, но прочувствованным голосом; заметно было, что он вник в каждое слово и произносил свою клятву осмысленно, растроганно, но совершенно спокойно. Слезы слышались в его детском голосе. Государь, Императрица, многие окружающие, и я в том числе, не могли удержаться слёз»*^[217].

В августе 1884 г. Наследник получил звание поручика. Летом 1887 г. прослужил субалтерн-офицером (младшим офицером) в роте Его Величества и командовал этой ротой в лагерном сборе следующего, 1888 г. Всего Наследник провёл в должности ротного командира два лагерных сбора в рядах Лейб-гвардии Преображенского полка. В марте 1889 г. будущий импе-

ратор писал: «Я проделал уже два лагеря в Преображенском полку, страшно сроднился и полюбил службу!»^[218]

В учениях Наследник принимал участие как простой офицер. «Выступили в 7 часов, – писал он в своём дневнике в мае 1889 г. – Принимал штандарт с 1 взводом. Дождь шёл с самого начала. На военном поле было учение дивизии с обозначенным противником. Делали две атаки на него»^[219]. 17 июля того же года: «Выступили в 8 ½ с отличной погодой. Опять дрались с обозначенным противником»^[220]. 1 августа того же года: «Спал отлично в своей палатке, несмотря на дождь. Выступили с бивуака в 8 ч. и при хорошей погоде двигались к гребню Красносельского шоссе. Николаша²⁴ командовал всем отрядом»^[221]. 5 августа того же года: «Полк выступил в 8 ¼ на бивак, где простояли с 10 ч. до 3 ч. Был собственно двухсторонний кавалерийский манёвр. Сильно мокли под дождём. Странствовали лесами и полями, наконец, отыскали противника и атаковали». В январе 1893 – марте 1894 г. состоялись последние учения Николая Александровича в качестве Цесаревича. Для Наследника участие в таких учениях было настоящим праздником. 23 августа 1892 г. Николай Александрович написал Великому Князю Константину Константиновичу следующее письмо: «Дорогой Костя. Спешу разделить с тобой мою искреннюю радость. У меня только что произошёл с Папа́ разговор, содержание которого так давно волновало меня! Мой милый, дорогой Папа́ согласился, как прежде, охотно и разрешил мне начать строевую службу с зимы! Я не в состоянии выразить Тебе испытываемые мною чувства, Ты вполне поймёшь это сам. Как будто с плеч гора свалилась! Итак, я буду командовать 1-м батальоном под Твоим начальством. Целую крепко нового отца-командира. Твой, Ники»^[222].

С января 1893 г. Цесаревич с радостью окунулся в военную службу, учебные бои, переходы, боевое товарищество: «В 9 час. выступил из казарм с 1-м и 4-м батальонами к Александровскому мосту, куда прибыли одновременно и остальные Таврические батальоны. В 10 час. Костя повёл полк к сборному пункту у дачи Кушелева, где имели большой привал до полудня. <...> 12 ¼ наши отряд в составе 4 бат., 3-х сотен лейб-казаков и 4 орудий Михаила Павловича батареи под командой Кости двинулась на север. При выходе у д. Гражданка были встречены артиллерийским огнём противника, занявшего позицию у дер. Ручьи и сильно окопавшегося снегом. Развернувшись, быстро начали наступать, угрожая левому флангу неприятеля. Мой батальон шёл в первой линии, за мною следовали быстро 2-й и 3-й бат. Идти было очень скользко, люди падали поминутно. В полчаса мы уже ворвались в укрепления сапёр и взяли два их орудия. В сельской школе был приготовлен завтрак нашею артелью, и удалось накормить весь отряд. Около 4-х двинулись в обратный путь. Ветер дул в лоб и очень мешал передвигать ноги. До черты города шёл пешком во главе батальона, как прошлым летом на подвижном сборе. Ровно в 6 час. пришли на Миллионную, мокрые и грязные, но очень довольные»^[223].

Непосредственный начальник Наследника Великий Князь Константин Константинович записал в своём дневнике в 1894 г.: «Ники держит себя в полку с удивительной ровностью; ни один офицер не может похвастаться, что был приближён к Цесаревичу более другого. Ники со всеми одинаково учтив, любезен и приветлив; сдержанность, которая у него в нраве, выручает его»^[224].

Генерал А. А. Зуров, бывший сослуживец будущего Николая II по Лейб-гвардии Преображенскому полку, вспоминал: «Наследник Цесаревич всегда аккуратно приходил на занятия; Он не числился только, но действительно служил и был образцовым офицером и командиром. Его отношение к своим однополчанам, офицерам и солдатам было всегда дружелюбным и доброжелательным. Он был подлинным отцом-командиром, заботившимся о своих подчинённых, как офицерах, так и солдатах, о солдатах же в особенности, так как он любил их всем своим русским сердцем; Его влекла к ним их бесхитростная простота, что было основ-

²⁴ Великий Князь Николай Николаевич-младший.

ной чертой Его собственного характера. Наследник Цесаревич не только интересовался их питанием и условиями их казарменной жизни, но и домашними делами, жизнью и нуждами их семей и помогал их нужде»^[225].

Генерал Н. А. Епанчин, в ту пору офицер Преображенского полка, вспоминал: «Цесаревич проходил военную службу в пехоте, в Преображенском полку, как младший офицер и как батальонный командир; в коннице, в офицерской кавалерийской школе, и в Л.-гв. Гусарском Его Величества полку, и в артиллерии, в Гвардейской Конно-артиллерийской бригаде. Таким образом, он имел возможность изучить строевую полевую службу, познать войсковой быт, мог наблюдать работу офицеров и солдат, сойтись с ними, узнать русского человека, особенно простолодина, в его работе. Всё это было для него крайне необходимо, особенно для его будущего предназначения как Монарха. Служебные обязанности Цесаревич исполнял чрезвычайно добросовестно, входил во все необходимые подробности. Он близко стоял к офицеру и солдату; в сношениях с людьми отличался необыкновенным тактом, выдержкой и доброжелательством; никого из офицеров не выделял особенно, ни с кем не входил в особые близкие отношения и никого не оттолкнул. По своему характеру он не способен был на вульгарное товарищество, на амигошонство, чему мы иногда были свидетелями в отношениях других высоких лиц.

Житейская обстановка Цесаревича в полку ничем не отличалась от условий жизни остальных офицеров – была проста, безо всяких излишеств. Он столовался в офицерском собрании и не предъявлял никаких претензий; особенно это бросалось в глаза на манёврах, когда подавалась закуска самого простого вида, так как вообще в Преображенском полку не было никакой роскоши. Это, разумеется, производило большое впечатление на унтер-офицеров и на всех солдат полка»^[226].

Два летних сезона Цесаревич посвятил кавалерийской службе в рядах Лейб-гвардии Гусарского полка от взводного до эскадронного командира. Следует сказать, что верховую езду Цесаревич любил с детства. В его детском дневнике можно часто встретить следующие сведения: «Ездили верхом и отлично прыгали через барьер»^[227]. Начальник офицерской кавалерийской школы, где Николай Александрович проходил обучение, полковник В. А. Сухомлинов (будущий генерал и военный министр) вспоминал: «Цесаревич очень аккуратно посещал занятия эскадрона школы и прошел все уставное обучение кавалериста, до эскадронного учения включительно. Чрезвычайно внимательно относился ко всем указаниям, разъяснениям и перед эскадроном произносил команды отчетливо, уверенно»^[228].

Один лагерный сбор Наследник прошёл в рядах артиллерии. После прохождения многолетнего курса военной подготовки Великому Князю Николаю Александровичу было присвоено звание полковника, и вплоть до восшествия на престол в 1894 г. он командовал батальоном Преображенского полка. Звание полковника он сохранил на всю жизнь, так как полковничьи погоны он получил из рук столь им любимого отца – Императора Александра III.

Генерал В. А. Сухомлинов вспоминал: «При вступлении на престол Николая Александровича, Великого Князя Николая Михайловича не было в Петербурге. Когда он вернулся в столицу и явился Его Величеству, то Государь, в силу прежних дружеских отношений, встретил его ласково, приветливо и “дернула меня нелегкая”, как он сам рассказывал мне затем, спросить Государя: “А когда же ты сделаешь себя генералом?” Государь сразу же изменился и недовольным тоном ответил ему: “Русскому Царю чины не нужны. В Бозе почивший отец мой дал мне чин, который я сохранию на престоле”»^[229].

6 января 1894 г. в ознаменование годовщины службы Наследника Цесаревича в рядах Лейб-гвардии Преображенского полка Великий Князь Константин Константинович от имени офицеров полка подарил Цесаревичу памятный портсигар. Великий Князь вспоминал: «В 3½ собрались мы в офицерское собрание на товарищеский обед. Было решено, что за этим обедом я вручу Ники полковой подарок – портсигар. Он золотой, рифлённый; с одной стороны,

посреди красного эмалевого кружка, в золотом венке из дубовых и лавровых листьев золотой вензель Петра I, как на наших знамёнах, а с другой, в таком же венке и тоже на красной эмали, числа 93 2/1 94 вступления Ники в наши ряды и годовщины. Я задолго приготовил слова, которые хотел сказать Ники при поднесении портсигара, и твердо выучил их наизусть. Но когда шампанское разлили, музыка перестала играть, я встал и выждал, чтобы затих шум отодвигаемых стульев, на меня нашло какое-то затмение; я перезабыл выученные слова и сказал следующее: 2-го января исполнился год со дня, когда Ты вступил в наши ряды командиром батальона. <...> Каждый из нас по гроб жизни свято сохранит память о днях, когда служили вместе с Тобой под родными нашими знаменами. Прими же это воспоминание от Преображенской семьи (тут я подал Ники портсигар) и верь, что любовь ее, самая задушевная, беззаветная и горячая, принадлежит Тебе не только как потомку нашего великого Основателя, как сыну нашего Царя и Наследнику его Престола, но как нашему доброму, милому, дорогому и бесценному товарищу»^[230].

Любовь к офицерству Николай II сохранил на всю жизнь. Будучи сам прирождённым военным, он хорошо знал все тяготы и лишения этой профессии.

Глава 4. Путешествие на Восток 1890–1891 гг.

По сложившейся в русском Императорском Доме традиции образование Наследника престола завершалось большим заграничным путешествием. Как правило, это были ведущие европейские государства. Однако Император Александр III решил направить своего старшего сына в восточные страны, которые раньше не посещал ни один Цесаревич. За девять месяцев Николай Александрович должен был морским путём посетить Египет, Индию, Цейлон, Сингапур, Яву, Китай, Японию, а далее сухим путем вернуться в Петербург через Сибирь. Когда Государственный секретарь А. А. Половцов убеждал Цесаревича вернуться через Соединённые Штаты, объясняя, что Сибирь он всегда сможет увидеть, то Цесаревич заявил, что он Сибирь хочет увидеть непременно, а Соединённые Штаты повидает *«когда-нибудь потом»*^[231].

План этого грандиозного путешествия задолго до его начала разрабатывался представителями Генерального штаба и Святейшего Синода. Его составлял воспитатель Цесаревича генерал Г. Г. Данилович, которому помогали адмирал И. А. Шестаков, географ А. И. Воейков. Предстоящему путешествию придавалось большое государственное значение. Это была не увеселительная поездка, а важнейшая миссия: Россия заявляла о своих интересах в Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе, демонстрировала свою военно-морскую мощь. Наследник должен был установить личные контакты с ведущими монархами восточного мира. Кроме того, Император Александр III решил основать Великую Сибирскую железную дорогу. В 1891 г. намечалось начать строительство восточного участка Транссибирской магистрали из европейской части России до Томска. Эта магистраль должна была стать надежным транспортным путем не только к тихоокеанским окраинам России, но и к зарубежным рынкам Восточной Азии. Чтобы подчеркнуть стратегическую важность начавшегося строительства, Цесаревичу поручено было принять участие в торжественной закладке во Владивостоке. Туда Наследник должен был прибыть морским путём – через Индийский и Тихий океаны.

Путешествие проходило в сопровождении кораблей эскадры вице-адмирала П. Н. Назинова. Николай Александрович главным образом находился на броненосном фрегате *«Память Азова»*, которым командовал капитан 1-го ранга Н. Н. Ломан. (5 мая 1891 г. из-за болезни Ломана в командование кораблём вступил капитан 1-го ранга Г. П. Чухнин).

Главным руководителем путешествия был генерал-майор Свиты князь Владимир Анатольевич Барятинский. Среди других спутников Цесаревича были: флигель-адъютант князь Н. Д. Оболенский, князь В. С. Кочубей, Е. Н. Волков, князь Э. Э. Ухтомский, большой знаток Востока, а также сын великого Д. И. Менделеева – мичман В. Д. Менделеев. Кроме того, Цесаревича сопровождали военно-морской врач В.К. фон Рамбах и художник Н. Н. Гриценко.

Князь Ухтомский подробно описал это путешествие в своём многотомном красочном издании *«Путешествие Наследника Цесаревича на Восток»*. Следует отметить, что князь оказал большое влияние на Наследника в плане обращения его внимания к Восточному региону в свете геополитических интересов России.

23 октября 1890 г. в Гатчине в присутствии всей Царской Семьи был отслужен молебен о путешествующем рабе Божьем Благоверном Наследнике Цесаревиче Николае Александровиче. Затем в 14 ч. Александр III и Императрица Мария Феодоровна на поезде проводили сына до ближайшей остановки – станции Сиверской^[232]. 24 октября Наследник прибыл в Варшаву, где имел часовую остановку, принимая гражданские и военные власти. Там же, в Варшаве, Цесаревичу был подан специальный заграничный поезд, на котором он отбыл в Вену, где на Северном вокзале его приветствовал император Франц Иосиф. Он радушно обнял Цесаревича, усадив его в собственный экипаж, на котором они проследовали по улицам австро-венгерской столицы, приветствуемые народом. Торжественный обед в честь Высокого Гостя был дан австрийским императором в его загородной резиденции Шёнбруне. В тот же день вечером

Николай Александрович направился в Триест. Там 25 октября 1890 г. к нему присоединился Великий Князь Георгий Александрович, и оба они вступили на борт «Память Азова», на котором был поднят штандарт Цесаревича. В тот же день корабль взял курс на Грецию. В Патрасе Цесаревич благоговейно поклонился мощам святого Апостола Андрея Первозванного^[233]. Толпящиеся вокруг храма греки шумно и радостно приветствовали сына русского Царя.

31 октября под колокольный звон всех церквей Цесаревич прибыл в Афины, где к русским путешественникам присоединился греческий принц Георгий.

Первоначально Цесаревич должен был посетить Константинополь (Стамбул) и Святую Землю. Однако из-за конфликта между султанским правительством и православным греческим духовенством эта поездка не состоялась. Генерал Г. Г. Данилович писал Наследнику 12 сентября 1890 г.: *«Вашему Императорскому Высочеству, я полагаю, известно, что по докладу министра иностранных дел, Государь Император приказал неудобным посещение Вами Константинополя при предстоящем плавании, так как там возникли весьма серьёзные недоразумения между правительством султана и представителями греческого патриархата; недоразумения эти приняли такой острый характер, что по распоряжению патриарха в православных церквях, как слышно, прекращено богослужение. Мне кажется, что такие неудобства, которые мешают посещению Вами Константинополя, препятствует в равной мере и Вашей поездке в Дамаск и Иерусалим»*^[234].

В начале ноября русская эскадра отправилась к берегам Африки, в Египет, в Александрию, где путешественники сделали остановку. В то время как корабли шли по Суэцкому каналу, Цесаревич со своей свитой совершил поездку по Нилу до современного Асуана, осматривая памятники Древнего Египта. 11 ноября путешественники прибыли в Каир. Встреча Наследника прошла на самом высоком уровне. Его приветствовали Александрийский Патриарх Софроний IV (Меиданзоглу) и Коптский патриарх Кирилл^[235].

13 ноября Цесаревич совершил восхождение на знаменитую пирамиду Хеопса, а 14, в день рождения Императрицы Марии Феодоровны, присутствовал на Божественной литургии в каирской православной церкви Святителя Николая.

11 декабря 1890 г. «Память Азова» достиг Индии – главного владения Великобритании на Востоке. *«В 8 ч. утра вошли всем отрядом на Бомбейский рейд, – писал Цесаревич в дневнике, – и бросили якорь. Был чудный день. В полной гусарской форме съехал на берег с греч[еским]. Джорджи. Торжественная встреча англичан. Живём в летней резиденции губернатора – очень хорошо»*^[236].

Однако за этими фразами скрывалась глубокая неприязнь Наследника к «Владычице морей». Те же чувства слышны и в письме Александра III старшему сыну, когда тот прибыл в Бомбей: *«Я воображаю, как Ты теперь “доволен” быть в Индии и как Тебе должно казаться странным быть вдруг там, посреди далеко нам не сочувствующей нации, в царстве красных мундиров²⁵ и посреди далеко не верноподданных Императрицы Индии²⁶! Конечно, англичане Тебя будут везде встречать с почётом и даже весьма любезно, но увлекаться этому не следует и в Англии твоя поездка по Индии далеко многим не по нутру!»*^[237]

Посещая английские колониальные владения, Николай Александрович воспринимал Великобританию как врага и соперника России: *«Досадно видеть, – писал он отцу из Каира, – как англичане разгуливают в мундирах по городу, как будто в Лондоне»*^[238]. В другом письме Александру III Наследник пишет, что *«англичане думают и стараются только для себя и своей выгоды»*^[239]. Посетив Каунпур, центр восстания сипаев в 1857 г., и выслушав рассказы сопровождавших его англичан о зверствах, творимых здесь индийцами, Цесаревич *«не удержался и напомнил англичанам о тех же мерах, какими они сами пользовались после*

²⁵ Цвет военной униформы английской армии в конце XIX в.

²⁶ Имеются в виду индийцы.

подавления мятежа – расстреливая бунтовщиков у дула орудий»^[240]. В Бенаресе Наследника русского престола возмутило поведение английского наместника, который встретил Цесаревича, оставив за спиной местного индийского князька. Для Николая Александровича было совершенно неважно, что этот магараджа *«владеет небольшим клочком вне Бенареса»*. Это нисколько не извиняет английского чиновника проявлять такую *«непочтительность к туземному князю»*^[241]. В этой реакции будущего Государя особенно ярко проявляется антиколониальный, антирасистский дух русской монархии. Подобная мысль не могла прийти в голову, конечно, ни одному западному монарху. Путешествие на Восток и впечатления от английского колониализма ещё больше утвердили будущего Императора в мысли, что *«мы должны быть сильнее англичан в Тихом океане»*^[242].

31 декабря Цесаревич прибыл на Цейлон (Шри-Ланку), где встретился с возвращавшимися из далёких краёв на яхте «Тамара» Великими Князьями Александром и Сергеем Михайловичами. Они прибыли на остров специально поохотиться на слонов. Наследник, заядлый охотник, на этот раз от неё отказался, заявив, что он никогда не хотел бы убить *«такое полезное животное»*, как слон^[243]. В Национальном Ботаническом саду Коломбо Цесаревич посадил железное дерево, которое существует до сих пор, и посещается туристами. Между тем у Великого Князя Георгия Александровича стали проявляться первые признаки туберкулёза. 23 января 1891 г. он был вынужден перейти на крейсер «Адмирал Корнилов», который отвёз его на родину.

В феврале 1891 г. отряд кораблей, возглавляемый «Памятью Азова», приближался к берегам Сиам (Таиланда). Англичане крайне противились появлению русского Престолонаследника в этом королевстве, которое входило в небольшое число неколонизированных государств этого региона. На Сиам были направлены алчные взоры как Лондона, так и Парижа. На подходе к Бангкоку руководитель экспедиции князь В. А. Барятинский получил сообщение от русского консула в Сингапуре А. М. Выводцева, что англичане распространяют слухи, что в Сиаме свирепствует холера и следовать туда ни в коем случае нельзя. Поэтому для сиамского короля Чулалонгкорна (Рамы V) посещение его государства Наследным принцем величайшей державы имело важное политическое значение. В связи с этим король 6/18 февраля 1891 г. направил Цесаревичу Николаю личное письмо, в котором говорилось: *«Ваше Императорское Высочество! По прибытии Вашего Императорского Высочества в Сингапур Вы будете встречены моим возлюбленным братом Кром-Мун-Дамронг-Раджануфаб, посланным мной на моем военном судне “Монгкут-Раджкумар” для приветствования Вашего Императорского Высочества от моего имени, ввиду Вашего приближения к моей стране. Брат мой явится выразителем чувств, питаемых мной и моим домом по отношению к Августейшему Русскому Императорскому Дому, благородный отпрыск коего впервые в сиамской истории посещает эти побережья»*^[244].

Цесаревич в ответном любезном письме согласился посетить Бангкок и 17/29 февраля принял брата короля в Сингапуре: *«Он очень обрадованный и приятный собеседник, отлично говорит по-английски; видно из его рассказов, что меня ожидают в Сиаме»*^[245].

8/20 марта «Память Азова» бросил якорь в порту Бангкока. Программа пребывания русского Престолонаследника в столице Сиам была рассчитана на 5 дней. Князь Ухтомский вспоминал: *«Полдень близко. Воздух кажется раскаленным. Наследник Цесаревич в парадной лейб-гусарской форме выходит из фантастической “пироги” с 46 театрально наряженными гребцами на берег под небольшую арку, у которой Его Императорское Высочество встречает король Чулалонгкорн... Сорокалетний, среднего роста, стройный красавец-король... радостно приветствует Желанного Гостя и знакомит Августейших путешественников со своей многочисленной семьей»*^[246]. Помимо официального протокола между королём и Наследником возникли чувства глубокой симпатии. В инструкции русскому консулу в Нью-Йорке А. Е. Ораловскому, отправлявшемуся на своё новое место службы в Бангкок, сообщалось: *«Могучий толчок*

пробудившемуся влечению Сиам в сторону России был дан состоявшимся посещением бангкокского двора Всемилошвейшим Государем нашим в качестве русского престолонаследника в 1891 г. во время предпринятого на Дальний Восток путешествия. Оказанный Его Императорскому Величеству королём Чулалонгкорном и всем населением страны торжественный приём, полный самого искреннего радушия и внимания, явился той данью признательного уважения, которую король, а с ним вместе и все его подданные в лице высокого своего гостя желали воздать русскому Царю и России»^[247].

Сиам произвёл на Николая Александровича самое хорошее впечатление. Жителей страны русский Престолонаследник называл не иначе как «добрые сиамцы», а сам Сиам – «отлично устроенной страной». *«По-моему, – писал Цесаревич Александру III, – это самая интересная и своеобразная страна, которую мы до сих пор видели»*^[248]. Через 5 лет эти чувства глубокой симпатии побудили Императора Николая II сделать всё, чтобы Сиам сохранил свою независимость и не стал французской колонией.

Особенно знаменательным был визит Цесаревича Николая Александровича в Японию, которая, писал он Императрице Марии Феодоровне, ему *«страшно нравится, это совершенно другая страна, непохожая на те, которые мы до сих пор видели»*^[249].

Наследник престола прибыл в эту страну на флагмане «Память Азова», который вошел в бухту Нагасаки 15 апреля 1891 г. Николай Александрович пробыл там девять дней *«инкогнито»* (официальная церемония вступления его на японскую землю была запланирована позднее). *«Японцы в Нагасаки почти все говорят по-русски, – писал в том же письме матери Цесаревич, – не только в магазинах, но и в лавках, и на базарах, недаром наши моряки считают себя дома во время стоянки в Нагасаки»*^[250]. Единственное, что не понравилось Цесаревичу в Японии, была местная кухня. *«Еда японская, – сообщал он Марии Феодоровне, – хуже китайской. Мне это было очень досадно, так как во всём остальном Япония совершенно несравнима с грязным вонючим Китаем»*^[251].

В Нагасаки Николай Александрович посетил русское военное кладбище в Инасе (пригород Нагасаки). *«Я был на нашем кладбище, – писал он Императрице Марии Феодоровне. – Оно очень искусно содержится японским бонзой-священником»*^[252].

По имеющемуся преданию, этот японский священнослужитель посоветовал русскому Царевичу посетить известного буддийского отшельника Теракуто, *«взору которого открыты тайны мира и судьбы людей»*^[253]. Переодевшись в гражданскую одежду, Цесаревич, в сопровождении принца Греческого Георгия и советника японского императора маркиза Ито Хиробуми, пешком направился к Теракуто, жившему в одной из рощ вблизи Киото. *«Уже издали, подходящие увидели распростертую фигуру затворника-буддиста. Наследник наклонился и бережно поднял его с земли»*. Теракуто *«невидящими глазами»* обратился к Цесаревичу, назвав его «Небесным избранником» и «великим искупителем». Затем монах предупредил Николая Александровича о *«витающей над его головой опасности»*, но *«смерть отступит и трость будет сильнее меча»*, а затем предрек ему «два венца»: земной и небесный. *«Великие скорби и потрясения ждут Тебя и страну твою. Ты будешь бороться за ВСЕХ, а ВСЕ будут против Тебя. На краю бездны цветут красивые Цветы, но яд их тлетворен: дети рвутся к цветам и падают в бездну, если не слушают Отца. Блажен, кто кладет душу свою за други своя. Тристажды блаженней, кто положит ее за врагов своих. Но нет блаженней жертвы Твоей за весь народ Твой. Настанет, что Ты жив, а народ мертв, но сбудется: народ спасен, а (Ты) свят и бессмертен. Оружие Твое против злобы – кротость, против обиды – прощение. И друзья, и враги преклонятся пред Тобою, враги же народа Твоего истребятся. Вижу огненные языки над главой Твоей и Семей Твоей. Это – посвящение. Вижу бесчисленные священные огни в алтарях пред Вами. Это исполнение. Да принесется чистая жертва и совершится искупление. Станешь Ты осиянной преградой злу в мире»*^[254].

Источник этого рассказа владыка Митрофан не указывает. Имеются ссылки на якобы существующие мемуары маркиза Ито Хиробуми, в которых тот сообщает об этом случае. Однако никаких сведений о существовании мемуаров японского премьера не имеется. Нет упоминаний об этой встрече ни в книге Э. Э. Ухтомского, ни в дневниках самого Николая Александровича. Кроме того, представляется странным, чтобы буддийский отшельник использовало евангельские слова «за други своя». Поэтому на сегодняшний день факт встречи Теракуто с Николаем II следует считать апокрифом.

22 апреля 1892 г. Цесаревича Николая навестил японский принц Арисугава Такехито, прибывший со свитой на крейсер «Память Азова» в качестве личного представителя японского императора. В городе Кагосиме Цесаревич наблюдал состязания по борьбе, стрельбе из лука, осмотрел выставку средневекового японского оружия, побывал в замке князя Симадзу. Он очень растрогал местного князя, выпив за его здоровье, по японскому обычаю, чашечку саке, этим жестом подав пример сделать то же самое присутствовавшему при этом принцу Арисугаве, что было весьма лестно для старого князя^[255].

В Стране восходящего солнца со стороны буддистского духовенства Цесаревичу Николаю был оказан подчёркнуто почтительный приём. При входе Цесаревича в буддийский храм священнослужители повергались пред ним ниц, а когда он их поднимал, смотрели на него с благоговением и с трепетом, торжественно вводили его в святилище. При этом лиц свиты, кто хотел войти вслед за Цесаревичем, не пускали. Когда такую попытку предпринял принц Георгий Греческий, ламы преградили ему путь. Как писал епископ Митрофан (Зноско-Боровский), *«каждая такая встреча носила характер какого-то непонятного таинственного культа, совершаемого пред высшим воплощением, по воле Небес сошедшего на землю с особой миссией»*^[256].

27 апреля Цесаревич на поезде прибыл в Киото, древнюю столицу Японии. Здесь традиционно к иностранцам относились враждебно, а недавний визит принца Генриха Прусского едва не закончился трагически, так как фанатичная толпа пыталась наброситься на него. Тем не менее визит Цесаревича Николая прошёл в обстановке особой торжественности, дома были украшены цветными фонариками и хлопчатобумажной материей. Цесаревич проехал через специально по случаю его приезда воздвигнутую на центральной улице триумфальную арку, украшенную надписью по-русски «Добро пожаловать!». В Киото Цесаревич осмотрел древний храм и бывшую резиденцию сёгуна.

29 апреля 1891 г. Наследник на джинрикше отправился из Киото в город Оцу. После осмотра живописного озера Бива Николай Александрович, принц Георг Греческий и японский принц Арисугава Такехито вернулись в губернаторскую резиденцию. После обеда, около 13 час. 20 мин., кортеж примерно из 50 джинрикш двинулся по узким улочкам Оцу обратно в Киото. В первой повозке сидел Цесаревич, во второй – принц Греческий, в третьей – принц Арисугава. За монаршими особами следовали джинрикши с лейб-медиком и лицами русской и японской свиты. Улица была крайне узкой, с обеих её сторон стояли полицейские, вооружённые мечами катана^[257]. Внезапно один из них, как позже выяснилось Сандзо Цуда, улучив момент, подбежал к повозке, где был Цесаревич, и нанёс ему сзади удар мечом по голове. В последний момент Цесаревич обернулся, клинок скользнул и лишь слегка его ранил. Японец хотел повторить удар, но был сбит с ног вовремя подоспевшим принцем Георгием.

Николай Александрович писал Императрице, что *«не будь Джорджи, может быть милая Мама, я бы вас больше не видел!»*^[258] В письмах своим Родителям Цесаревич подробно описал обстоятельства покушения. Наследник рассказывал, что Георг *«догнал бежавшего за мной полицейского и своей известной силой ударил его по голове. Тот сразу повернулся и уже замахнулся на Джорджи саблей, но тотчас же смертельно бледный повалился на землю. Тогда на него набросились двое из моих молодцов дженрикшей и стали держать, так как он старался вырваться, то для верности один из них хватил его по шее саблей и затем его*

затащили в ближайший дом. <...> На голове у меня оказалось две раны, но до сих пор спорный вопрос о том, получил ли я два удара, или один. <...> Самым неприятным было бежать и чувствовать того подлеца за собой и вместе с тем не знать, как долго этого рода удовольствие продлится? Я боялся одного – упасть или просто ослабеть, так как в первую минуту кровь хлынула фонтаном»^[259].

В письме к Марии Феодоровне Наследник сообщал новые подробности покушения: «*Не успели мы отъехать двухсот шагов, как вдруг на середину улицы бросается японский полицейский и, держа саблю обеими руками, ударяет меня сзади по голове! Я крикнул ему по-русски: «что тебе»? и сделал прыжок через моего джениришу. Обернувшись, я увидел, что он бежит на меня с еще раз поднятой саблей, я со всех ног бросился по улице, придавив рану на голове рукой*»^[260].

Цесаревича посадили на скамейку возле одного из домов, чтобы оказать первую помощь. Николай Александрович произнёс: «*Это ничего, только бы японцы не подумали, что это происшествие может чем-либо изменить мои чувства к ним и признательность мою за их радушие*»^[261]. То же самое Цесаревич повторил подбежавшему к нему Арисугаве. Врач В. К. фон Рамбах немедленно на месте сделал первую крепкую перевязку.

Сандзо Цуда был сразу же арестован. Позже суд приговорил его к пожизненному заключению в тюрьме на острове Хоккайдо, где 30 сентября 1891 г. Цуда умер от пневмонии, по другим сведениям, покончил с собой. На суде он мотивировал свои действия тем, что якобы принял Цесаревича за европейского шпиона.

Между тем Наследника повезли обратно в губернаторский дом. Там «*сейчас же Рамбах, Попов с “Азова” и Смирнов с “Мономаха”, – писал Наследник отцу, – приступили к промыванию и зашиванию ран. Я себя чувствовал великолепно и без всякой боли. Но что меня страшно мучило, это мысль о вашем беспокойстве и о том, что неверные слухи могли дойти до вас раньше моей телеграммы*»^[262]. В целом состояние Цесаревича было удовлетворительным, он улыбался и шутил.

2 мая 1891 г. руководитель путешествия генерал-майор свиты князь В. А. Барятинский сообщил о случившемся Императору Александру III. Описывая состояние Наследника после ранения, князь писал: «*Николай Александрович был спокоен и сохранил все присутствие духа, успокаивая всех и говоря, что он особенного ничего не чувствует и что рана пустая. В отношении совершенно растерявшихся японцев Цесаревич выказал удивительную доброту; он сейчас же сказал Принцу Арисугава: “Прошу вас ни минуты не думайте, что это происшествие может испортить хорошее впечатление, произведенное на меня радушным приемом, встреченным мною всюду в Японии”. У всех были слезы на глазах! <...> Дома, в Киото, рана была подробно исследована всеми тремя докторами, наложены швы и повязка. Николай Александрович благодаря Богу чувствовал себя в это время хорошо, разговаривал и шутил*»^[263].

Из этого протокола следовало, что орудием покушения был стандартный полицейский меч катана с длиной лезвия около 58 см. Чудом, но Наследник серьёзно не пострадал. Ему были нанесены две раны на правой стороне головы. Одна из них была длиной около 9 см и достаточно глубока, поскольку проникла до кости. Впоследствии врач эскадры удалил с костной ткани тонкий слой площадью приблизительно 7 × 3 мм. Вторая рана была длиной 7 см, но кость в этом месте задета не была.

6 мая 1891 г., то есть в свой день рождения, Цесаревич получил письмо от Державного отца: «*От всей души благодарим Господа, милый мой Ники, за Его великую милость, что Он сохранил Тебя нам на радость и утешение. До сих пор ещё не верится, чтобы это была правда, что действительно Ты был ранен, что всё это не сон, не отвратительный кошмар*»^[264].

Написал письмо и самый младший брат, 12-летний Великий Князь Михаил: «*Мне было очень грустно, когда я узнал, что случилось с Тобою в Японии. Слава Богу, что раны не были очень опасны. Я буду ужасно рад, когда Ты вернёшься и Георгий также. Миша*»^[265].

Хотя серьёзных последствий удар не имел, Николай II до конца жизни страдал головными болями. 25 мая 1891 г. Николай Александрович записал в своём дневнике: «*Вечером Рамбах вынул с головы последний шов и снял весь шрам*»^[266].

Впоследствии появилось расхожее мнение, что будто бы покушение в Оцу настроило Императора Николая II враждебно в отношении Японии и будто бы это стало причиной войны с нею. В частности, С. Ю. Витте в своих воспоминаниях писал, что покушение «*вызвало в душе будущего Императора отрицательное отношение к японцам...*»^[267]. Однако эти домыслы опровергаются самим Государем. Сразу же после покушения он писал матери: «*Япония так же нравится мне и теперь, как раньше, и случай со мной 29 апреля не оставил во мне никакого неприятного чувства*»^[268]. В том же письме Николай Александрович сообщал, что его «*очень тронуло, что японцы становились на колени при проезде на улице и имели печальные лица*»^[269].

Японцы были крайне взволнованы возможными политическими последствиями со стороны России. Нельзя было исключать с её стороны даже военных действий. На следующее утро с токийского вокзала отошёл специальный поезд, в котором находился сам император (микадо) Муцухито, спешивший с личными извинениями. В Японии микадо почитался за божество, и его передвижение являлось важным государственным событием. Микадо вёз с собой группу профессоров медицины из Токийского университета. Муцухито встретился с Цесаревичем и выразил ему свои слова соболезнования. Сыну русского Царя был пожалован высший японский орден Хризантемы. Из Осаки прибыли три парохода, нагруженные подношениями и подарками от купцов этого крупнейшего торгового города Японии. Извинения японцев были приняты Александром III и тяжёлых последствий для отношений двух стран не имели. Уже в своём письме сыну 6 мая Царь писал: «*Я воображаю отчаяние Микадо и всех сановников японских, и как жаль для них и все приготовления и празднества – всё пропало и ни к чему! Но Бог с ними со всеми, радуюсь и счастлив, что, благодаря всему этому, Ты можешь начать обратное путешествие скорее и раньше, дай Бог, вернёшься к нам!*»^[270]

По настоятельной просьбе русского посланника в Японии Д. Е. Шевича Александр III 7 мая 1891 г. приказал прервать визит Великого Князя Николая Александровича в Японию. Микадо лично провожал Цесаревича на корабль. Преждевременный отъезд Николая Александровича из Японии помешал его участию в торжественной церемонии освящения нового православного собора, сооружённого при деятельном участии святителя архиепископа Николая (Касаткина) в центре японской столицы.

Покушение в Оцу взволновало русское общество. Известный поэт А. Н. Майков посвятил Великому Князю Николаю Александровичу стихотворение, которое направил Императору Александру III. «*Ваше Императорское Величество. Я сам отец и знаю, что всякое сердечное участие в горе и радости по поводу наших детей услада родительскому сердцу. Вот почему я дерзаю представить Вам эти несколько строчек стихов, вызванных доселе непонятным событием с Государем наследником Цесаревичем в Японии*»^[271].

Царственный Юноша, дважды спасенный!
 Явлен двукраты Руси умиленной
 Божия Промысла щит над Тобой!
 Вихрем промчалася весть громовая,
 Скрытое пламя в сердцах подымая
 В общем порыве к молитве святой.
 С этой молитвой – всей Русской землей,
 Всеми сердцами Ты глубже усвоен...
 Шествуй же в путь свой и бодр, и спокоен.
 Чист перед Богом и светел душой.

16 мая 1891 г. Николай Александрович прибыл во Владивосток. За пять месяцев до этого Городская дума 12 января 1891 г. постановила: для увековечивания памяти посещения Владивостока Наследником Цесаревичем построить на перекрёстке Светланской и Прудовой улиц из камня и кирпича Триумфальные ворота, с постановкой в оных образа Святителя Николая Чудотворца с неугасимою лампадой. Дума ходатайствовала о присвоении этим воротам имени Николаевских. Именно через эту арку Цесаревич и въехал во Владивосток. В день своего прибытия он объявил Приамурскому генерал-губернатору барону А. Н. Корфу именной Высочайший Указ, в котором *«в ознаменование посещения Сибири Любезнейшим Сыном нашим, Государем Наследником Цесаревичем и Великим Князем Николаем Александровичем»*, Государь объявлял амнистию широкому кругу каторжан^[272].

Утром 17 мая Цесаревич Николай Александрович принял участие в торжественной церемонии закладки памятника исследователю Дальнего Востока адмиралу Г. И. Невельскому. После закладки Цесаревич посетил военный лагерь, при отъезде из которого офицеры отпрягли лошадей и сами повезли коляску с Августейшим гостем под громовое «ура!» войск и народа^[273].

19 мая Цесаревич принял участие в торжественной церемонии начала строительства уссурийского участка Транссибирской железнодорожной магистрали и в закладке здания Владивостокского вокзала. Цесаревич провёз символическую тачку с землёй для железнодорожной насыпи. К моменту приезда Наследника было уже построено 3 км железнодорожных путей, и Цесаревич совершил пробную поездку по этому участку. Через два года поездки уже ходили от Владивостока до Никольско-Уссурийска, а строительство всей магистрали в целом было завершено в 1904 г.

30 мая Цесаревич попрощался с командой «Память Азова». Мичман В. Д. Менделеев писал своему знаменитому отцу: *«Милый Пана! Вот наши торжества и кончились. Трудно описать ту грусть, с которой все расставались с Цесаревичем: за 7 месяцев все так привыкли к нему как к человеку, как к простому и ласковому юноше...»*^[274]

Возвращение Цесаревича домой из Владивостока пролегало через Сибирь, которая произвела на будущего Николая II огромное впечатление. Разные культуры, народы, обычаи тесно переплетались с красивейшими городами и великолепной природой. *«Что за громадина Амур, – писал он отцу, – мы шли 10 дней вверх по нему и затем вошли в Шилку, которая тоже не из маленьких»*^[275]. Великому Князю Александру Михайловичу Цесаревич писал по поводу Сибири: *«Я в таком восторге от того, что видел, что только устно могу передать впечатления об этой богатой и великолепной стране, до сих пор так мало известной и (к стыду, сказать) почти незнакомой нам, русским!»*^[276]

В степях буряты радушно встречали сына Белого Царя. На р. Тура Наследник встречался с представителями агинских бурят. Для этого был построен юртовый городок, в центре которого для Цесаревича поставили юрты из 10 раздвижных стен с полным убранством, установили трибуну для зрителей конноспортивных и других состязаний. В состав агинской делегации во главе с гл. тайшой Ж. Зоригтуевым входили руководитель Агинской степной Думы и знатные люди С. Зодбоев, Ж. Бодийн, Э. Вамбоцыренов. Баргузинские буряты подарили Цесаревичу седло, лук и стрелы, два ковра и соболий мех. Эти подарки были преподнесены Николаю Александровичу в буддийском храме под чтение ламами мантр, звуки труб и *«чего-то играющего роль литавр»*. При вручении подарков, Наследнику пришлось *«влезть на трон почти под самый потолок»*^[277].

Примечательно то особое священное почитание Цесаревича, как сына Белого Царя, которое проявляли различные восточные народы. В Аннаме, южновьетнамской французской колонии, все были поражены, когда аннамские духовные лица и старики пали ниц перед Цесаревичем. Как писал князь Успенский: *«Лицезрея в Наследнике Цесаревиче Первенца Белого Царя, коего Именем и обаянием полон весь Восток, почитая в Августейшем путешественнике Высо-*

кого Гостя, прибывшего в их буддийский край, аннамские «духовные и старики» пали ниц перед милостиво их принявшим Великим князем»^[278].

По всему следованию Наследника по Сибири, в каждом посещаемом населённом пункте его встречали почётные депутации. Каждая из них считала долгом преподнести Высокому гостю хлеб-соль и местные деликатесы, состоявшие из икры и солёной рыбы. Стояла страшная жара, и Цесаревичу сильно хотелось пить, и при этом его угощали одними солёными кушаньями. С тех пор Государь никогда не ел икры или солёной рыбы^[279].

14 июня 1891 г. пароходы «Вестник» и «Ермак», на котором следовал Цесаревич, вошли в одно из устьев Нерчи. Опасение наткнуться на мель побудило остановиться в 4 верстах от Нерчинска, куда Наследник Цесаревич и его свита прибыли в коляске вместе с генерал-губернатором. На городской площади выстроился почётный караул 9-го пешего казачьего батальона, воинские части гарнизона, колонны учащихся. Пройдя мимо учеников и учениц Нерчинских учебных заведений, усыпавших путь цветами, Николай Александрович был встречен городской депутацией, поднесшей на серебряном блюде хлеб-соль, которое было с благосклонностью принято. Выслушав приветствие, Августейший путешественник удостоился принять также поднесённый ему дочерью Нерчинского окружного начальника букет, а затем сел в экипаж для следования к собору. За коляской бежали тысячи людей, сопровождая её до собора^[280]. Затем Наследник внимательно осматривал Нерчинский краеведческий музей, где пробыл около часа. После музея Престолонаследник посетил Софийскую женскую гимназию, духовное и уездное городские училища, выслушав пение учащихся. В письме к Императрице Марии Феодоровне Цесаревич Николай с иронией сообщает о восторженном приёме, оказанном ему в женских гимназиях: «Я должен был всё время стоять и ходить облепленный кругом институтками – это было своего рода пыткой. Они меня чуть-чуть не раздели, потому что каждая хотела держать что-нибудь в руках, шапку, или фуражку. Я теперь остался почти без платков и перчаток, столько их пришлось раздать в женских гимназиях»^[281].

В 19 час. в доме золотопромышленника Н. Д. Бутина, прекрасно иллюминированном, был дан торжественный ужин в честь Цесаревича. В разгар торжества на небе с востока внезапно появился огненный шар, который повис над Бутинским домом и затем погас^[282].

15 июня в 9 час. утра Цесаревич отбыл из Нерчинска, а 17 июня прибыл в Читу. Князь Ухтомский писал: «При самом въезде в город, в конце Ангарской улицы, красовалась деревянная арка». От арки к месту остановки экипажей дорога была устлана сукном. Путь следования был определен по центральным улицам города^[283]. Толпы народа сопровождали Наследника Цесаревича на всем пути следования по улицам Читы, во всех церквях начался перезвон, который продолжался все время пребывания Августейшего Гостя. У ворот Казанской церкви, построенной в 1866 г. на Михайловской площади, Наследника ожидал Преосвященный Макарий в сопровождении 16 священнослужителей, 4 дьяконов, с хоругвями, святым крестом и водою. В церкви была совершена лития с провозглашением многолетия, и Владыка Макарий подарил Цесаревичу образ Господа Вседержителя.

5 июля в 9 час. 55 мин. экипаж Цесаревича въехал в город, приветствуемый народом. За въездом Наследника в Томск наблюдал один тринадцатилетний мальчик. Через много лет он вспоминал об этом: «Наследника в Томск, то есть последний перегон, вёз один содержатель постоянного двора – еврей, который на тройке вороньих и примчал Наследника в город. Вызвало тогда немало разговоров, что Наследник решил ехать на еврейских лошадях и еврей сам же управлял этой тройкой. Тогда же рассказывали, что Наследник попробовал приготовленный еврейский пряник и другие кушанья»^[284]. Ровно через 27 лет этот мальчик станет палачом-чекистом и убьёт Императора Николая II и всю его Семью. Его звали Янкель Юровский. Примечательно, что 5 июля в XIX в. соответствовало 17 июля григорианского календаря.

От имени духовенства Наследника престола приветствовал епископ Томский и Семипалатинский Макарий (Невский). Тогда ни Владыке, ни Цесаревичу было не дано знать, что оба они будут первыми жертвами безбожного Февральского переворота в 1917 г.

После торжественной встречи его духовенством и городскими властями Наследник Цесаревич посетил могилу старца Федора Козьмича, который, согласно преданию, был не кем иным, как тайно покинувшим престол Императором Александром I Благословенным. Примечательно, что посещение могилы старца было осуществлено Наследником тайно. В официальной части программы его пребывания в Томске оно отмечено не было. Не нашло это посещение своего отражения ни в дневнике Николая II за 1891 г., ни в его письмах родителям за этот же период. Однако сам факт этого посещения не вызывает сомнений. Он отражён в книге биографа Александра I Великого Князя Николая Михайловича^[285]. Кроме того, факт посещения подтверждается жителем Томска И. Г. Чистяковым, зятем купца С. Ф. Хромова, хорошо знавшего почившего старца, которому об этом рассказывал лично князь Э. Э. Успенский, сопровождавший Цесаревича^[286]. Николай Александрович посетил келью и могилу Феодора Козьмича и повелел над могилой старца вместо часовни построить большую каменную церковь. Этому повелению так и не суждено было быть исполненным.

Ночь Цесаревич провёл в доме губернатора. На следующий день, 6 июля, Наследник посетил Императорский Томский университет, где пообщался с преподавателями и студентами. В начале первого часа дня Цесаревич простился с томичами и на пароходе «Николай» отбыл по реке в сторону Тобольска.

8 июля пароход с Наследником на борту вошёл в пределы Тобольской губернии. Первая остановка была в Сургуте. Как и всюду, местные жители самым восторженным образом встречали Цесаревича. Девушки в дар ему преподнесли свои рукоделия, шитые скатерти и полотенца, крестьянин Иван Шеймин привёл в подарок медведя, а инородцы – две лисицы и молодого оленя^[287]. Это нашло отражение в дневнике Великого Князя Николая Александровича: *«Два отставных казака хотели подарить один оленя, другой медвежонка, но я зверей не принял, а одарил их, так как невозможно таскать по всей Сибири разных животных и без них уже достаточно возни!»*^[288]

Все старались чем-нибудь одарить Наследника, выразив тем самым ему свою любовь. Всё дальнейшее следование Цесаревича на пароходе по Иртышу сопровождалось восторженными приветствиями местных жителей, толпившихся по обеим берегам реки, духовенство в полном облачении служило благодарственные молебны и осеяло пароход крестом.

Вечером 10 июля Цесаревич прибыл в Тобольск, который через 26 лет станет местом его ссылки. С пристани Цесаревич последовал в Тобольский кафедральный Софийско-Успенский собор, возле которого был встречен громовым «ура!» сотен тоболяков, собравшихся на соборной площади. На паперти собора Наследника приветствовал митрополит Тобольский и Сибирский Иустин (Полянский)^[289].

После краткого молебствия Цесаревич приложился к чудотворной иконе Божией Матери, именуемой Абалакской, а также к иконам Спасителя и Пресвятой Богородицы, дар собору Царя Феодора Иоанновича. Затем Николай Александрович осмотрел город и памятник Ермаку. Около 1 час. ночи 11 июля пароход с Цесаревичем на борту взял курс на г. Омск.

Отходя от Тобольска, пароход с Наследником через несколько верст был приветствуем всей братией Абалакской обители, расположенной на высоком и крутом берегу Иртыша. Кроме братии, на берег заранее пришло много местных жителей, которые почти всю ночь ждали появления на реке парохода Цесаревича. Когда же он наконец появился, то старший из иеромонахов высоко поднял крест и громко произнёс: *«Да благословит тебя Господь от Сиона»*. Все колокола монастыря начали звонить. Народ, благоговейно крестясь, бежал вдоль берега за плывущим пароходом^[290].

16 июля в 7¼ утра Августейший путешественник остановился на ночлег в селе Покровское^[291]. Наследнику не дано было знать, что в этом селе живёт крестьянский подросток, с которым через 15 лет его самым тесным образом свяжет жизнь. Юного крестьянина звали Григорий Распутин.

26 июля 1891 г. Цесаревич Николай прибыл в Оренбург. На въезде в город его встречала надпись: «*Да благословит Всевышний благие начинания и дальнейшие пути Его Высочества и сохранит драгоценную жизнь Государя Наследника на многие, многие лета на радость любвеобильному Царю и на благо народов*»^[292]. Наследника встречали исполняющий должность губернатора А. А. Ломачевский, представители сословий, епископ Оренбургский и Уральский Макарий. 27 июля Наследник принимал депутации и знакомился с городом. В частности, он посетил знаменитый Неплюевский кадетский корпус и мужскую гимназию. В этот же день в Оренбурге состоялся военный парад оренбургских казаков с участием Наследника Цесаревича, который являлся Августейшим атаманом войска. Затем Николай Александрович принял казаков – георгиевских кавалеров. Таким образом, Цесаревич Николай Александрович за неделю, проехав более тысячи верст, ознакомился с Оренбургской губернией, принимая многочисленные депутации, присутствуя на молебнах и смотрах, посещая учебные заведения, устраивая торжественные обеды. В путешествии Наследник находился в постоянном общении с местным населением, он посещал дома казаков, купцов, местных чиновников, крестьян.

Путешествие Наследника Цесаревича подходило к концу. В последних письмах перед долгожданной встречей Отец-Император не забывал напомнить сыну о вознесении благодарности Богу за благополучное завершение главного этапа пути. «*Когда будешь на обратном пути в Москве, – писал Александр III 25 июля 1891 г., – то устрой так, чтобы можно было бы Тебе поехать на несколько часов в Троицкую Серг[иевскую] Лавру, это я нахожу весьма желательным и достойно закончит Твое долгое и утомительное путешествие*»^[293]. 4 августа 1891 г. Императорский поезд доставил Цесаревича в «милую Гатчину».

Глава 5. Обручение с Принцессой Алисой Гессен-Дармштадтской

Идеал семьи, брака всегда занимал важное место в системе ценностей Императора Николая II. *«Я знаю, что мне пора жениться, – писал он своему другу юности Сандро, – так как я невольно все чаще и чаще начинаю засматриваться на красивенькие лица. Притом мне самому ужасно хочется жениться, ощущается потребность свить и устроить своё гнёздышко»*^[294].

Цесаревич не был чужд юношеских влюблённостей. Эти мимолётные увлечения даже угнетали его совесть, заставляя сомневаться в их соответствии нравственному закону, в котором он был воспитан. Это при том, что романы эти носили чисто платонический характер. 4 апреля 1892 г. Николай Александрович писал в своём дневнике, что прошедшей зимой *«я сильно влюбился в Ольгу Д.²⁷, теперь, впрочем, это в прошлом! А с апреля по сие время я страстно полюбил (платонически) маленькую К. Удивительная вещь наше сердце! Вместе с этим я не перестаю думать об Аликс! Право, можно бы заключить после этого, что я очень влюбчив? До известной степени: да; но я должен прибавить, что внутри я строгий судия и до крайности разборчив»*^[295]. Эти записи, во многом, конечно, наивные, свидетельствуют, что их автор не только ещё очень молод, но и чист сердцем. Наследник не чурался знакомства с молодыми хорошенькими девушками, но это были всего лишь знакомства, ни к чему не приводящие и ничем не заканчивающиеся. Одно из них, с балериной М. Ф. Кшесинской (той самой «маленькой К.»), такое же невинное, как и остальные, было раздуто обществом, не без старания самой Кшесинской, до размеров «страстного романа». Злые языки тогда и сейчас пытались «навязать» Кшесинскую в «любовницы» Николаю II. Между тем сам Цесаревич в дневнике называл их отношения «платоническими», то есть чисто дружескими, не связанными с чувственностью. Между тем всевозможные «пошляки от истории», по меткому выражению А. Н. Боханова, как тогда, так и сейчас любят смаковать дневниковые записи Наследника, в которых он описывает длительные общения с «Малечкой», переходящие за полночь, во время которых молодые люди *«хорошо поболтали, посмеялись и повозились»*. Этот последний глагол «повозились» «пошляки от истории» предьявляют доказательством «интимной» связи между Цесаревичем и балериной. Между тем слова «повозиться», «возиться» встречаются у Николая II в дневниках довольно часто. Так, например, 31 декабря 1890 г., описывая свою поездку на поезде во время Восточного путешествия, он пишет, что *«после кофе опять повозились с несносными продавцами»*^[296]. 18 февраля 1892 г.: *«Вернулись к завтраку в Аничков, за которым были: Бястинский, Вердер и Володя Шер[еметев] (деж.). На катке были Ира и Ольга. Очень возились после чая»* (выделено нами. – П.М.). 9 июня 1894 г. о двух маленьких дочерях Виктории Баттенбергской: *«Девочки страшно возились в экипаже»*^[297]. Разумеется, что глагол «возиться» в устах Николая II не имел отношения к тому, что имеют в виду «пошляки от истории».

Подлинный характер отношений Кшесинской и Цесаревича виден из его дневника: *«27 июля 1892 г. После спектакля пересел в другую тройку без бубенчиков, вернулся к театру и, забрав с собой М. К., повёз сперва кататься и, наконец, в большой лагерь. Ужинали впятером великолепно!»*^[298] Конечно, в присутствии пятерых посторонних ничего, кроме дружеского вечера, между Наследником и балериной быть не могло. Но самое главное доказательство того, что между Николаем Александровичем и Кшесинской «ничего не было», является религиозно-нравственная основа, заложенная с детства в Николае II его Родителями. Сами они являли пример целомудренной жизни. В наше падшее время, когда блуд и прелюбодеяние

²⁷ Княжна Ольга Александровна Долгорукая.

стали обыденным явлением, весьма трудно представить, что большая часть людей дореволюционной эпохи до брака оставались девственниками. Один из личных медиков Александра III Н. А. Вельяминов писал о своём Августейшем пациенте: *«Он был удивительно целомудрен до своей смерти. До женитьбы Он был чист, как девушка (так утверждали самые близкие к нему люди), а сам Он был так стыдлив, что не любил чужих Ему врачей только потому, что чувствовал непреодолимую стыдливость, когда Ему приходилось обнажаться для исследования при чужих. Его чистота доходила до наивности и до чистоты малого ребенка, вот почему Он на многое смотрел под особым углом зрения, совершенно недоступным большинству. Это было странно, но это было так, в чем я лично имел случай не раз убеждаться»*^[299].

Что касается детей Александра III, то они воспитывались в строгом благочестии, и даже внешние проявления интимных чувств между супругами считались у них неприличными. Когда Великая Княгиня Ксения Александровна вышла замуж за Александра Михайловича, то её братья Великие Князья Николай и Георгий осуждали сестру за неприличное, по их мнению, поведение с супругом на людях. *«Помнишь, Ты мне написал о безобразном поведении Ксении и Сандро, – делился в письме Георгий Александрович. – Я был действительно поражён всеми гимнастическими упражнениями, сосанием, нюханием и тому подобными действиями, которые эти два субъекта проводили весь день. Они чуть не продавили тахту и вообще вели себя весьма неприлично. Я их срамил, срамил, но все ни к чему; они продолжали упражняться с остервенением. Ну и народец!»*^[300]

Наследник Цесаревич Николай Александрович впервые увидел свою будущую Супругу, Принцессу Алису-Викторию-Елену-Луизу-Беатрису, или, как её называли домашние, Аликс, в начале лета 1884 г. Тогда ей было 12 лет. По преданию, за несколько лет до этого Императрица Мария Александровна, приехавшая вместе со своим Августейшим Супругом в Дармштадт, увидев Принцессу Алису, сказала своей фрейлине баронессе А. К. Пилар фон Пильхау: *«Поцелуйте этой крошке руку. Это ваша будущая Императрица»*^[301].

Императрица Александра Феодоровна родилась 7 июня по григорианскому календарю 1872 г. Она была четвёртой дочерью Великого герцога Гессенского Людвига IV и его супруги Великой герцогини Алисы, дочери английской королевы Виктории. Почетными крестниками новорождённой Аликс были Император Александр III и Императрица Мария Феодоровна, будущие её свекор и свекровь. Принцесса росла в благочестивой и глубоко верующей протестантской семье. Характерны письма ее матери к королеве Виктории: *«В самом деле, какая короткая жизнь, и как ощущаешь эту неизвестность жизни и необходимость в работе, самоотвержении, христианской любви и всяких добродетелей, к которым мы должны стремиться. О, если бы я могла умереть, только закончив всю мою работу, без того, чтобы не согрешить против Добра, – ошибка, в которую легче всего впасть»*^[302].

В другом письме: *«Вера в Бога! Всегда и беспрестанно я чувствую в своей жизни, что это – моя опора, моя сила, какая крепнет с каждым днем. Мои мысли о будущем светлы, и теплые лучи этого света, какой является нашим спутником в жизни, разгоняют испытания и скорби настоящего. Я чувствую потребность молиться. Я охотно пою духовные песнопения с моими детьми, и каждый из них имеет свое любимое песнопение»*^[303].

Эти принципы, эту веру, это мировоззрение мы сможем наблюдать позже и в душе Императрицы Александры Феодоровны. Родители с детства привели её любовь к Богу, и она пронесла ее через всю жизнь. В Православии она нашла возможность раскрыть эту любовь наиболее полно и глубоко. *«Все можно перенести, если Его (Бога) близость и любовь чувствуешь и во всем Ему крепко веришь, – писала Императрица Александра Феодоровна А. В. Сыробо-ярскому из заточения 28 мая 1917 г. – Полезны тяжёлые испытания, они готовят нас для другой жизни, в далёкий путь»*^[304].

Однако Аликс получила от родителей и другую основу: любовь семейную. Мать и отец глубоко любили друг друга и своих детей. Их у монаршей четы было семеро: Виктория (1863–

1950), Елизавета (Элла) (1864–1918), Ирен (1866–1953), Эрнст-Людвиг (1868–1937), Фридрих (Фритти) (1870–1873), Алиса (Аликс) (1872–1918) и Мария (Мэй) (1874–1878). Великая герцогиня писала королеве в Виндзор о своем супруге: *«Когда я говорю, что люблю своего мужа, то это едва достаточно; здесь и любовь, и уважение, какие увеличиваются с каждым днем и часом, и какие и он, со своей стороны, выражает мне так нежно и любовно. Чем была моя жизнь раньше в сравнении с настоящей!.. Это – такое святое ощущение быть его другом, чувствовать такую уверенность, и когда мы вдвоем, то имеем тот мир, какого никто не может ни отнять от нас, ни нарушить. Моя судьба действительно благословенна, но, все же, что же я сделала, чтобы заслужить такую горячую и усердную любовь, какую дает мне мой дорогой Людвиг! Я восхищаюсь его добрым и благородным сердцем больше, чем могу сказать. Я всегда так нетерпелива, пока не услышу его шагов по лестнице и не увижу его милого лица, когда он возвращается домой»*^[305].

Для Александры Феодоровны ее родители всегда были примером для подражания, и их отношения она перенесла и в свою семейную жизнь.

Гессен-Дармштадтское герцогство было бедным, семья его государя жила весьма скромно. Дети сами умывались, одевались, застилали постель, разжигали камин. Воспитание проходило в строгом английском духе: с обливанием по утрам холодной водой и в постоянном труде. Уже будучи Императрицей Всероссийской, супругой Самодержавного Царя, Александра Феодоровна будет учить прислугу совсем «не царскому ремеслу». Государыня рассказывала своей подруге Лили Ден, что она хотела чистить каминные решетки жидким графитом и для этого вызвала одну из служанок, велев ей привести в порядок решетки. *«Но тут выяснилось, что она даже не знает, о чем идет речь. Послали за лакеем, но Вы только представляете себе, Лили, мне самой пришлось показывать ему, как следует покрывать графитом решетки»*^[306].

В конце мая 1873 г. младший брат Аликс Фридрих случайно выпал из окна с шестиметровой высоты. Аликс, которой давали уроки музыки, в это время играла на рояле «Похоронный марш» Шопена. Мальчик отделался лишь испугом: никаких внешних повреждений на его теле замечено не было. Однако к ночи он скончался от кровоизлияния в мозг^[307]. Так Аликс впервые столкнулась с «Гессенским проклятием» – гемофилией. Сколько ещё невыразимых страданий принесёт она Государыне, когда ее собственный сын будет страдать этим недугом! Через 44 года этот же «Похоронный марш» будут играть революционные солдаты перед Александровским дворцом, где была заключена Царская Семья. *«Что при этом вспоминала Царица-Мученица? – замечает С. В. Фомин. – Быть может, погибшего в результате той же болезни, что была и у ее сына, брата?»*^[308]

Аликс росла веселой, жизнерадостной девочкой. Близкие называли ее Sunny («Солнышко»). С юных лет она была талантлива. Особенно ей нравилась музыка. Со знаменитым Иоганессом Брамсом играла в четыре руки, любила Рихарда Вагнера и слушала все его оперы. Принцесса также прекрасно рисовала. Этот талант, как, впрочем, и музыкальный, все дети унаследовали у матери – Великой герцогини Алисы. В 1878 г. внезапно заболела дифтерией самая младшая дочь в семействе Людвига IV – принцесса Мария. 16 ноября, будучи 4 лет от роду, девочка скончалась. Мать, которая не отходила от ее постели, сама заразилась опасным недугом и 14 декабря 1878 г. тихо почил в возрасте 35 лет. Весь Дармштадт глубоко скорбел, великую герцогиню все искренне любили и уважали. Проститься с ней пришел весь город.

На юную Аликс смерть матери произвела глубочайшее впечатление. *«После смерти матери, – вспоминал воспитатель, – она начала замыкаться и заковывать свои эмоции в панцирь, смеялась реже – чаще искала участия и защиты. Только в привычном окружении теплоты и понимания расцветала»*^[309].

Тем не менее, несмотря на глубокую скорбь по безвременно ушедшей любимой матери, Аликс не впала в отчаяние или уныние. Наоборот, смерть воспринималась ею как воля Божия. Через много лет, будучи Императрицей, она говорила своей подруге Лили Ден: *«Не могу*

понять людей, которые боятся умереть. Я всегда смотрела на смерть как на друга, как на избавление от земных страданий»^[310].

Старший брат Принцессы Эрнст Людвиг вспоминал: «Аликс была красивой уже ребёнком, причем таким серьёзным человечком. Особым юмором она не отличалась. Как и у всех сестёр, у неё было великодушное сердце, а чувство долга просто безгранично. Если она за что-либо бралась, то всегда старалась довести до конца. После смерти Мэй она была хорошей подругой для отца и делала всё возможное, чтобы скрасить его жизнь»^[311].

В 1884 г. Аликс приехала на свадьбу своей старшей сестры Эллы, которая выходила замуж за брата Александра III и дядю Цесаревича Николая, Великого Князя Сергея Александровича. Во время праздничного застолья Цесаревич сидел рядом с юной Принцессой и после свадьбы записал в дневнике: «Я сидел с маленькой двенадцатилетней Аликс, которая мне ужасно понравилась»^[312]. Цесаревич ей тоже понравился. В 1916 г. в письме к Супругу и Императору Императрица Александра Феодоровна признается: «Моё детское сердце уже стремилось к Тебе с глубокой любовью»^[313]. В России Аликс принимали очень сердечно, Императрица Мария Феодоровна подарила ей красивую брошку^[314]. Петербург очень понравился юной Принцессе, особенно Петергоф, который она в своём дневнике назвала «самым замечательным местом»^[315].

В январе 1889 г. Принцесса Алиса снова приехала в Россию в гости к своей сестре Элле. Цесаревич нашёл, что Аликс «очень выросла и похорошела»^[316]. Чувство влюблённости в отношении гессенской Принцессы, зародившееся у Наследника пять лет назад, вспыхнуло с новой и гораздо большей силой. Этим чувством Наследник поделился с Великой Княгиней Елизаветой Феодоровной. Последняя рассказала о разговоре с Цесаревичем своему супругу Великому Князю Сергею Александровичу. Вернувшись из паломничества по святым местам, Елизавета Феодоровна писала Наследнику: «Я так молилась в Иерусалиме и в доме Павла за вас обоих, чтобы вы оказались вместе и любили друг друга». Одновременно Великая Княгиня написала своей сестре в Дармштадт о долгом разговоре с Ники, который «вспоминает с таким восторгом о её приезде зимой и радости встрече с ней»^[317]. Великокняжеская чета Сергея Александровича и Елизаветы Феодоровны решили помочь молодым людям обрести друг друга. Фактически они, в основном Елизавета Феодоровна, стали посредниками в переписке между двумя влюблёнными. Для конспирации Принцессу в переписке называли «Пелли».

Между тем Императрица Мария Феодоровна ничего не знала об этом «посредничестве». Сама она не считала Гессенскую Принцессу лучшей партией для своего старшего сына. Дело было не в личной неприязни, против самой Аликс Императрица ничего не имела, а в её довольно стойкой германофобии, доставшейся от датского периода её жизни. Александр III поначалу считал увлечение сына несерьёзным, а по политическим соображениям предпочитал женитьбу Наследника на дочери графа Парижского Луи-Филиппа Альбера Орлеанского, претендента на французский престол. Сам Луи-Филипп жил в эмиграции, был республиканцем и от всяческих предложений орлеанистов занять престол отказывался. Императрица Мария Феодоровна пыталась завести разговор с сыном по поводу его возможного сватовства к Елене, но встретила с его стороны почтительный, но стойкий отказ. Вскоре вопрос этот отпал сам собой, так как Елена Орлеанская заявила, что никогда не откажется от католичества.

Между тем Принцесса Алиса, несмотря на свою искреннюю и горячую любовь к русскому Престолонаследнику, тоже не хотела изменять своей лютеранской вере. 29 августа 1890 г. Великая Княгиня Елизавета Феодоровна писала Цесаревичу: «Любовь Пелли по-прежнему сильна и глубока, только она не может решиться переменить религию, чувствует, что поступает очень неправильно. Я собрала всю силу, и любовь, и сестринскую привязанность, чтобы убедить её, что она не может не полюбить ту религию, к которой и я хочу принадлежать, подлинную и истинную, единственную оставшуюся неискорченной за века и столь же чистой, какой она была изначально. Мы могли бы сделать этот серьёзный шаг вместе – к сожалению

нию, она не может решиться. Нам остаётся только молить Бога помочь ей поступить правильно»^[318].

В августе 1890 г. Аликс приехала погостить к сестре в Ильинское. Родители запретили Николаю Александровичу туда ездить, пока там находится Аликс, а последней видаться с Цесаревичем запретила накануне поездки её бабушка – королева Виктория. В дневнике Цесаревич писал: *«Боже! Как мне хочется поехать в Ильинское, теперь там гостит Виктория с Аликс; иначе если я не увижу теперь, то ещё придётся ждать целый год, а это тяжело!!!»*^[319]

После отъезда Аликс Великий Князь Сергей Александрович утешал Августейшего племянника, уверяя того, что чувство Принцессы *«слишком глубоко, чтобы могло измениться. Будем крепко надеяться на Бога; с его помощью всё сладится в будущем году»*^[320].

В конце 1890 г. Цесаревич отправился в далёкое годовое путешествие, но мысли о любимой Аликс не оставляли его. Более того, пришло убеждение, что она должна стать его женой. 21 декабря 1891 г. Николай Александрович писал в дневнике: *«Моя мечта, когда-нибудь жениться на Аликс Г.[ессенской]. Я давно её люблю, но ещё глубже и сильнее с 1889 г., когда она зимой провела шесть недель в Петербурге! Я долго противился моему чувству, стараясь обмануть себя невозможностью осуществления моей заветной мечты! Единственное препятствие или пропасть между ею и мною – это вопрос религии! Кроме той преграды нет другой; я почти уверен, что наши чувства взаимны! Всё в Воле Божией. Уповаю на Его Милосердие я спокойно и покорно смотрю в будущее!»*^[321]

Перед отъездом, несмотря на то что встретиться с возлюбленной Цесаревичу не удалось, он написал Елизавете Феодоровне письмо, в котором заверил, что готов ждать, когда Аликс сама примет решение. Великая Княгиня показала письмо *«Пелли, которая была очень тронута и утешена тем, что Ты написал и как мило, с добротой и терпением Ты принял новости, которые, она боялась, Тебя огорчат. Я дам ей много книг, она хочет спокойно позаниматься, и будем верить, что Бог укажет ей правильный путь и придаст мужества – ведь надо преодолеть ещё много трудностей»*^[322].

А трудностей действительно было много. В 1892 г. скончался Великий Герцог Людвиг, который благосклонно относился к возможному браку дочери с Наследником русского престола. Аликс полностью осиротела. Под опеку её взяла королева Виктория. Она была категорической противницей свадьбы Цесаревича Николая на своей внучке. Причины этого, как и у Императрицы Марии Феодоровны, были политические, а не личные. Королева очень хорошо относилась к Цесаревичу, но ненавидела Россию. В 1893 г. она писала сестре Принцессы Алисы, Принцессе Виктории: *«Вопреки воле родителей Ники, не желающих его брака с Алики, поскольку они полагают, что брак самой младшей из сестёр и сына Императора не может быть счастливым, Элла и Сергей у вас за спиной изо всех сил стараются устроить этот брак, подталкивая к нему мальчика. <...> Нужно положить этому конец. <...> Обстановка в России настолько плоха, настолько неустойчива, что в любой момент там может произойти нечто ужасное»*^[323].

На самом деле никто Цесаревича не «подталкивал». Он всей душой стремился к браку с Аликс. Сергей Александрович и Елизавета Феодоровна лишь помогали ему в тяжёлой борьбе с препятствиями, которые словно специально появлялись одно за другим. Главным из них было, конечно, убеждённое нежелание Принцессы менять веру. Великий Князь Сергей Александрович писал своему брату Павлу Александровичу: *«Сестра жены прислала ей свой ответ Ники, и сама ей написала – она формально отказывается! <...> Аликс прямо ему говорит, что не может решиться переменить веру. Но что за трогательное письмо она пишет жене! Вся её наболевшая душа в любви к Ники тут изливается! Вот уж именно “счастье было так близко, так возможно” ибо, разумеется, при личном свидании любовь перевесила бы рассудок»*^[324]. Сергей Александрович настойчиво советовал племяннику отправиться в Дармштадт и поговорить с Аликс. Но осенью 1893 г. Императрица Мария Феодоровна узнала о долголетней переписке,

которая велась у неё за спиной. Возмущение Государыни не знало пределов^[325]. Произошло горячее объяснение с Сергеем Александровичем, в ходе которого Великий Князь заявил, что Императрица *«губит счастье своего сына»*. На самом деле Мария Феодоровна была возмущена не тем, что её сын хотел жениться на Аликс, а тем, что Сергей и Элла тайно вмешивались в дело сугубо личное её и Супруга. Что касается самой возможности брака Ники с Аликс, Мария Феодоровна совсем не была уже такой его яркой противницей.

В том же 1893 г. усилились слухи о предстоящей свадьбе Цесаревича на германской принцессе Маргарите, сестре императора Вильгельма II. Слухи эти усиленно распускал сам кайзер, горячий сторонник этого брака. Но Александр III относился к его возможности более чем сдержанно. Когда министр иностранных дел Н. К. Гирс поинтересовался у Государя о возможности брака Цесаревича с принцессой Прусской, тот категорично ответил: *«Ничего подобного нет, и это произвело бы самое дурное впечатление в России»*^[326]. Тем не менее слухи эти продолжали муссироваться и, конечно, достигали Дармштадта. Сергей Александрович продолжал настойчиво советовать Цесаревичу ехать к Аликс. Не возражали против поездки родители. Здоровье Императора Александра III резко ухудшилось. Он уступил перед настойчивостью сына и дал своё согласие на его брак с германской Принцессой. На апрель 1894 г. в Кобурге была назначена свадьба брата Аликс, Великого Герцога Эрнста-Людвига Гессенского. Он женился на принцессе Виктории Мелите Саксен-Кобург-Готской. Её матерью была дочь Императора Александра II Великая Княжна Мария Александровна, вышедшая замуж за внука королевы Виктории принца Альфреда Эдинбургского. Цесаревич Николай Александрович должен был представлять на свадьбе российскую Императорскую Фамилию. Но самое главное, он собирался воспользоваться этой свадьбой, чтобы встретиться с Аликс и попросить её руки. Эти свои планы Цесаревич скрывал ото всех, кроме родителей. Великий Князь Константин Константинович писал в своём дневнике: *«В 11 ч. я был у Императрицы. Накануне она мне говорила, что Ники поедет в Кобург на свадьбу дочери Марии Александровны и Великого Герцога Гессен-Дармштадтского. Он встретится с его сестрой Alix и если она решится присоединиться к Православию, их судьба решится. Ники ни слова не говорил мне об этой поездке, вероятно не желая вызвать моих расспросов»*^[327].

Однако в 1893 г. Принцесса написала письмо Николаю Александровичу: *«Дорогой Ники, Ты, чья вера столь глубока, должен понять меня; я считаю это большим грехом менять свою веру. И я была бы несчастна всю жизнь, зная, что поступила неправильно. Какое счастье может быть в браке, который начинается без благословения Божьего? Правильно я думаю или нет, но глубочайшая религиозная убеждённость и чистая совесть по отношению к Богу выше всех земных желаний. Так как все эти годы не сделали для меня возможным изменить мое решение в этом деле, я чувствую, пришёл момент сказать Тебе, что я никогда не смогу изменить свою веру. Уверена, что Ты всё поймёшь правильно и также, как и я, увидишь, что мы только мучаем друг друга из-за невозможного, и было бы дурно позволить Тебе питать напрасные надежды, которые никогда не осуществятся. Теперь прощай, мой дорогой Ники, благослови и сохрани тебя Бог. Вечно любящая Тебя Аликс»*^[328].

После получения этого письма Цесаревич *«был очень огорчён и хотел остаться, но Императрица настояла, чтобы он ехал. Она советовала ему доверчиво обратиться к королеве Виктории, которая имела большое влияние на свою внучку»*^[329].

Как видно из этого свидетельства, разговоры о том, что Мария Феодоровна сопротивлялась браку старшего сына на Гессенской Принцессе, теряют свою актуальность к моменту официального сватовства Наследника. Наоборот, Императрица всячески пыталась помочь сыну обрести семейное счастье с той, что выбрало его сердце. Однако в душе этот брак её страшил. 7 апреля, когда Николай Александрович был уже в Кобурге, Императрица писала Великому Князю Георгию Александровичу в Аббас-Туман: *«Бедный Ники был на грани отчаяния, потому что именно в день его отъезда Ксения получила письмо от сестры Эллы, в котором*

она сообщала, что никогда не переменит религию и просит сообщить об этом Ники. Ты представляешь, как приятно нам было это узнать и, главным образом, Ники уезжать под ударом этой новости. Если бы она написала об этом раньше, он бы, конечно, не поехал. Но в последний момент уже невозможно было изменить решение.

От всего этого я ужасно переживаю за Ники, которого все эти годы ложно обнадеживали “два Сержа”. Это же настоящий грех. В этот раз я говорила об этом с Сержем, а он ответил, что разочарован моими взглядами. Ну, в общем – это самая идиотская история, какую только можно представить. Она не только грустная, но и показательная. Все мои надежды только на Бога. Он всё делает к лучшему, и если Он хочет, чтобы это свершилось, это свершится, или же Он поможет нам найти настоящую (невесту)»^[330].

Однако Цесаревич в отчаянии не был. Он твердо верил в Божью Волю и в то, что с Его помощью ему удастся убедить Аликс принять Православие: «Аликс, – писал он в ответ на ее ноябрьское письмо, – я понимаю Твои религиозные чувства и благоговею перед ними. Но ведь мы веруем в Одного Христа, другого Христа нет. Бог, сотворивший мир, дал нам душу и сердце. И мое сердце и твое Он наполнил любовью, чтобы мы слились душа с душой, чтобы мы стали едины и пошли одной дорогой в жизни. Без Его воли нет ничего. Пусть не тревожит Тебя совесть о том, что моя вера станет твоей верой. Когда Ты узнаешь после, как прекрасна, благодатна и смиренна наша Православная религия, как величественны и великолепны наши храмы и монастыри и как торжественны и величавы наши богослужения, Ты их полюбишь, Аликс, и ничего не будет нас разделять. <...> Ты едва ли представляешь всю глубину нашей религии»^[331].

2 апреля 1894 г. Цесаревич во главе большой делегации выехал на поезде из Петербурга в Кобург. Вместе с ним ехали Великие Князья Владимир, Павел и Сергей Александровичи, Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, Великая Княгиня Мария Павловна. 4 апреля делегация прибыла в Кобург. На следующий день Цесаревич увиделся с Принцессой. Эту встречу он подробно описал в своём дневнике: «Боже! Что сегодня за день! После кофе, около 10 часов пришли к тётке Елла в комнаты Эрни и Аликс. Она замечательно похорошела и выглядела чрезвычайно грустно. Нас оставили вдвоём, и тогда начался между нами тот разговор, которого я давно желал и вместе с тем боялся. Говорили до 12 часов, но безуспешно, она всё время противится перемене религии. Она бедная много плакала»^[332].

Но 8 апреля Принцесса переменила своё решение и внезапно согласилась стать женой Николая Александровича. Цесаревич описал это столь долгожданное им событие в письме к матери: «Нас оставили одних и... с первых слов согласилась! О, Боже, что со мной случилось тогда! Я заплакал как ребёнок, она тоже, но выражение у нее сразу изменилось: она просветлела, и спокойствие явилось на лице её. Нет, милая Мама, я Тебе сказать не могу, как я счастлив и также как я грустен, что не с Вами и не могу обнять Тебя и дорогого милого Папа в эту минуту.

Для меня весь свет перевернулся, все, природа, люди, места, все кажется милым, добрым, отрадным. Я не мог совсем писать, руки тряслись, и потом на самом деле у меня не было ни одной секунды свободы. Надо было делать то, что остальное семейство делало, нужно было отвечать на сотни телеграмм и хотелось страшно посидеть одному с моей милой невестой. Она стала совсем другой: весёлой и смешной, и разговорчивой, и нежной. Я не знаю, как благодарить Бога за такое Его благодеяние»^[333]. В день помолвки Цесаревич записал в дневник: «Чудесный, незабываемый день в моей жизни, день моей помолвки с дорогой милой Аликс»^[334].

10 апреля Обрученные поехали на родину Невесты в Дармштадт: «Так странно и вместе с тем так мне приятно было попасть сюда. Посидел в комнатах Аликс и осмотрел их подробно»^[335]. Но на следующий день пришлось возвращаться в Кобург, куда прибыла англий-

ская королева Виктория. «Теперь я её должен звать (Granny) бабушкой», – не без сарказма отметил в дневнике Цесаревич^[336].

14 апреля Император Александр III поздравил сына трогательным письмом, которому было суждено стать последним: *«Мой милый, дорогой Ники. Ты можешь себе представить с каким чувством радости и с какой благодарностью к Господу, мы узнали о Твоей помолвке. Признаюсь, что я не верил возможности такого исхода и был уверен в полной неудаче Твоей попытки, но Господь наставил тебя, подкрепил и благословил и великая Ему благодарность за Его милости. <...> Не могу представить Тебя женихом, так это странно и необычно! Как нам с Мама́ было тяжело не быть с Тобой в такую минуту, не обнять тебя, не говорить с Тобой, ничего не знать и ожидать только писем с подробностями. Передай Твоей милейшей невесте от меня, как я благодарю, что она, наконец, согласилась, и как я желал бы её расцеловать за ту радость, утешение и спокойствие, которое она нам дала, решив согласиться быть Твоей женой»*^[337].

Вечером 16 апреля фельдъегерь доставил в Уолтон из Гатчины подарок Невесте от Императора Александра III – большое жемчужное кольцо, доходившее Аликс до талии^[338]. Не только Принцесса из бедного немецкого герцогства была поражена красотой царского подарка, который, несомненно, стоил огромных денег, но и все присутствующие при его вручении лица, включая королеву Викторию. «Смотри Аликс

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Шенталинский В. Рабы свободы. В литературных архивах КГБ. М.: Парус, 1995. С. 139–142.

2.

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М.: Изд-во Библейско-Богословского Института Св. Апостола Андрея, 1996. С. 144.

3.

Жучковский Александр. Маркер русскости // <http://www.segodnia.ru/content/164378>

4.

Горемыка Антон. Николай II: Его личность, интимная жизнь и правление. Лондон, 1905.

5.

Обнинский В. П. Последний Самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. Berlin: Eberhard Frowein Verlag, 1910.

6.

Любош С. Последние Романовы. Репринтное издание 1924 г. М., 1990.

7.

Василевский И. М. (Не-Буква). Николай II. М. – Пг.: Петроград, 1924.

8.

Архимандрит Тихон (Шевкунов): интервью (2:12/45:14– 2:34/45:14) // Художественно-публицистический фильм «Николай II. Сорванный триумф». БФ «Русский предприниматель» (Екатеринбург), 2008. Авт. сц. Мультатули П. В., режиссер Крылов Е. Е.

9.

Протоиерей Валентин Асмус. «Господи, спаси Царя (Пс. 19: 10): молитва о Царе в православном богослужении» // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского Института: Материалы 2000 г. М., 2000. С. 100.

10.

Решетников Л. П. Духовно-нравственные причины национальной катастрофы // Русский Исход как результат национальной катастрофы. К 90-летию окончания Гражданской войны на европейской территории России. Материалы международной конференции. М., 2010. С. 21.

11.

Боханов А. Н. Российская империя. Образ и смысл. М.: ФИВ, 2012. С. 550.

12.

Мережковский Д., Гиппиус З., Филосовов Д. Царь и революция. М.: ОГИ, 1999.

13.

Миронов Б. Н. Причины русских революций. Парадигма модернизации // Родина. № 12. 2009. С. 93.

14.

Протоиерей Дмитрий Смирнов об отречении Царя Николая II // <http://www.youtube.com/watch?v=YE-KNmd17SI>

15.

Розанов В. В. Уединённое. М., 1990. С. 395.

16.

Решетников Л. П. Вернуться в Россию... Третий путь, или Тупики безнадёжности. М.: ФИВ, 2012.

17.

Миронов Б. Н. Причины русских революций. Парадигма модернизации // Родина. № 12. 2009. С. 96.

18.

Боханов А. Н. Николай II. М.: Вече, 2008. С. 5.

19.

Краснов П. Н. Тихие подвижники. Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской армии. М., 1992.

20.

Это вовсе не отрицает глубокого изучения советскими историками отдельных периодов царствования Николая II. (Примеч. авт.)

21.

Патриарх Кирилл: правда о жертвенном подвиге Государя Императора Николая II проросла через железобетонную плиту, которая была положена на его имени // <http://www.pravmir.ru/patriarh-kirill-pravda-o-zhertvennom-podvige-gosudarya-imperatora-nikolaya-ii-prorosla-cherez-zhelezobetonnyu-plitu-kotoraya-byila-polozhena-na-ego-imeni/>

22.

Боханов А. Н. Николай II. М.: Молодая гвардия, ЖЗЛ, 1998.

23.

Боханов А. Н. Николай II. М.: Вече, 2008. С. 4.

24.

Боханов А. Н. Российская империя. Образ и смысл. С. 582.

25.

Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М., 2001. Т. 3. С. 75.

26.

Павлов Н. А. Его Величество Государь Николай II. Paris, 1927. С. 14–15.

27.

Солоневич И. Л. Великая фальшивка февраля. М.: Алгоритм, 2007. С. 285.

28.

Солоневич И. Л. Указ. соч. С. 107–108.

29.

«Чистота» крови для определения национальности важна лишь для иудаизма. В 30-х гг. XX в. это понятие было основой национал-социалистической идеологии. (Примеч. авт.)

30.

<http://aquilaaquilonis.livejournal.com/2308.html>

31.

Brandenburg Erich. Die Ahnen Augusts des Starken (Abhandl. der Saechs. Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse, Bd. 43, Nr. 5). Leipzig, 1937.

32.

Славянские предки Царя-Мученика // <http://aquilaaquilonis.livejournal.com/545636.html>

33.

Боханов А. Н. Николай II. С. 7.

34.

Дневник Цесаревича Александра Александровича. Запись за 6 мая 1868 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 301. Л. 168–169.

35.

Дневник Цесаревича Александра Александровича. Июль 1867 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 300. Л.

36.

К. П. Победоносцев – Наследнику Цесаревичу Александру Александровичу. 7 мая 1868 // Письма Победоносцева Александру III. М.: Новая Москва, 1926. С. 6.

37.

Высочайший манифест от 6 мая 1868 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. СПб., 1873. Т. XLIII. № 45814. С. 546.

38.

Высочайший Указ Его Императорского Величества Святейшему Правительствующему Синоду 21 мая 1868 г. // Вологодские епархиальные ведомости, № 12, июнь 1868. С. 258.

39.

Ольденбург С. С. Император Николай II. Опыт биографии // Русская Летопись. Кн. 7. Париж: Издание «Русского очага», 1925. С. 3.

40.

Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 2. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1903. С. 32.

41.

Боханов А. Н. Последний Царь. М.: Вече, 2006. С. 10.

42.

Князь В. П. Мещерский – Цесаревичу Александру Александровичу. Май 1868 г.// Мещерский В. П. Письма к Великому Князю Александру Александровичу. 1863–1868. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 473.

43.

Зимин И. Указ. соч. С. 55.

44.

Фомин С. В. Кровь и молоко // Русский Вестник, 12 июля 2008.

45.

Дневник Великого Князя Александра Александровича. Запись за 20 мая 1868 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 301. Л. 173.

46.

Там же.

47.

Боханов А. Н. Великие исторические персоны. Мария Федоровна. М.: Вече, 2013. С. 183.

48.

Зимин И. Повседневная жизнь Российского Императорского Двора. Детский мир Императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М. – СПб.: Центрполиграф; Мим-Дельта, 2010. С. 44.

49.

Дневник Великого Князя Александра Александровича. Запись за 20 мая 1868 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 301. Л. 173.

50.

Боханов А. Н. Мария Федоровна. С. 281.

51.

Боханов А. Н. Александр III. М.: Вече, 2007.

52.

Витте С. Ю. Воспоминания. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. Т. 1. С. 408.

53.

Забелин И. Е. Дневники, записные книжки. М., 2006. С. 151.

54.

Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты. Тайный правитель России. Письма и записки, 1866–1895. Статьи, очерки, воспоминания. М., 2001. Т. 1. С. 43.

55.

Ключевский В. О. Памяти в Бозе почившего Государя Императора Александра III. Речь, произнесённая в заседании Императорского Общества истории и древностей Российских при Московском университете 28 октября 1894 г. М.: Университетская типография, 1894. С. 4.

56.

Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2001. С. 201.

57.

Шереметев С. Д., граф. Мемуары. Федеральная архивная служба России. М.: Индрик, 2001.

58.

Цит. по: Кудрина Ю. В. Александр III и история // Русская история, № 4 (18) 2011.

59.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. XV. 1895 г. № 11612. С. 261.

60.

Кудрина Ю. В. Александр III и история // Русская история, № 4 (18) 2011.

61.

Шереметев С. Д., граф. Мемуары.

62.

Татищев С. С. Детство и юность Великого Князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 317.

63.

Шереметев С. Д., граф. Мемуары // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. С. 332–333.

64.

Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. С. 211.

65.

Шереметев С. Д., граф. Мемуары.

66.

Вельяминов Н. А. Воспоминания об Императоре Александре III // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1994. С. 305. Т. V. С. 265.

67.

Дневник В. Н. Ламздорфа за февраль 1892 г. // ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 34. Л. 55.

68.

Лири Ден, Йен Воррес. Подлинная Царица. Последняя Великая Княгиня. Воспоминания очевидцев. СПб.: Издательский дом «Нева», 2003. С. 198.

69.

Собственноручные Высочайшие резолюции и словесные Высочайшие повеления в Бозе почившего Императора Александра III по всеподданнейшим докладам ходатайств об оказании Монаршей милости. СПб, 1901. С. 17.

70.

Боханов А. Н. Мария Федоровна. С. 281.

71.

Императрица Мария Федоровна – Императору Александру III 24 апреля 1892 г. // Император Александр III и Императрица Мария Федоровна. Переписка: 1884–1894. Авт. – сост. А. Н. Боханов, Ю. В. Кудрина. М.: Русское слово, 2001. С. 217.

72.

Императрица Мария Федоровна – Императору Александру III 10 мая 1894 г. // Император Александр III и Императрица Мария Федоровна. Переписка. С. 220.

73.

Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. С. 211.

74.

Император Александр III – Императрице Марии Федоровне 22 мая 1884 г. // Император Александр III и Императрица Мария Федоровна. Переписка. С. 102.

75.

Там же.

76.

Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. С. 183.

77.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1882 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 217(1). Л. 8.

78.

Буксгевден Софья, баронесса. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России. Воспоминания фрейлины. М.: Лепта; Гриф; Вече, 2012. С. 725.

79.

Там же, с. 725–726.

80.

Великий Князь Георгий Александрович.

81.

Сургучев И. Детство Императора Николая II. С. 12.

82.

Император Николай II – Императрице Марии Феодоровне. 3 ноября 1897 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп.1. Д. 2324. Л. 25.

83.

Лили Ден, Йен Воррес. Подлинная царица. Последняя великая княгиня. Воспоминания очевидцев. СПб.: Издательский дом «Нева», 2003. С. 67.

84.

Шереметев С. Д., граф. Указ. соч. С. 112.

85.

Император Александр III и Императрица Мария Феодоровна. С. 56.

86.

Великий Князь Николай Александрович – Цесаревичу Александру Александровичу// ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919(1). Л. 62.

87.

Там же, л. 63–64.

88.

Цесаревич Александр Александрович – Великому Князю Николаю Александровичу 2 октября 1877 // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1139. Л. 5–6.

89.

Лили Ден, Йен Воррес. Указ. соч. С. 45.

90.

Цит. по: Кудрина Ю. В. Императрица Мария Федоровна и Император Николай II. М.: Вече, 2013. С. 18.

91.

Цит. по: Кудрина Ю. Мать и сын (Императрица Мария Федоровна и Император Николай II). М.: Глаголь, 2004. С. 25.

92.

Кудрина Ю. Мать и сын. С. 25.

93.

Великий Князь Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2325. Л. 25.

94.

Великий Князь Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне. 14 ноября 1877 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 2.

95.

Цесаревич Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне 21 июля 1887 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 47.

96.

Цесаревич Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне 9 января 1891 г. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 118.

97.

Цесаревич Николай Александрович – Императору Александру III // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919(4). Л. 190.

98.

Цесаревич Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2322.

99.

Зимин И. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение.

100.

Бабель И. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. Одесские рассказы. М.: Время, 2005.

101.

Сургучев Илья. Детство Императора Николая II. СПб., 1999. С. 67.

102.

Лили Ден, Йен Воррес. Указ. соч. С. 56.

103.

Боханов А. Н. Последний Царь. С. 12.

104.

Лили Ден, Йен Воррес. Указ. соч. С. 54.

105.

Зимин И. Указ. соч. С. 70.

106.

М. С. Воробьева – Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу. 2 мая 1891 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1209. Л. 1–2.

107.

Ольденбург С. С. Император Николай II. Опыт биографии // Русская Летопись. Кн. 7. С. 4.

108.

Фабрицкий С. С. Указ. соч. С. 15.

109.

Обручев Н. Подлинный облик Царя-Мученика, как Человека, Христианина и Монарха // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. М.: Вече, 2008. С. 231.

110.

Ольденбург С. С. Император Николай II. Опыт биографии // Русская Летопись. Кн 7. С. 4.

111.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. М.: РОССПЭН, 2011. С. 43.

112.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1884 г. Запись за 6 февраля // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 219 (1). Л. 37.

113.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1884 г. Запись за 15 февраля // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 219 (1). Л. 50.

114.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1888 г. Запись за 1 января // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 222 (1). Л. 5.

115.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. С. 253.

116.

Там же. С. 249.

117.

Цит. по: Боханов А. Н. Последний царь. С. 30.

118.

Император Александр III – Императрице Марии Феодоровне 21 мая 1884 г. // Императрица Мария Феодоровна – Императору Александру III. Переписка.

119.

Татищев С. С. Детство и юность Великого Князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 430.

120.

Великий Князь Александр Александрович – Императрице Марии Александровне // ГА РФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 115. Л. 14.

121.

Цит. по: Кудрина Ю. Императрица Мария Федоровна и Император Николай II. С. 24.

122.

Император Николай II – Марии Феодоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1 Д. 2321. Л. 18.

123.

Цит. по: Кудрина Ю. Мать и сын. С. 29.

124.

Шереметев С. Д. Указ. соч. С. 78.

125.

Дневник Великого Князя Александра Александровича // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 302. Л. 34.

126.

Цесаревич Александр Александрович – Цесаревне Марии Феодоровне. С. 67.

127.

Сургучев И. Д. Указ. соч. С. 88–89.

128.

Царственные Мученики в воспоминаниях верноподданных. М.: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1999. С. 15.

129.

Дневник Цесаревича Николая Александровича. Запись за 20 февраля 1884 // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 219 (1). Л. 55.

130.

Дневник Цесаревича Николая Александровича. Запись за 24 февраля 1884 // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 219(1). Л. 59.

131.

Дневник Цесаревича Николая Александровича. Запись за 25 февраля 1884 // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 219(1). Л. 60.

132.

Наследник Цесаревич Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 164.

133.

Цесаревич Николай Александрович – Императору Александру III // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919(5). Л. 207.

134.

Государыня Императрица Александра Феодоровна Романова. Дивный свет. С. 189–191.

135.

Лили Ден, Йен Воррес. Указ. соч. С. 212.

136.

Буксгевден Софья, баронесса. Жизнь и трагедия Александры Феодоровны, Императрицы России. Воспоминания фрейлины. С. 726.

137.

Великий Князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. М., 2006. С. 295.

138.

Русский Вестник. Журнал литературный и политический, издаваемый М. Катковым. Т. 152. М., 1881. С. 1.

139.

Александр Михайлович, Великий Князь. Указ. соч. С. 66.

140.

Буксгевден Софья, баронесса. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России. Воспоминания фрейлины. С. 727–726.

141.

Александр Михайлович, Великий Князь. Воспоминания Великого Князя. В двух томах. М.: Захаров; АСТ. Т. 1.

142.

Высочайший манифест от 1 марта 1881 г. // Русский Вестник. Журнал литературный и политический, издаваемый М. Катковым. Т. 152. М., 1881. С. XXXVI.

143.

Мученическая кончина Царя-Освободителя Императора Всероссийского Александра II. М., 1881. С. 47.

144.

Фирсов С. Л. Николай II. Пленник самодержавия. М.: Молодая гвардия, ЖЗЛ, 2010. С. 30.

145.

Шереметев С. Д. Указ. соч. С. 123.

146.

Фирсов С. Л. Указ. соч. С. 30.

147.

Grunwald Constantin. Op. cit. P. XVII.

148.

Высочайший манифест 14 марта 1881 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 52. Л. 1.

149.

Твардовская В. А. Александр III // Романовы. Исторические портреты. Т. 2. С. 319.

150.

Кустова Т.А., Рыженко, И.Э., Фарафонова А. Н. Царские дети в Гатчине. СПб.: Абрис, 2004.

151.

Там же.

152.

Вельяминов Н. А. Воспоминания об Императоре Александре III // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1994. С. 249–313. Т. V.

153.

Правительственный Вестник. 20 октября 1888 г.

154.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1888 г. Запись за 17 октября // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 222(2). Л. 295.

155.

ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–140.

156.

Половцов А. А. Дневник государственного секретаря: в 2 т. М.: Центрполиграф, 2005. Т. 2. 1887–1892. С. 105.

157.

Лили Ден, Йен Воррес. Указ. соч. С. 191.

158.

Витте С. Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 198.

159.

Грубе В. Ф. Воспоминания об Императоре Александре III. СПб., 1898. С. 12.

160.

Грубе В. Ф. Указ. соч. С.15.

161.

Грубе В. Ф. Указ. соч. С. 4.

162.

Шереметев С. Д. Указ. соч. С. 124.

163.

Грубе В. Ф. Указ. соч. С. 9.

164.

Витте С. Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 194.

165.

Там же.

166.

Эдельман О. Крушение царского поезда // Отечественные записки, № 2, 2002.

167.

Витте С. Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 197.

168.

Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. Т. 2. С. 106.

169.

Мироненко С. В., Перегудова З. И., Андреев Д. А., Хрусталёв В. М. Дневники Императора Николая II: история изучения, публикации // Дневники Императора Николая II 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. М.: РОССПЭН, 2011. С. 14.

170.

Лансон Г. Воспитание Царя Николая II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 215. Л. 2 [пер. с фр.].

171.

Обручев Н. Подлинный облик Царя-Мученика, как Человека, Христианина и Монарха // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. С. 230.

172.

Цит. по: Кудрина Ю. В. Императрица Мария Федоровна и Император Николай II. С. 20.

173.

Зимин И. Указ. соч. С. 155.

174.

Минченков Я. Д. Воспоминания о передвижниках. Л.: Художник РСФСР, 1965. С. 98.

175.

Расписание занятий Государя Наследника Цесаревича за 18 марта 1883 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 160. Л. 23.

176.

Лансон Г. Воспитание Царя Николая II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 215. Л. 6.

177.

Там же.

178.

Генерал Г. Г. Данилович – Наследнику Цесаревичу Александру Александровичу // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 160. Л. 4.

179.

Мосолов А. А., генерал. При Дворе последнего императора. Воспоминания начальника дворцовой канцелярии. 1906–1916. СПб.: Наука, Ленинградское отд., 1992.

180.

Лансон Г. Воспитание Царя Николая II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 215. Л. 6.

181.

Leudet Maurice. Nicolas II intime. Paris F. Juven, éditeur. P. 51.

182.

Александр Михайлович, Великий Князь. Указ. соч. С. 45.

183.

Leudet Maurice. Op. cit. P. 51.

184.

Лансон Г. Воспитание Царя Николая II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 215. Л. 6–7, 8–9 об.

185.

Г.Г. Данилович – Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1241. Л. 5.

186.

Лили Ден, Йен Воррес. Указ. соч. С. 197.

187.

Зимин И. Указ. соч. С. 155.

188.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1888 г. Запись за 24 января // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 222. Л. 24.

189.

Шереметев С. Д. Указ. соч. С. 212.

190.

Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. Т. 1. С. 319.

191.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1884 г. Запись за 1 марта // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 219 (1). Л. 65.

192.

Г.Г. Данилович – Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1241. Л. 12.

193.

Там же.

194.

Там же. Л. 10.

195.

Степанов В. Л. Самодержец на распутье: Николай II между К.П. Победоносцевым и Н. Х. Бунге // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследование, историография, источниковедение. СПб.: Нестор-история, 2009.

196.

Дневник А. А. Половцова // Ф. 583. Оп. 1. Д. 47. Л. 5.

197.

Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. Т. 1. С. 188.

198.

Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. Т. 2. С. 7.

199.

Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. Т. 1. С. 477.

200.

Шавельский Г. И. Указ. соч. С. 348.

201.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1882 г. Запись за 11 сентября // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 217 (2). Л. 258.

202.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1882 г. Запись за 11 октября // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 217 (2). Л. 288.

203.

Зимин И. Повседневная жизнь Российского Императорского двора. Детский мир Императорских резиденций. С. 153.

204.

Там же. С. 156.

205.

Извольский А. П. Воспоминания. Пер. с англ. А. Сперанского. Пг.–М.: Петроград, 1924.

206.

Наша Страна, 29 марта 1952.

207.

Боханов А. Н. Последний царь. С. 18–19.

208.

Обручев Н. Подлинный облик Царя-Мученика, как Человека, Христианина и Монарха // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. С. 231.

209.

Ученические тетради Великого Князя Николая Александровича по военной топографии // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 175.

210.

Ученические тетради Великого Князя Николая Александровича по фортификации // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 178.

211.

Епанчин Н. На службе трёх императоров. Воспоминания. М.: Издание журнала «Наше наследие» при участии ГФ «Полиграфресурсы», 1996. С. 123.

212.

Бубнов А. Д. В Царской Ставке. М.: Вече, 2008. С. 129.

213.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1888 г. Запись за 1 января // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 222(1). Л. 15.

214.

Высочайший манифест о совершеннолетию Наследника Цесаревича Великого Князя Николая Александровича и о принесении им присяги // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 73. Л. 1.

215.

Зимин И. Царская работа. XIX – XX века. Повседневная жизнь Российского Императорского Двора.

216.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1884 г. Запись за 6 мая // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 219(1). Л. 131.

217.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича за 1884 г. Запись за 6 мая // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 24.

218.

Боханов А. Н. Последний Царь. С. 26.

219.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1889 г. Запись за 26 мая // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 223(2). Л. 198.

220.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1889 г. Запись за 17 июля // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 223(2). Л. 202.

221.

Дневник Цесаревича Николая Александровича 1889. Запись за 1 августа // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 223(2). Л. 217.

222.

Воспоминания о службе Государя Наследника Цесаревича Николая Александровича, ныне благополучно царствующего Государя Императора, 2 января 1893–20 октября 1894 гг. Записано командиром полка генерал-майором Великим Князем Константином Константиновичем в 1896 г. // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 5. Л. 1.

223.

Дневники Императора Николая II. 1894–1918. Т. 1. 1894–1904. С. 60.

224.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 6.

225.

Обручев Н. Подлинный облик Царя-Мученика, как Человека, Христианина и Монарха // Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. С. 236.

226.

Епанчин Н. Указ. соч. С. 123.

227.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1884 г. Запись за 6 февраля // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 219 (1). Л. 35.

228.

Сухомятинов В. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 395.

229.

Сухомятинов В. Указ. соч. С. 397.

230.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича за 1894 г. // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 4.

231.

Половцов А. А. Дневник Государственного секретаря в двух томах. М.: Центрполиграф, 2005. Т. 2. 1887–1892.

232.

Ухтомский Э. Э., князь. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891. СПб. – Лейпциг: Брокгауз, 1893. Т. 1. С. 15.

233.

Ухтомский Э. Э., князь. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. Т. 1. С. 38.

234.

Г.Г. Данилович – Великому Князю Николаю Александровичу. 12 сент. 1890 // ГА РФ. Ф. 601. Оп.1 Д. 1241. Л. 35.

235.

Ухтомский Э. Э., князь. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. Т. 1. С. 105.

236.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1890 г. Запись за 11 декабря // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 224. Л. 349.

237.

Император Александр III – Цесаревичу Николаю Александровичу. 18 декабря 1890 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1139. Л. 30.

238.

Цесаревич Николай Александрович – Императору Александру III. 12 ноября 1890 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919 (3). Л. 124.

239.

Цесаревич Николай Александрович – Императору Александру III. 1 декабря 1890 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919 (3). Л. 128.

240.

Цесаревич Николай Александрович – Императору Александру III. 20 января 1891 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919 (3). Л. 142.

241.

Цесаревич Николай Александрович – Императору Александру III. 20 января 1891 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919 (3). Л. 144.

242.

Цесаревич Николай Александрович – Императору Александру III. 7 марта 1891 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919 (3). Л. 156.

243.

Цесаревич Николай Александрович – Великому Князю Александру Михайловичу. 20 февраля 1891 г. // Боханов А. Н. Николай II. С. 418.

244.

Король Чулалонгкорн – Цесаревичу Николаю Александровичу 18 февраля 1891 г. // Ухтомский Э. Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891). СПб., 1897. Т. 2. С. 5.

245.

Цесаревич Николай Александрович – Великому Князю Александру Михайловичу. 20 февраля 1891 г. // Боханов А. Н. Николай II. С. 419.

246.

Ухтомский Э. Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891). СПб., 1897. Т. 2. С. 60–61.

247.

Из инструкции МИД России А.Е. Оларовскому при назначении его русским поверенным в делах и генеральным консулом в Таиланде. 21 февраля 1898 г. // Из истории русско-таиландских отношений (конец XIX – начало XX века) // Исторический архив, № 6. 1957. С. 120.

248.

Цесаревич Николай Александрович – Императору Александру III. 20 марта 1891 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919 (3). Л. 157.

249.

Великий Князь Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 163.

250.

Цесаревич Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 164.

251.

Великий Князь Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 168.

252.

Великий Князь Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 163.

253.

Митрофан (Зноско), епископ. Хроника одной жизни. К шестидесятилетию пастырского служения IX.1935 – IX.1995. М., 1995. С. 294.

254.

Митрофан (Зноско), епископ. Указ. соч. С. 294–297.

255.

Ухтомский Э. Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891). СПб., 1897. Т. 3. С. 24.

256.

Митрофан, епископ. Указ. соч. С. 39.

257.

Ухтомский Э. Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891). С. 41.

258.

Великий Князь Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 176.

259.

Великий Князь Николай Александрович – Императору Александру III // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919 (4). Л. 185–190.

260.

Великий Князь Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 174–177.

261.

Ухтомский Э. Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891). С. 42.

262.

Великий Князь Николай Александрович – Императору Александру III // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919(4). Л. 185–190.

263.

Князь В. А. Барятинский – Императору Александру III 2 мая 1891 г. // Источник, приложение к журналу «Родина». № 6, 1994.

264.

Император Александр III – Цесаревичу Николаю Александровичу 6 мая 1891 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 1999. С. 236. Т. IX.

265.

Великий Князь Михаил Александрович – Цесаревичу Николаю Александровичу // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1301. Л. 169–170.

266.

Дневник Великого Князя Николая Александровича за 1891. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 226. Л. 17.

267.

Витте С. Ю. Избранные воспоминания 1849–1911 гг. М., 1991. С. 288.

268.

Великий Князь Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 163.

269.

Великий Князь Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне. // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 176.

270.

Император Александр III – Цесаревичу Николаю Александровичу 6 мая 1891 г. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 1999. С. 236. Т. IX.

271.

А. Н. Майков – Императору Александру III // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1486. Л. 1.

272.

Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату от 17 апреля 1891 // Ухтомский Э. Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891). СПб., 1897. Т. 3. С. 114–115.

273.

Ухтомский Э. Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891). Т. 3. С. 123.

274.

Фонды музея-архива Д. И. Менделеева. СПГУ.

275.

Цесаревич Николай Александрович – Императору Александру III // ГА РФ. Ф. 674. Оп. 1. Д. 919 (4). Л. 196.

276.

Цесаревич Николай Александрович – Великому Князю Александру Михайловичу // Боханов А. Н. Николай II. С. 234.

277.

Дневник Великого Князя Николая Александровича за 1891 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 226. Л. 71.

278.

Ухтомский Э. Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891). Т. 3. С. VII.

279.

Десять лет на Императорской яхте «Штандарт» // Морские записки. The Naval Records. Издание бывших морских офицеров в Америке. Нью-Йорк, 1947. Т. 5. № 2. С. 37.

280.

Ухтомский Э. Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891). Т. 3. С. 123.

281.

Великий Князь Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 192.

282.

Ухтомский Э. Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891). СПб., 1897. Т. 3.

283.

Ухтомский Э. Э. Путешествие Государя императора Николая II на Восток. Т. 3.

284.

Слишком все было ясно для народа. Исповедь палача // Источник. 1993. № 0. С. 108.

285.

Николай Михайлович, Великий Князь. Легенда о кончине Императора Александра I в Сибири в образе старца Феодора Кузьмича. СПб., 1907. С. 9.

286.

Громыко М. М. Святой праведный Феодор Кузьмич – Александр I Благословенный. М.: Паломник, 2007. С. 408.

287.

Лебедев М., священник. Путешествие Наследника Цесаревича по Подольской епархии в 1891 году. Тобольск, 1892. С. 4.

288.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1891 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 226. Л. 20.

289.

Речь Преосвященного Иустина при встрече Его Императорского Высочества, Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича, в Тобольском кафедральном соборе, 10 июля 1891 года // Тобольские епархиальные ведомости. № 13–14, 1891. С. 26.

290.

Лебедев М., священник. Указ. соч. С. 5.

291.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1891 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 226. Л. 112.

292.

Встреча и пребывание Его Императорского Высочества, Благоверного Государя, Наследника Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича в пределах Оренбургской епархии, в июле сего года: О посещении Его Императорским Высочеством Наследником Цесаревичем Тургайской области // Оренбургские епархиальные ведомости. 1891. № 17 (ч. неофиц.). С. 540.

293.

Император Александр III – Цесаревичу Николаю Александровичу. 25 июля 1891 г. // Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 1999. Т. IX. С. 241.

294.

Цесаревич Николай Александрович – Великому Князю Александру Михайловичу // Боханов А. Н. Николай II. С. 235.

295.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1892 г. Запись за 4 апреля // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 228. Л. 38.

296.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1890 г. Запись за 31 декабря // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 224 (2). С. 369.

297.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1894 г. Запись за 9 июня // Дневники Императора Николая II. 1894–1904. М.: РОССПЭН, 2011. Т. 1. С. 82.

298.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1892 г. Запись за 27 июля // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 228. Л. 188.

299.

Вельяминов Н. А. Воспоминания об Императоре Александре III // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 1994. С. 249–313. [Т.] V.

300.

Великий Князь Георгий Александрович – Императору Николаю II // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1221. Л. 55.

301.

Танеева (Вырубова) А.А. Страницы моей жизни // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 4. С. 24.

302.

Великая герцогиня Алиса – королеве Виктории 31 мая 1865 // Жевахов Н. Д. Указ. соч. Т. 1.

303.

Великая герцогиня Алиса – королеве Виктории 24 июля 1865 // Жевахов Н. Д. Указ. соч. Т. 1.

304.

Императрица Александра Феодоровна – А.В. Сыробоярскому 28 мая 1917 г. // Письма Царской Семьи из заточения. М.: Вече, 2013. С. 33.

305.

Великая герцогиня Алиса – королеве Виктории // Жевахов Н. Д. Указ. соч. Т. 1.

306.

Ден Лили, Воррес Йен. Указ. соч. С. 36.

307.

Скорбный ангел. С. 11.

308.

Фомин С. В. «Венценосная голубица» // Скорбный ангел. С. 11.

309.

Скорбный ангел. С. 13.

310.

Ден Лили, Воррес Йен. Указ. соч. С. 87.

311.

Скорбный ангел. С. 14

312.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1884 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1.

313.

Цит. по: Боханов А. Н. Николай II. М.: Вече, 2008. С. 59.

314.

Государыня Императрица Александра Феодоровна Романова. Дивный свет. Дневниковые записи, переписка, жизнеописание. Пер. с англ. Сост. монахиня Нектария (Мак Лиз). М.: Издательский дом «Русский Паломник»; Валаамское общество Америки, 2009. С. 21.

315.

Государыня Императрица Александра Феодоровна Романова. Дивный свет. С. 20.

316.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1889 г. Запись за 18 января // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 223. Л. 22.

317.

Великая Княгиня Елизавета Феодоровна – Цесаревичу Николаю Александровичу 19 июня 1889 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1253. Л. 7–8 [на англ. языке].

318.

Великая Княгиня Елизавета Феодоровна – Цесаревичу Николаю Александровичу 18 сентября 1890 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1253. Л. 15–16 [на англ. языке].

319.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1890 г. Запись за 20 августа // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 225. С. 236.

320.

Цит. по: Боханов А. Н. Мария Федоровна. С. 262.

321.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1891 г. Запись за 21 декабря // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 227. С. 108.

322.

Великая Княгиня Елизавета Феодоровна – Цесаревичу Николаю Александровичу 29 августа 1890 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1253. Л. 13–14 [на англ. языке].

323.

Цит. по: Письма Преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы Феодоровны. М.: Православное сестричество во имя Преподобномученицы Елизаветы. 2011. С. 132.

324.

Цит. по: Письма Преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы Феодоровны. С. 146–147.

325.

Цит. по: Боханов А. Н. Мария Федоровна. С. 264.

326.

Боханов А. Н. Александра Федоровна. С. 45.

327.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича за 1892 г. // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 44.

328.

Принцесса Алиса Гессенская – Цесаревичу Николаю Александровичу 8 ноября 1893 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1147. Л. 3–5 [на англ. яз.]

329.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича за 1892 г. // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 53.

330.

Боханов А. Н. Мария Федоровна. С. 266.

331.

Алферьев Е. Указ. соч. С. 18.

332.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1894 г. Запись за 5 апреля // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 233. С. 96.

333.

Наследник Цесаревич Николай Александрович – Императрице Марии Феодоровне 10 апреля 1894 г. // ГА РФ.

334.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1894 г. Запись за 8 апреля // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 233. С. 101.

335.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1894 г. Запись за 10 апреля // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 233. С. 103.

336.

Дневник Цесаревича Николая Александровича за 1894 г. Запись за 12 апреля // Дневник Императора Николая II. Т. 1. С. 67.

337.

Император Александр III – Цесаревичу Николаю Александровичу 14 апреля 1894 г. // Ф. 601.
Оп. 1. Д. 1139. Л. 20.

338.

Боханов А. Н. Александра Федоровна. С. 78.